

ОРКС

ТОМ 1

Chronicles

18+

Игорь Васильев

Игорь Васильев
Хроники "ОРКС". Том 1

«Автор»

2026

Васильев И. Г.

Хроники "ОРКС". Том 1 / И. Г. Васильев — «Автор», 2026

«Хроники ОРКС» — аниме сага о семье, собранной из осколков войны: отщепенцев, безумных злодеек с комплексом тирана, безжалостных демониц, — кому судьба подарила второй шанс. И шанс вписать свою историю в ткань галактики. Командир и его отряд — не просто наемники. Это чудовища по рождению и изгои по выбору: демоны, ламии, арахнии, бывшие владычицы, вырванные им из когтей смерти. Их враг — древняя кремниевая раса, стирающая органическую жизнь с лица планет в одном рукаве галактики. Но истинное сердце истории — не сражения, а люди. Каждый член ОРКС носит в себе глубокую травму: кто-то был разорван на части как мусор, кто-то веками прятался от мира, кто-то считал себя чудовищем, недостойным любви. Но главная трансформация происходит с Неферит — высокомерным тираном, которая упивалась властью и сеяла страх. Спасённая, она проходит путь от безумной, самоуверенной машины для завоеваний и убийств в живого, чувствующего человека. Она учится доверять, защищать и, возможно, впервые — любить.

© Васильев И. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Неферит + Глава 1. Пепел и зеленый огонь	5
Глава 1. Пепел и зеленый огонь	9
Глава 2. "Феникс"	20
Глава 3. Курс на бурю	36
Глава 4. Тени прошлого, иглы настоящего	46
Глава 5. Пластичный эфир	57
Глава 6. Звездный шторм	68
Глава 7. Порог	78
Глава 8. Вендетта	90
Глава 9. Партнеры	101
Глава 10. Первые шаги	106
Глава 11. Среди звезд	114
Глава 12. Ламия	124
Глава 13. Операция в ночи	132
Глава 14. Стая	141

Игорь Васильев

Хроники "ОРКС". Том 1

Пролог. Неферит + Глава 1. Пепел и зеленый огонь

Пятеро против одного, а вот подросли и ещё двое — лучшие лидеры Содружества, элита, цвет их прогнившей военщины. Семеро. Против неё одной. Но Неферит лишь оскалилась в надменной усмешке — той самой, от которой у врагов подкашивались ноги, а союзники... союзники? Она не заметила, что их больше не было. Не заметила, как её головорезы, её верные псы, дружным маршем оставили свою главнокомандующую одну — или, быть может, их уже убили, а она, ослеплённая азартом, пропустила этот момент. Не заметила, как пропали те, кого она называла союзниками — те, кого она считала лишь средством. Лишь дикий, всепоглощающий огонь битвы пульсировал в венах, заглушая голос разума.

Неферит стояла в боевой стойке, тяжело дыша, но всё ещё уверенная в своей победе. Её фиолетовые глаза сияли безумным азартом, хвост хлестал по камням, а вокруг рук клубился эфир — плотный, искрящийся, готовый разорвать любого, кто приблизится. «Жалкие черви, — пронеслось в голове. — Вы думаете, что числом возьмёте? Я — Неферит. Я не знаю поражений». И она бросилась в атаку — первая, как всегда.

Они навалились все разом. Семь клинков, семь траекторий смерти устремились к ней одновременно. Неферит уклонялась с грацией, которой позавидовала бы любая кошка: хвост работал балансиром, тело изгибалось под немислимыми углами, а эфирные вспышки отражали удары, рассеивая их в воздухе. Её движения были смертоносным танцем — она кружилась среди врагов, и каждый выпад её рук оставлял за собой оплавленный след. На мгновение она оказалась в центре их кольца, окружённая, но не пойманная. И тогда её глаза вспыхнули яростным фиолетовым огнём. Она вскинула руки к небу — и мощная ударная волна, рождённая колебаниями чистого эфира, ударила во все стороны, сбив нападавших с ног, отшвырнув их, как тряпичных кукол.

Надменная улыбка озарила лицо хвостатого тирана. «Вот так. Смотрите, глупцы. Смотрите на силу, которой вам никогда не достичь». Её пальцы начали наливаться светом — она копила энергию на кончиках рук, сжимая саму суть эфира в две смертоносные сферы. Это будет победный удар. Удар Владычицы, что не знает поражений. Она уже видела, как эти семеро превратятся в пепел, как падёт эта крепость, как её имя прогремит на всю планету. Она подняла руки для финального аккорда.

И тогда воздух вокруг неё заискрился.

Не так, как обычно. Не послушный, покорный эфир, танцующий по её воле. Он заискрился дико, хаотично — и несколько фиолетовых молний, сорвавшихся с её собственных ладоней, ударили в неё саму. Одна вонзилась в плечо, растворив часть чёрного костюма и оставив глубокий, дымящийся ожог, запах палёной плоти разнёсся в воздухе.

Неферит медленно, очень медленно повернула голову к месту боли. На её лице — впервые за долгие, долгие годы — было удивление. Чистое, неподдельное, почти детское удивление существа, которое столкнулось с невозможным. «Моя сила... меня? Этого не может быть. Я контролирую всё. Я — хозяйка эфира. Я.»

Мысль оборвалась.

Вслед за болью в плече её пронзила острая, невыносимая боль в животе. Она опустила взгляд — и увидела его. Огромное, механическое копьё, пущенное с невероятной силой, вошло в её тело от пупка до самого сердца, пронзив насквозь и вылетев наружу. Чёрный костюм пропитался кровью — её собственной кровью, той, что она так редко видела. Лицо Неферит в этот момент выражало самую что ни на есть ошарашенность. Не ярость. Не боль. Именно ошарашенность.

Её сила никогда не подводила. Никогда. Как и сейчас — эфир всё ещё клубился вокруг неё, готовый подчиниться. Но странная, необъяснимая заминка — та самая доля секунды, когда её тело осознало предательство изнутри раньше, чем разум, — решила исход этого боя. Боя, что шёл высоко над землёй. Парящая крепость Содружества уже давно оторвалась от земли на гравитационных платформах и парила высоко в небесах. Неферит в пылу битвы не заметила и этого. Возможно, именно потому, что крепость взлетела, её солдаты и союзники

исчезли — кто-то сбежал, кто-то погиб, кто-то просто не успел на борт. Она осталась одна среди врагов, в ловушке, которую сама себе построила своей самоуверенностью и непоколебимой верой в собственную непобедимость.

Шаг назад. Ещё шаг. Затем третий. Ноги, всегда державшие её с грацией хищника, больше не слушались. Они подкосились. Неферит попыталась ухватиться хвостом за край бортика, но он лишь бессильно скользнул по шершавой поверхности. И она сорвалась.

Сорвалась в пустоту.

Ветер засвистел в ушах, мир завертелся — небо, облака, удаляющаяся громада крепости. Но страшнее всего было не падение. Страшнее было то, что начало происходить с её телом. Всё ещё пульсирующий на руках эфир, собранный для победного удара, загустел и, словно живое существо, начал просачиваться под кожу. Он проникал в вены, в мышцы, в кости — и там, внутри, начал пожирать её. Жуткая, невообразимая боль разорвала всё тело. От рук, от груди, от живота пошли струйки дыма — не чужого, её собственного, горящего изнутри. Сила, которая всегда была её верным оружием, теперь обратилась против неё.

Осознание пришло поздно. Слишком поздно.

«Меня бросили. Все меня бросили. Мои солдаты. Мои союзники. Все, кого я считала лишь средством. Я была одна — даже тогда, когда командовала армией. Я всегда была одна. И теперь... теперь моя сила, моя гордость, моя суть — она убивает меня. Я, кто никогда не проявляла слабости, кто никогда ничего не просила... я не хочу. Я не хочу умирать. Не так. Не сейчас. Не в одиночестве».

Этот ужас — ужас отверженной, брошенной, преданной собственной силой — был сильнее физической боли. Он заполнил всё сознание, вытеснив остатки надменности. И тогда из горла вырвались простые, сдавленные стоны, больше похожие на мольбу:

— Я не хочу умирать... Пожалуйста... Кто-нибудь... Я не хочу...

Сознание померкло, и глаза закрылись. Лишь тонкий след дыма был последним, что осталось в истории от великой завоевательницы. А внизу, далеко под парящей крепостью, земля ждала свою жертву.

Глава 1. Пепел и зелёный огонь

Сознание возвращалось рывками, будто кто-то лениво вытаскивал её за шкурку из чёрной, маслянистой бездны, где не было ничего — ни времени, ни боли, ни этого унижительного чувства поражения. А потом бездна выплюнула её обратно в реальность, и реальность оказалась сухой.

Боль пришла не сразу. Сначала был запах — дым, гарь, палёная плоть. Её плоть. Потом — свет, пробивающийся сквозь веки оранжевыми копьями. И только потом, с отвратительной, издевательской неспешностью, пришла она — боль. Такая, будто в животе проворачивали раскалённый лом, медленно, с садистским наслаждением.

Неферит разлепила веки. Мир услужливо раздвоился, поплыл, закружился в пьяном хороводе теней и отблесков костра. В висках стучал метроном — тук-тук, тук-тук, — отсчитывая секунды до того момента, когда она либо сдохнет, либо всё-таки сможет вдохнуть без того, чтобы из лёгких не вырвался хрип. Она сглотнула. Во рту был вкус пепла и крови. Отвратительный коктейль. Даже не закусить.

Над головой — звёзды. Равнодушные, вечно молчащие сволочи. Они смотрели на неё сверху вниз, и в их холодном мерцании ей чудилась насмешка: «Ну что, безумная? Допрыгалась?»

Резкий спазм в животе заставил стиснуть зубы с такой силой, что, казалось, эмаль пошла трещинами. Правая рука, её собственная, всё ещё слушается, уже хорошо — дёрнулась вниз. Пальцы нащупали рваные края плоти. Влажные. Горячие. Отвратительно мягкие. Рана огромна, края разошлись, как неаккуратный шов на дешёвой одежде. Но что-то внутри уже копошилось. Что-то чужеродное, холодное, микроскопическое. Оно пульсировало, стягивало ткани невидимыми нитями, удерживая её душу в этом брэнном, еле живом теле. Грань была тонкой, как обещание сенатора. И такой же надёжной.

Она приподняла голову. Движение отозвалось новой вспышкой — ослепительной вспышкой. Перед глазами заплясали фиолетовые пятна, смешиваясь с оранжевыми сполохами костра. Но она справилась. Она всегда справлялась. Проморгалась. Сфокусировала взгляд.

У костра сидел мужчина.

Белые, лохматые волосы, в которых плясали отблески пламени, словно сама стихия решила свить гнездо у него на голове. Лицо грубое, будто вытесанное топором по пьяни, с черной щетиной. Одежда как у старого, дешевого байкера, который оделся с барахолки. Но глаза Глаза перечёркивали всё первое впечатление. Зелёные. Горящие неестественным, почти звериным светом, как два куска радиоактивного льда, вставленные в глазницы. В ухе покачивалась серьга с крохотным черепом — то ли стильный аксессуар, то ли предупреждение. Он курил сигару, и дым поднимался к звёздам густыми, ленивыми кольцами, смешиваясь с дымом костра. Незнакомец. Не из её мира — в этом она была уверена так же твёрдо, как в том, что у неё сейчас адски болит живот. Слишком чуждый. Слишком расслабленный для того, кто сидит у костра с полудохлой незнакомкой после боя, будто он вышел из офиса подышать свежим воздухом.

Она помнила поражение, свое падение, от самого, казалось, неба, от самой вершины своей власти. Помнила, как её же собственная энергия пожирала тело, забиралась под кожу раскалёнными иглами, в лёгкие — расплавленным свинцом, в самую душу, ледяными пальцами отчаяния. Помнила крик. Свой собственный? Или чей-то ещё? Неважно. Важно было другое — она проиграла. Она, Неферит, та, чьё имя когда-то пугало врагов и друзей, летела в пустоту, как сломанная кукла, выброшенная за ненадобностью. И чьи-то руки вырвали её оттуда. Чьи-то. Не её. Это бесило больше, чем рана.

Голос прозвучал хрипло, надтреснуто — как несмазанная дверь в склепе. Но даже сквозь эту хрипоту проросли знакомые нотки. Надменные. Острые. Высокомерные. Привычная броня, которую она натягивала на себя, даже лёжа с распоротым брюхом у чужого костра: — Ты кто такой? И с какой стати я ещё дышу?

Фиолетовые глаза — глубокие, как аметисты, в которые вплавили по кусочку голубого льда, — сузились. Вертикальные зрачки хищника сжались в тончайшие щёлки, сканируя незнакомца с безошибочной точностью прицела. Её причёска — розовые, короткие волосы под мальчика, с челкой на лбу и двумя локонами у скул, уложенные в тугую косичку через плечо — которая сейчас просто висела как мокрый кусок шерсти за спиной, выглядит так, будто она только что вышла из боя и забыла поправить макияж. Хотя, строго говоря, так оно и было. Чёрный матовый костюм, обтягивающий торс и открывающий немного кожи на талии по бокам, с шипами на стальных, черных наплечниках и высоким фиолетовым воротником, был местами порван, местами обожжён. Браслеты с фиолетовыми вставками потрескались. Красный пояс с подсумком обуглились. Кожаная, прямая юбка чудом уцелела. Высокие сапоги всё ещё сияли матовой чернотой — хоть что-то не подвело. А под юбкой шорты. Не хватало ещё, чтобы этот беловолосый ублюдок пялился на то, что ему не принадлежит.

Хвост — длинный, чешуйчатый, с костяным наконечником, способным пробить грудную клетку взрослому мужчине, — слабо шевельнулся у её ног. Жалкое зрелище. Обычно он рассекал воздух как боевой хлыст, а сейчас напоминал умирающую змею. Единственный признак того, что она пытается оценить обстановку. И, возможно, готовится к рывку. Раненая, обессиленная, с внутренностями, которые чудом не вывалились наружу — но всё ещё хищница. Всё ещё та, кто когда-то держала в кулаке всех.

Мужчина неторопливо затянулся сигарой. Кончик вспыхнул алым, осветив на мгновение грубые черты лица и ленивую, наглуую ухмылку. Он выпустил дым — идеальное, безупречное кольцо, которое медленно поплыло к звёздам, словно издевательский нимб. И ответил.

— Да так, мимо проходил, увидел одну обгорающую дуру на грани забвения и решил: а чего бы и нет? — Он хмыкнул, как будто издевательски. — В хозяйстве пригодится. А ты как, кстати? Выглядишь так, будто пыталась обнять дракона. Голой. И проиграла.

Неферит медленно приподнялась на локте, преодолевая боль. Лицо исказила гримаса — и лишь отчасти от раны. В фиолетовых глазах вспыхнуло раздражение, яркое, почти осязаемое, как статическое электричество перед грозой. Хвост дёрнулся, сминая траву и случайно задев камешек, который улетел в темноту с тихим, обиженным свистом.

— Обгорающую дуру? В хозяйстве пригодится? — Каждое слово она процедила сквозь зубы, как яд. — Я что, по-твоему, кухонный комбайн? Или, может, новое украшение для твоего камина?

Она смотрела на него долгим, оценивающим взглядом — на расслабленную позу ногу на ногу, на сигару в зубах, на наглуую ухмылку, которая, казалось, была приклеена к его лицу намертво каким-то особо циничным клеем. Спаситель. Надо же было так вляпаться — быть спасённой тем, у кого манеры тролля и чувство такта как у голодного гризли. Хотя, уж лучше так, чем сдохнуть.

Глубокий вдох. Медленный выдох. Гнев нужно унять. Не сейчас. Она всё ещё слишком слаба. Рана пульсирует, внутри что-то неприятно покалывает, восстанавливая ткани, словно тысячи крохотных муравьёв маршируют строем, сшивая её плоть. Нужно понять, где она и что происходит. А потом уже можно будет решить, убивать этого нахала или пока отложить.

— Ладно. Допустим. — Голос прозвучал сухо, но уже спокойнее. Она отвела взгляд к костру и на ее лице расцвела слегка безумная ухмылка. — Где я? И сколько времени прошло? И если ты скажешь «в аду, детка, и прошла целая вечность», я найду в себе силы испепелить тебя.

Пальцы снова коснулись живота, ощупывая края раны. Та всё ещё была открыта, но явно меньше, чем должна быть. Очень необычно. Она нахмурилась, чувствуя под кожей чужеродное шевеление — микроскопическое, почти неосязаемое, но несомненно присутствующее. Как будто внутри завелись крохотные паразиты. Очень, очень трудолюбивые паразиты.

— Что во мне? Я чувствую что-то чужеродное внутри. Отвечай!

— Для начала не дёргайся и ляг обратно, пока твои внутренности не решили познакомиться с внешним миром поближе! — Он снова затянулся, выпустил клуб дыма в ночное небо, и в этом клубе ей на секунду почудился череп. Или это просто игра света. — Я понятия не имею, где мы, но упрыгал я с тобой очень далеко, чтобы уж точно нас не нашли. Знаешь, тащить на себе бессознательную женщину с дырой в животе, от которой разит обжаренной кошкой — то ещё удовольствие. Очень бодрит, рекомендую. Да и не имеет это значения. Утром мы уйдём с этой планеты. А вколол я тебе самое дорогое в галактике средство — наниты. Это микроскопические микроботы, которые полностью восстанавливают тело любого существа.

Хоть человека, хоть хвостатой тиранши с комплексом бога. Если бы не они, ты бы уже удобряла землю.

Неферит замерла на полпути, услышав резкий тон. Что-то в его грубой прямоте заставило её нехотя подчиниться и она медленно опустилась обратно на траву, хотя взгляд остался колючим, цепким, как рыболовный крючок.

— Наниты микроскопические микроноботы, — повторила она задумчиво, пробуя незнакомые слова на вкус. Её цивилизация знала технологии, природную магию, древние реликвии, эфир в конце концов — но ничего подобного. Никаких микроскопических роботов. — Значит, не боги сжалились. Всего лишь машины. — Она издала сухой смешок, ломкий. — А я уж было подумала, что вселенная решила передо мной извиниться.

Она отвернулась, глядя в звёздное небо. На лице мелькнула тень разочарования — или, быть может, уязвлённой гордости. Та, кто всегда рассчитывала только на себя, кто считала себя вершиной пищевой цепочки и повелительницей судеб, оказалась обязана жизнью какому-то грубому чужаку с сигарой и лексиконом портового грузчика. И его микроскопическим друзьям. Какая ирония. Просто восхитительная, унижительная ирония.

Долгая пауза. Костёр потрескивал, выбрасывая в небо снопы искр. Где-то в темноте стрекотали насекомые — или, может, не насекомые, кто их тут разберёт.

— Сколько? — Она снова перевела взгляд на него. Тон сухой, деловой, как при заключении торгового договора на поставку оружия. — Сколько я тебе должна за это «самое дорогое средство»? Я не люблю быть в долгу. Долг — это слабость. А слабость — это смерть. — Она чуть помедлила, изучая его лицо. — И ещё ты сказал: «утром мы уйдём с этой планеты». «Мы» — это кто? Ты и я? С чего ты вообще решил, что я пойду с тобой? Может, у меня здесь ещё остались незаконченные дела. Например, отомстить. Или сдохнуть окончательно. — Она нахмурила брови.

Он ухмыльнулся — на этот раз шире. И в ухмылке этой было что-то такое, от чего даже у неё, повидавшей ужасов, что в кошмарах не приснится, пошли мурашки. Такой, какой бывает, когда понимаешь, что напротив сидит не просто человек, а кто-то гораздо, гораздо опаснее.

— А у тебя есть выбор, ящерица? — Слово «ящерица» он произнёс с таким сарказмом, что оно прозвучало как очень сильное ругательство. — Я вообще-то только, что вытащил тебя с того света. Без гарантии, без страховки, чисто по доброте душевной. Шучу, какая к чёрту доброта? Ты мне нужна. Но ты, конечно, можешь остаться тут, и с тебя я ничего не возьму. Только скажи. Вот только учти пару моментов. Во-первых, к тебе никто не пришёл на помощь. Никто. Ни одна живая душа. Твои верные войны, твои союзники — всех как ветром сдуло. Во-вторых, твои люди уже разбежались врассыпную, как тараканы при включении света, видимо не особо ты их и устраивала. В-третьих, тебя уже разок отделали до смерти. Неужели хочется ещё? Я, знаешь ли, не для этой глупости тебя спасал, чтобы ты через неделю опять нашла приключений на свой симпатичный, хвостатый зад. У меня есть предложение, и, бьюсь об заклад, оно тебе понравится. Если ты, конечно, способна думать о чём-то, кроме гордости. Советую умерить свою хватку дорогуша.

Он снова медленно затянулся сигарой. Его изумрудные глаза сверкнули в темноте, как два зелёных фонаря в ночи — ярко, хищно, неестественно. Как будто сами глубины космоса

вглядывались в неё. Неферит почувствовала холодок вдоль позвоночника — острый, отрезвляющий, как лезвие ножа, приставленное к горлу.

Её хвост резко хлестнул по земле, взметнув траву и искры от костра. Огненные точки разлетелись в стороны, как миниатюрный фейерверк. Зрачки сузились в тонкие щёлки — две голубые молнии на фиолетовом фоне. Упоминание о том, что случилось, о том, что все разбежались, — это задело сильнее, чем она готова была показать. Задело глубже, чем рана в животе. Потому что это было правдой. Колючей, гадкой, невыносимой правдой.

— Откуда ты знаешь, что со мной произошло? — Голос стал ниже, опаснее, несмотря на слабость. В нём зазвенел металл, который когда-то отдавал приказы, бросавшие в бой её головорезов. — О, а кто ты такой, чтобы говорить мне о выборе, когда я даже твоего имени не знаю? Ты появляешься из ниоткуда, спасаешь меня, тащишь через полмира, вкалываешь каких-то микроскопических жуков и думаешь, что я просто кивну и пойду за тобой как дрессированная собачка?

Но эти глаза Этот взгляд, вспыхнувший в темноте неестественным светом. Она видела многое за свою долгую жизнь на этой агрессивной планете. Но этот человек от него веяло чем-то совершенно иным. Чуждым. И пугающе безграничным, как сама пустота между звёздами. А человек ли он вообще? Может, под этой белой шевелюрой и наглой ухмылкой скрывается нечто такое, чему в её мире даже названия не придумали?

Неферит затихла. Медленно выдохнула, прикрыв глаза. Ресницы — длинные, тёмные — дрогнули. Боль в животе напомнила о себе тупой пульсацией, размеренной, как ход невидимых часов, отсчитывающих время до полного восстановления. Она была далеко не дурой. Она понимала своё положение. Положение было — откровенно говоря — дерьмовым. А жить, к её великому изумлению, ей очень хотелось.

— Ладно. — Когда она заговорила снова, в голосе сквозила непривычная усталость, застарелая, как ржавчина на старом клинке. — Слушаю твоё предложение. Но сначала имя. Я Неферит. Бывшая — она запнулась, и на лице мелькнула тень, — кто я теперь — не знаю. Без людей, без союзников, без сил, без всего, что делало меня мной. — Горькая усмешка тронула её губы, тонкая, как порез. — А ты откуда свалился вообще? С неба? Из другого измерения? Из особо запущенного ада? Ты явно не здешний, тут таких не водится.

Она пристально смотрела на него поверх пляшущих языков пламени. В фиолетовых глазах была смесь настороженности, любопытства и тщательно скрываемой уязвимости. Уязвимости, которую она не позволяла себе уже много лет. С тех самых пор, как, нет, не сейчас. Воспоминания — это роскошь для тех, у кого нет дыры в животе.

— Зови меня просто Вик. Думаю, тебе можно — раз уж должна мне за свою жизнь. А должна ты мне будь здоров. — Он стряхнул пепел в траву жестом человека, который привык сорить везде, где находится. — Я командир ОРКС. Это Отряд Решения Кризисных Ситуаций. Если вкратце и без скучных деталей — мы бороздим просторы нашего рукава галактики и очень, мать его, весело проводим время. — На его лице засияла странная ухмылка — предвкушающая, как у кота, который знает, где лежит сметана. — А веселиться нам помогают наши закадычные друзьяшки — чужеродная раса, состоящая из кремния и живущая у чёрта на рогах, а именно на другом конце галактики. Ты же понимаешь, что такие расстояния не преодолеть даже в субпространстве? Ни на каких двигателях, ни на каких прыжках? Так вот, дорогуша, чтобы попасть в наши миры, они открывают порталы с помощью своей технологии резонанса

вибраций экосистем планет. Прямым из своей дыры в нашу. — Он сделал неприличный жест с помощью пальца и колечка, как бы имитируя портал, а потом еще сильнее ухмыльнулся. — И с помощью мимикрии под местных жителей, проводят диверсии, забираются во власть и устраивают геноцид. Весело, да? Как на вечеринке с клоунами, только клоуны — это кремниевые монстры, а вечеринка заканчивается массовыми похоронами. Потом они делают кристаллическое терраформирование, когда органические вибрации планеты угасают — мы теряем этот мир. Навсегда. Без возврата. Ничего не напоминает? Чем больше миров потеряно, чем больше планет сменят свои вибрации, тем больше они могут перемещать своих ублюдков через порталы. И когда перевес будет на их стороне — а он будет, если ничего не делать, — ни твоего мира, ни других миров уже не останется. Тю-тю. Финита ля комедия. Такие дела.

Он помолчал, глядя на неё с каким-то новым, оценивающим выражением. В зелёных глазах плясали отблески костра, и от этого он выглядел как безумный пророк из древних легенд.

— Кстати, может, это они и были теми самыми вашими древними из легенд, что похлопотали над вашей планеткой? Очень похоже на технологии Геоидов. наших кремниевых друзей. Мы их так зовём, кстати, мерзкие куски говорящего булыжника. Геоиды, да я знаю глупое название, ну уж как сложилось. Потому что они с мира под названием Гея. Очень оригинально, да? Маркетинговый отдел у нас не очень.

Неферит слушала молча, не перебивая. С каждой фразой её брови приподнимались всё выше — смесь скепсиса и невольного, жадного интереса. Когда он закончил, она медленно выдохнула, прикрыв глаза. Переваривала информацию.

— Вик. — Она медленно произнесла имя, затем усмехнулась, невесело, скорее задумчиво. — ОРКС. Кремниевая раса из другого рукава. Мимикрия, диверсии, терраформирование. Геноцид. Порталы. — Она перечислила это как пункты обвинительного приговора, загибая пальцы. — Звучит как бред сумасшедшего. Или как начало очень плохой шутки. «Заходят как-то кремниевые твари в бар»

Она снова приподнялась на локте, игнорируя боль — та уже стала тупой, фоновой, почти привычной. Теперь в её глазах горело уже не раздражение, а мрачное любопытство хищницы, почуявшей добычу. Или, может, новую охоту.

— Допустим, я тебе верю. Допустим, твои кремниевые твари — это и есть древние. Допустим даже, что всё это не галлюцинация от потери крови. Но знаешь, что меня смущает? — Её хвост медленно покачивался из стороны в сторону, как маятник — гипнотизирующий, опасный. — Ты говоришь так, будто я уже согласилась. Будто у меня нет причин просто встать и уйти, как только эта — она поморщилась, коснувшись раны, — эта микроскопическая дрянь внутри меня закончит работу. Может, я хочу остаться тут. Может, мне нравится эта планета. Может, я планирую собрать новую армию и вернуть своё. — Она слегка опустила голову в усмешке и смотрела исподлобья.

Пауза. Долгий, оценивающий взгляд — как прицеливание. Но теперь в нём не было враждебности. Только холодный расчёт и что-то ещё. Что-то похожее на азарт.

— Но ты прав в одном. Мне никто не помог. А я я едва не сдохла и то, только благодаря тебе. — Она скривила губы в усмешке, в которой было больше горечи, чем иронии. — Я, великая Неферит, та, кто держала в кулаке кучу людей. Но я осталась одна. Против всех. — Она отвернулась к костру, и на мгновение в её фиолетовых глазах мелькнуло что-то незащищённое, обнажённое: стыд, растерянность, гнев на саму себя. Но лишь на мгновение. —

Знаешь, каково это? Когда ты вершина, а потом в одну секунду становишься никем? Мусором, который выбрасывают на обочину истории?

Она встряхнула головой, отгоняя непрощенные мысли. Её хвост метнулся — туда-сюда, словно соглашаясь с ней.

— Так что давай начистоту. — Голос снова стал твёрдым, командирским. Таким, каким она когда-то отдавала приказы с вершины своего трона высокомерия. — Зачем я тебе? Ты ведь не спасаешь обгоревших дур из жалости. Я таких, как ты, за километр чую. Ты хищник, как и я. Только твоя охота другого масштаба, да? Так что ты хочешь получить взамен? И не говори «твою дружбу», потому что я рассмеюсь и у меня разойдутся швы.

И тогда он улыбнулся — по-настоящему, как это делают древние существа. Не наглой ухмылкой, не саркастическим оскалом, а улыбкой существа, которое наконец-то увидело то, что искало. И от этой улыбки даже костёр, казалось, на миг позеленел. Пламя дрогнуло, меняя оттенок — оранжевый смешался с изумрудным, и на поляну легли неестественные, колдовские тени. У неё по спине снова пробежал холодок. Не страх. Предвкушение.

— Тебя, Неферит. Всю, без остатка. Без права на возврат и обмен. — Он произнёс её имя так, будто оно весило целую планету. — Твои острые как бритва таланты. Твой изворотливый, холодный ум. Твою чудовищную креативность в решении проблем. Твою заносчивость, которая раздражает до скрежета зубов. Твою стервозность, от которой у моих людей будет нервный тик. Твои колоссальные, необузданные силы по управлению эфиром. Я хочу заполучить всё это в свой арсенал. — Его зелёные глаза засияли в ночи так ярко, что пламя костра подёрнулось изумрудным оттенком, затанцевало в такт его словам. — Взамен я дам тебе то, чего ты никогда бы не получила, сидя на своём вымышленном троне, ты увидишь галактику, Неферит. Не картинку в телескопе, не древние легенды о звёздных странниках — настоящую, живую, дышащую галактику. Тысячи миров. Тысячи рас. Тысячи вещей, которые твой мир даже не мог вообразить. И, возможно, узнаешь тайны своего мира — и есть ли у них связь с нашими каменными ублюдками. И знаешь, я почему-то в этой связи не сомневаюсь. Ну а в качестве социального пакета: бесплатная, безлимитная выпивка и море жратвы за мой личный счёт. И конечно же, регулярные, опасные, сложно выполнимые задачи с высоким шансом летального исхода. Всё как ты любишь. Я давно наблюдал за тобой. Знаешь, смотреть, как ты строишь свою маленькую империю, было вдохновляюще. Но теперь твоим полем станет не твоя дыра на этой грязной планете, а куда большее пространство. — Он наклонился вперёд, и свет костра выхватил из темноты его лицо, хищное, вдохновлённое, безумное. — Ну что? Я заинтересовал? Или мне ещё станцевать?

Неферит замерла. То, о чем он говорил, было вдохновляюще и, возможно, это могло стать её личной целью. Зелёное сияние его глаз отражалось в её расширенных зрачках и на мгновение она выглядела не грозной тираншей, закалённой в битвах, а той, кем стала в момент падения: растерянной, загнанной, отчаянно цепляющейся за жизнь. Но лишь на мгновение. А потом в ней что-то щёлкнуло. Что-то переключилось.

Её губы медленно растянулись в усмешке — зеркальном отражении его собственной. Хвост перестал нервно хлестать траву и лёг ровно, расслабленно — признак того, что решение принято. В фиолетовых глазах загорелся знакомый опасный огонёк. Тот самый, который когда-то заставлял её подчиненных дрожать.

— Всю меня, значит... — Она тихо, грудным смехом рассмеялась, покачивая головой. — Либо ты клинический безумец, сбежавший из галактической психушки, либо ты действи-

тельно единственный тут, кто видит суть вещей, а не мою шикарную, хвостатую задницу, как ты выразился.

Она медленно, преодолевая боль и слабость, села полностью — уже не лёжа, как обречённая жертва, а почти вровень с ним. Плечи расправлены, спина прямая как струна. Взгляд прямой, твёрдый, без тени страха или сомнения. Только холодный, дьявольски точный расчёт хищницы, заключающей самую важную сделку в своей жизни.

— Галактика другие планеты тайна мира, — перечислила она медленно. Пальцы сжались в кулак. Она привыкла забирать то, что плохо лежит. — Я хочу знать. Я хочу видеть это своими глазами. Я... — она запнулась, и в голосе на миг прорезалось что-то похожее на растерянность, на давно забытое чувство, которое она не испытывала с детства, — Я завоеватель, Вик. У меня ещё осталось столько амбиций, столько планов. Они похоронили меня? Списали со счетов. А я, я не хочу быть списанной. Не хочу быть мёртвым препятствием в учебниках истории. Я хочу — она выдохнула, взяла себя в руки. Усмешка вернулась, на этот раз с лёгким оттенком кокетства, той самой частой её ухмылки, которую так боялись и так ненавидели её враги. — Впрочем, неважно. Ты сказал — до конца. Я согласна. Не потому, что у меня нет выбора, выбор есть всегда, а потому что это интересно. Очень, очень интересно. — Неферит никогда бы не призналась, что выбора у неё на самом деле нет. Она все понимала.

Она выдержала драматическую паузу. В её душе бушевала цунами из противоречивых эмоций: жгучее унижение от сокрушительного поражения, растерянность от внезапного, почти чудесного спасения, и этот безумный, искушающий водоворот его предложения. Всё смешалось в гремящую какофонию, грозящую разорвать её изнутри. Но она справилась. Как всегда справлялась. Она выпрямилась, расправила плечи — всё ещё покрытые ожогами — и кивнула. Медленно, весомо. Как будто внутри кто-то подсказал ей решение. Или, может, она сама его приняла, просто боялась признаться себе.

— Считаю, что я в деле, командир Вик. Но запомни. — Голос понизился, стал вкрадчивым, почти мурлыкающим, как у большой кошки, которая позволяет себя гладить, но в любой момент может откусить руку. — Ты сказал — всю меня. Я не делю себя на части, не иду на компромиссы и не бываю «наполовину» в деле. Если я в игре, то иду до самого конца, до последнего вздоха. Буду твоим самым ценным активом или твоим самым страшным ночным кошмаром, с моим скверным характером и привычкой убивать тех, кто меня разочаровывает. Но и с тебя, дорогой мой командир, спрос будет соответствующий. Никакой лжи. Никаких игр втёмную за моей спиной. Я не потерплю. Ты заключаешь сделку с великой Неферит, которая привыкла получать всё и сразу. Не разочаруй меня, Вик.

Она протянула ему руку — всё ещё бледную, со следами ожогов, но уже твёрдую. Без дрожи. Костяной наконечник хвоста легонько стукнул по земле — тук. Словно точка в конце предложения. Или печать на договоре.

— Покажи мне эту чёртову галактику. И налей выпить. Ты обещал. А я свои обещания привыкла выполнять. И требовать выполнения от других.

— Договорились, чёрт тебя дерни. — Он пожал её ладонь, крепко, без тени снисхождения, как равный равному. Его зелёные глаза блеснули, на этот раз не силой, а чем-то похожим на уважение. — А теперь, будь добра, ложись и спи. Нужно, чтобы к утру ты уже была целой. Потому что завтра у нас много дел. И первое из них — свалить с этой богами забытой дыры, пока сюда не нагрянули те, кто проделал в тебе эту симпатичную дырочку.

Он откинулся на ствол дерева позади себя, снова затянулся сигарой. Зелёный огонь в его глазах медленно погас, оставив лишь отблески костра, обычные, оранжевые, успокаивающие. Но она уже запомнила этот изумрудный свет. Запомнила и взяла на заметку. В её мире сила была разной, но такой — пробирающей до костей, меняющей цвет самого бытия — она не видела никогда.

Неферит медленно опустилась обратно на траву, устраиваясь поудобнее. Боль в животе уже не была острой — наниты делали своё дело, стягивали ткани, сращивали органы, восстанавливали то, что, казалось, нельзя восстановить. К утру останется только шрам. Ещё один шрам в коллекцию. Этот будет особенным. Шрам от смерти, которая не случилась.

— Знаешь. — Её голос прозвучал тише, без привычной брони, без командирского металла. Она смотрела в звёздное небо — как будто на чужое, рассыпанное по бархату ночи безвестным ювелиром. Где-то там, за этими огнями, другие миры. Другие вызовы. Другие войны. Может, и не стоит теперь уже цепляться за прошлое, как утопающий за соломинку. Может, он прав? Может, её история здесь закончилась, и новая начнётся там, за пределами этой атмосферы? — впервые вижу такого болвана.

Она нахмурилась, будто злясь на себя и резко отвернулась на бок — спиной к нему. Хвост обвился вокруг ног, словно защищая, укрывая от мира, создавая кокон из чешуи и костяного наконечника. Она понимала — всё понимала. Её путь тут закончен. Она пала. Её армия разбежалась. Она, по сути, уже мертва — для этого мира, для этих людей, для всех, кто знал её имя. Так почему бы не воскреснуть где-то ещё?

Через минуту она добавила — уже тише, почти шёпотом, думая, что он не услышит. Но он услышал. Он слышал всё.

— Я не хотела умирать Я правда не хотела. Никогда бы в этом не призналась. Никому. Даже себе.

Её дыхание постепенно выравнивалось. Усталость брала своё — глубокая, всепоглощающая, как океан, в котором она тонула после падения. Но теперь этот океан был не холодным и враждебным, а просто океаном. Просто темнотой, в которой можно плыть. Впервые за долгое время она засыпала просто доверившись. Доверившись этому грубому, наглому, зеленоглазому командиру с его дурацкой серьгой-черепом и манерой называть её «дорогушей» и «ящерицей».

Может, зря. Может, глупо. Может, завтра она проснётся в клетке или с ножом у горла, и всё это окажется очередной ловушкой, и её высокомерие снова сыграет с ней злую шутку, которая и привела её к гибели. Но что-то в этом человеке — или не человеке, кто его разберёт — заставило её поверить. Что-то в его глазах, в его голосе, в его предложении, которое звучало как полное безумие, но при этом было единственным, что имело сейчас смысл. В конце концов, что она теряет? Она уже всё потеряла.

Костёр тихо потрескивал, выбрасывая в небо снопы искр — маленькие оранжевые звёздочки, которые гасли, не долетев и до верхушек деревьев. Звёзды медленно вращались над ними — равнодушные, вечные, хранящие миллионы нерождённых историй. Где-то на границе света и тени сидел человек с сигарой и смотрел на спящую, невыносимую, колючую, опасную женщину, которая только что, сама того не зная, переступила порог новой жизни. Женщину с фиолетовыми глазами и вертикальными голубыми зрачками. Женщину, которая еще вчера была чудовищем, а теперь стала кем-то другим. Кем — пока непонятно. Но он был намерен это выяснить.

Он выпустил последнее кольцо дыма — идеальное, безупречное, как всё, что он делал, когда хотел произвести впечатление — и усмехнулся в темноту.

— Добро пожаловать в ОРКС, Неферит. Ты даже не представляешь, во что ввязалась. Но я представляю. И это будет чертовски весело.

Завтра всё начнётся заново. Завтра они покинут эту планету. Завтра начнётся новая глава — с новыми врагами, новыми мирами и новыми проблемами. Но сегодня — сегодня она спит. Сегодня она жива. И это, пожалуй, уже неплохой результат для той, кто ещё пару часов назад летела в пустоту, сгорая изнутри, с распоротым животом и отчаянием в душе.

Костёр догорал. Звёзды молчали. Где-то далеко, за многие световые годы, кремниевые твари строили свои планы, не подозревая, что в игру вступает новый фактор. Фактор с фиолетовыми глазами, скверным характером и абсолютным нежеланием проигрывать. А фактор с зелёными глазами, который курил сигару и улыбался так, будто уже знал, чем всё закончится.

А может, и знал. С него бы случилось.

Глава 2. "Феникс"

Пробуждение было мягким. Таким мягким, что Неферит поначалу решила — она всё-таки сдохла.

Ни боли, ни дыма, ни запаха собственной горелой плоти, который вчера въедался в ноздри так, что она думала — никогда не выветрится. Только гул. Низкий, ровный, баюкающий гул, пронизывающий всё вокруг, словно дыхание огромного спящего зверя. Он не тревожил, напротив, успокаивал, укачивал на грани сна и яви, как колыбельная, которую никто никогда ей не пел. Воздух пах озоном, нагретым металлом и чем-то едва уловимо цветочным. Фильтры жизнеобеспечения, догадалась она позже. А пока — просто лежала и дышала, позволяя себе роскошь ни о чём не думать. Роскошь, которую она не позволяла себе уже много лет.

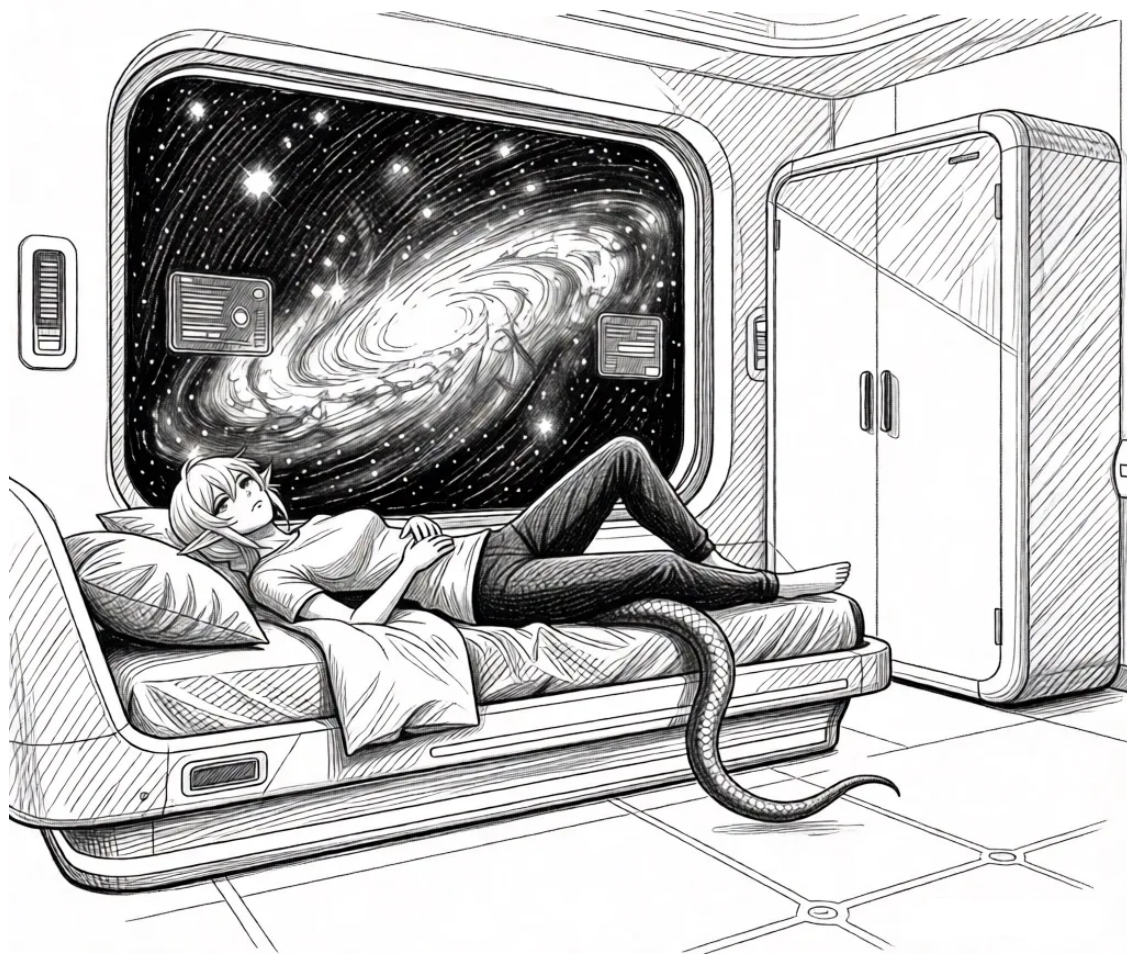
Неферит медленно открыла глаза.

И замерла.

Перед ней была бесконечность. Не метафорическая, не философская — самая что ни на есть настоящая, холодная и равнодушная бесконечность космоса. Мириады звёзд рассыпались по чёрному бархату с той бездумной, безжалостной щедростью, на которую способна только вечность. Где-то вдалеке, за границами разума и воображения, проплывала туманность — сиреневая, с алыми прожилками, похожая на гигантский распустившийся цветок, застывший в миг цветения и обречённый цвести миллионы лет. Свет далёких солнц мягко ложился на её лицо, на смятые простыни, на холодные серые панели стен. Скорлупа каюты дышала светом звёзд.

Её фиолетовые глаза — глубокие, как аметисты, с этими вечно настороженными голубыми вертикальными зрачками — расширились. На мгновение маска надменности дала трещину. Сквозь неё проглянуло что-то древнее и чистое: так смотрит ребёнок, впервые увидевший море. Так, наверное, смотрели первые разумные существа, поднявшие головы к небу и осознавшие, что звёзды — не дыры в ткани мира, не холодные украшения богов, а миры сами по себе. Миры, до которых можно дотянуться.

Она лежала на узкой, но удивительно удобной койке. Рядом, во всю стену, — панорамное окно. Каюта была небольшой и строго функциональной: серые панели с мягкой, голубоватой подсветкой по контуру, встроенный шкаф, небольшой терминал на стене, чья голографическая панель сейчас мирно спала. Ничего лишнего. Ничего уютного, но странным образом это успокаивало. Уют был ложью. Функциональность — честностью. А честность она ценила. Особенно после того, как её собственная, маленькая империя рассыпалась в прах за один день.

Неферит приподнялась на локте. Живот больше не болел. Она машинально коснулась его пальцами. Ткань чужой, явно не её майки задралась, открывая полоску бледной кожи от пупка до сердца. Там, где вчера — неужели только вчера? — зияла рваная, кровоточащая, уродливая рана, теперь красовался лишь тонкий, едва заметный шрам. Гладкий, серебристый в полумраке каюты. Словно напоминание, выгравированное на коже. Словно сама смерть оставила автограф и отступила, усмехнувшись: «В другой раз».

Она нахмурилась, разглядывая шрам, провела по нему кончиками своих красных когтей — почти нежно, чего никогда не позволила бы себе при свидетелях. Затем её острые уши дрогнули, уловив чьё-то присутствие, и она замерла. Медленно, очень медленно её взгляд скользнул по каюте — в дальний угол.

В кресле, закинув ногу на ногу, сидел он.

В полумраке горели его изумрудные глаза — два холодных, потусторонних огня, в которых плясали отражения звёзд из окна. Он молчал. Просто смотрел. Ждал. Сколько он так сидел? Час? Всю ночь?

Неферит резко выдохнула — не то от неожиданности, не то с облегчением. Хвост, лежавший поверх одеяла, лениво шевельнулся, и костяной наконечник тихо стукнул по переборке.

— Ты всегда вот так сидишь и пялишься на спящих женщин? — её голос прозвучал хрипло со сна, но привычные язвительные нотки уже стояли на местах, как солдаты в строю.

Она состроила подобие ухмылки. — Или это особое гостеприимство для новобранцев? Должна признать, сервис у вас своеобразный. Просыпаешься в незнакомой каюте, а в углу мужик с сигарой и взглядом маньяка. Прямо курорт.

Она откинула одеяло и села на край койки. На ней — простая синяя майка и свободные штаны. Не её одежда, но сидит неплохо и не мешает хвосту. Тот, кто подбирал, знал размеры. От этой мысли ей стало немного не по себе и одновременно... любопытно.

Неферит оглядела себя, затем каюту, затем снова перевела взгляд на звёзды за окном. И замерла снова. Потому что осознание, наконец ударило её — не мягко, не постепенно, а как обухом по голове. Это не сон. Не галлюцинация. Не предсмертный бред воспалённого сознания. Она в космосе. Она, Неферит, бывшая угроза, женщина, которая держала всех в страхе, которая только что подыкала лежа у костра и слушала какой-то бред, — сейчас находится на борту космического корабля, и за окном проплывают звёзды, которые она видела только на небе.

— Это... мы правда?..

Она не договорила. Просто смотрела. Хвост замер, застыв в воздухе, как натянутая струна. Чешуйки на нём — мелкие, тёмно-красные, переливающиеся в свете звёзд — казались сейчас не частью грозного оружия, а чем-то хрупким, почти беззащитным.

Прошло несколько долгих секунд. Неферит откашлялась. Когда она заговорила снова, голос был уже ровным, деловым — привычная броня вернулась на место, застегнулась на все застёжки:

— Ладно. Я жива. Цела. И, судя по виду из окна, мы уже не на моей планете. Кажется пути у меня назад нет, верно? Докладывай, космический, командир. Что дальше? — Она скривила губы в усмешке, кокетливой, надменной, острой как бритва. Той, которую так боялись её подчинённые и так ненавидели враги. — И ради всего святого, скажи, что у вас тут найдётся нормальная еда. Я умираю с голоду. Вчерашнее меню из собственной крови и углей было не очень.

— Дальше я познакомлю тебя с командой, — ответил Вик, неторопливо поднимаясь. — Если ее можно так назвать. Три члена, три характера, три способа свести с ума. Но работают как часы. Ну, как часы, которые иногда взрываются. — Он хмыкнул, явно довольный собственной шуткой. — И ещё, твоя одежда в этом шкафу. Мы привели её в порядок. Вычистили, заштопали, убрали следы крови и эфирных ожогов. Честно говоря, повозиться пришлось. Ты её знатно изгвадала.

Он указал пальцем на белый причудливый шкаф — плавные линии, мягкая подсветка по контуру, ничего похожего на грубую мебель её прежнего мира. Технология, опередившая всё, что она знала, на столетия.

— Когда переоденешься, я жду тебя за дверью. И да, не стесняйся, если что — покричи. Стены звуконепроходимые, так что можешь материться сколько влезет. Полезная функция, учитывая твой характер.

И довольно хмыкнув, он вышел. Дверь с мягким шипением сомкнулась за его спиной, отрезая каюту от коридора. Только сейчас она поняла — по-настоящему поняла, — что он

был выше её почти на две головы. Это вам не просто «высокий мужчина». Это уже другая весовая категория, другая биология, другая природа. Человек ли он вообще? С его-то глазами, которые вчера заставили сам костёр позеленеть? В любом случае, она не в том положении, чтобы диктовать ему свои условия. По крайней мере, не сейчас.

Неферит осталась одна среди звёзд.

Несколько секунд она просто стояла посреди каюты, прислушиваясь к себе. Тело... странное чувство. Его будто собрали заново. Всё работало, всё было на месте, но иначе. Чище. Острее. Словно кто-то разобрал старый, загрязнённый механизм, вычистил каждую деталь от ржавчины и грязи, смазал заново, а потом собрал, но лучше, чем было. Наниты. Микроскопические машинки, которые вчера казались ей чем-то чужеродным и пугающим. Сегодня она была им благодарна. Хотя вслух бы в этом ни за что не призналась.

Она подошла к окну. Ладонь сама потянулась к прозрачной поверхности, но замерла в сантиметре. Пальцы дрогнули. Звёзды. Бесконечность. Космос. Где-то там, за этой сиреновой туманностью с алыми прожилками — другие миры. Другие расы. Другие войны. И где-то там — ответы на вопросы, которые она даже не знала, как задать.

— Вот, значит, как... — прошептала она едва слышно, обращаясь то ли к себе, то ли к звёздам, то ли к зеленоглазому безумцу, утащившему её за грань привычного мира. — Вот куда ты меня затащил. Сначала спас от смерти, потом вколлот микроскопических жуков, а теперь показываешь... это. А ты умеешь убеждать. Надо отдать тебе должное.

Обратного пути не было. Да она уже и не искала его.

Отвернувшись от окна, она решительно подошла к шкафу. Касание сенсорной панели — и дверцы бесшумно разъехались в стороны, словно приглашая. Внутри, аккуратно развешанная и сложенная, ждала её одежда. Чёрный, матовый, облегающий костюм с острыми шипами на наплечниках и высоким, почти королевским, фиолетовым воротником — тот самый, в котором она умирала, но сейчас на нём не осталось ни единого следа. Чёрные нарукавники с фиолетовыми вставками. Тёмная, кожаная прямая, ассиметричная юбка чуть ниже колена — выглаженная так, что ни складочки. Высокие сапоги с усиленным коленом, начищенные до матового блеска. Красный, широкий пояс с таким же подсумком и еще тремя ремешками на правую ногу были как новенькие. И, разумеется, шорты. Всё вычищено, отремонтировано, даже пахло чем-то свежим, едва уловимо цветочным, под стать воздуху на корабле.

Она провела пальцами по ткани. Медленно. Почти благоговейно. Это была не просто одежда. Это была её броня. Её личность. Её способ сказать миру: «Я всё ещё здесь, и я не сломлена».

Затем начала одеваться.

Процесс был привычным, почти ритуальным. Сначала шорты — плотные, удобные, не стесняющие движений. Затем юбка — прямая, строгая. Сапоги — высокие, с характерным щелчком фиксаторов на коленях. Костюм. Наружники с фиолетовыми вставками — правая, левая, застегнуть потуже. Ремешки. И наконец, причёска — короткие розовые волосы чуть длиннее спереди, у скул, с челкой на нос и тугой косичкой из нескольких локонов сзади, по центру. Сегодня она перекинула её через плечо — так удобнее в бою, да и выглядит... выразительнее. Каждая застёжка, каждый ремешок возвращали её в привычное состояние. Не расте-

рянной беглянки, не молящей о помощи жертвы, а той, кем она была и оставалась. Неферит. Та, кто никогда не склоняет голову. Та, кто заставляла отступать одним своим появлением. Та, чьё имя когда-то произносили шёпотом.

Закончив, она оглядела себя в небольшом, странном зеркале на внутренней стороне дверцы шкафа. Фиолетовые глаза с голубыми вертикальными зрачками смотрели твёрдо. Острые уши чуть подрагивали — улавливая гул корабля. Хвост плавно покачивался за спиной — признак удовлетворения. Костяной наконечник, способный пробить грудную клетку, сейчас выглядел почти мирно. Почти.

— Сойдёт. — Она поправила нарукавник, одёрнула юбку. — Для первого знакомства — более чем.

Она подошла к двери. С мягким шипением та открылась.

Вик стоял, прислонившись плечом к стене коридора, и выглядел так, будто простоял тут всю ночь, в зубах сигара, от которой поднималась тонкая струйка дыма. Зелёные глаза скользнули по ней оценивающе — быстро, профессионально, задержавшись на долю секунды дольше необходимого. Губы дрогнули в ухмылке.

— Ну вот, другое дело. А то вчера ты выглядела как оживший покойник. Буквально. Сейчас хоть на человека похожа. Ну, или на кого ты там похожа. Я так и не понял, кто ты по расе.

— Это тебя не касается, — отрезала она, но без злобы. Скорее по привычке.

Неферит сложила руки на груди, принимая привычную позу — спина прямая, подбородок вздёрнут, хвост плавно покачивается:

— Веди. Показывай свою «команду». И надеюсь, твои люди не кусаются так же сильно, как я.

— Сильнее, — хмыкнул он и двинулся по коридору.

Коридоры корабля были похожи на вены гигантского живого организма — изгибающиеся, с мягкой подсветкой, с сенсорными дверями, открывавшимися бесшумно, как веки. Никаких прямых углов, никакой грубой армейской геометрии. Плавные линии, приглушённый свет, тихий гул где-то в глубине переборок. Корабль дышал. Буквально. Неферит ловила себя на мысли, что ей это нравится. Технология, опередившая всё, что она знала. Магия и наука, сплавленные воедино так, что не отличить одно от другого.

Пройдя несколько поворотов и миновав вторую дверь, они оказались в просторной столовой.

Белое, залитое мягким светом помещение. Стены с плавными изгибами, панорамные окна от пола до потолка открывали вид на звёздную бездну — здесь она казалась ещё ближе, ещё огромнее. Столы из светлого композита, удобные кресла с серой обивкой. В углу гудел автомат-синтезатор пищи, источая аппетитные запахи — что-то пряное, мясное, с нотками незнакомых специй. Где-то тихо играла ненавязчивая электронная музыка — словно сам корабль мурлыкал себе под нос. Идеальный порядок. Ни пылинки. Ни крошки.

Неферит вошла следом за Виком, цепким взглядом сканируя пространство. Входы — два. Выходы — три, включая аварийный люк. Потенциальные укрытия — столы, слишком лёг-

кие, чтобы остановить пулю, но достаточные, чтобы создать видимость укрытия. Возможные угрозы — оценивала по ходу движения, машинально, как дышала. Хвост напрягся, кончик едва заметно подрагивал. Старые привычки не умирают. Особенно у тех, кто привык ждать удара в спину в любой момент.

И тут её взгляд упёрся в стол у окна.
За ним сидели трое.

Первая — с пепельно-серой кожей, покрытой тонкой сеткой тёмных жилок, которые при близком рассмотрении складывались в замысловатый, пульсирующий узор. Длинные чёрные волосы с ярко-красными кончиками словно окунутые в кровь. В ушах поблёскивали синие серьги, явно не просто украшения. Жёлтые, как у хищной птицы, глаза с вертикальными зрачками смотрели остро, но без враждебности — так смотрит профессионал, оценивающий нового пациента. Белый медицинский халат накинут поверх чёрного топа, джинсы. Перед ней стояла чашка с чем-то дымящимся и тёмным — пахло травами, горьковато, лекарственно, — и лежал голографический планшет. Заметив Неферит, она оторвалась от планшета. Взгляд спокойный, цепкий, ничего не упускающий. Такой взгляд бывает у тех, кто привык видеть людей насквозь. В прямом смысле.

Вторая — огромная, мускулистая, с ярко-красной кожей, которая в свете звёзд отливала тёмно-бордовым, почти кровавым. Длинные красно-голубые волосы эффектно ниспадали на плечи — дикое, вызывающее сочетание. Чёрные мощные рога, изогнутые как клинки. Множественный пирсинг в ушах: колечки, штанги, что-то светящееся. Жёлтые глаза горели весёлым, немного диким огнём — так смотрит тот, кто только что вышел из хорошей драки и ищет следующую. Белый топ, синие джинсы, а поверх груди наброшен металлический кибер-топ — не столько для защиты, сколько для устрашения или еще чего-то. Она вальяжно развалилась на стуле, закинув свои сапоги на соседнее сиденье, и лениво ковыряла вилкой в тарелке с чем-то, источавшим такой пряный аромат, что даже с расстояния у Неферит защипало в носу. Рядом стоял пустой стакан. И, судя по лёгкому румянцу на щеках и характерному блеску в глазах, далеко не первый.

Третья — миниатюрная, почти кукольная фигурка в красном комбинезоне, который сидел на ней так, будто был сшит на заказ. Короткие белые волосы торчали в художественном беспорядке — то ли так задумано, то ли она просто забыла причесаться. Голубые глаза — огромные, распахнутые, с тем особым любопытством, которое свойственно детям и очень, очень опасным людям. На лбу виднелись два крошечных, белых рожка, скорее милые, чем угрожающие. На шее был повязан белый шарф, небрежно свисавший на спину. На спинке стула висел выдавший виды огромный рюкзак с нашивками, значками и какими-то проводками, торчащими из бокового кармана. В руках она держала портативную игровую консоль, в которую сосредоточенно тыкала пальцами. Но как только дверь открылась, она подняла взгляд и замерла, уставившись на Неферит с нескрываемым детским изумлением. Как смотрят на диковинного зверя, внезапно появившегося посреди комнаты. Так, наверное, она сама только что смотрела на звёзды.

Первой тишину нарушила краснокожая. Её голос — громкий, с хрипотцой, наполненный грубоватым весельем, — разнёсся по всей столовой так, что, казалось, задрожали переборки:
— О-О-О! ВИК ПРИВЕЛ ИГРУШКУ! Да ещё какую — хвостатую, бледную, с гонором во всю морду! Вы только посмотрите на неё! Слышь, командир, она кусается? Выглядит так, будто кусается! И царапается! И, возможно, откладывает яйца!

Она громогласно захохотала, с размаху хлопнув ладонью по столу. Стакан подпрыгнул, опасно покачнувшись на краю, но каким-то чудом не упал. Тарелка подпрыгнула тоже. Вилка звякнула.

Серокожая — та, что в медицинском халате — ответила спокойно, с лёгким укором, который звучал как давно отработанная, привычная нотация:

— Кристина, тише. У неё ещё наниты не до конца стабилизировались в крови. И нервная система перестраивается. Не надо её пугать громкими звуками и дурацкими шутками про яйца.

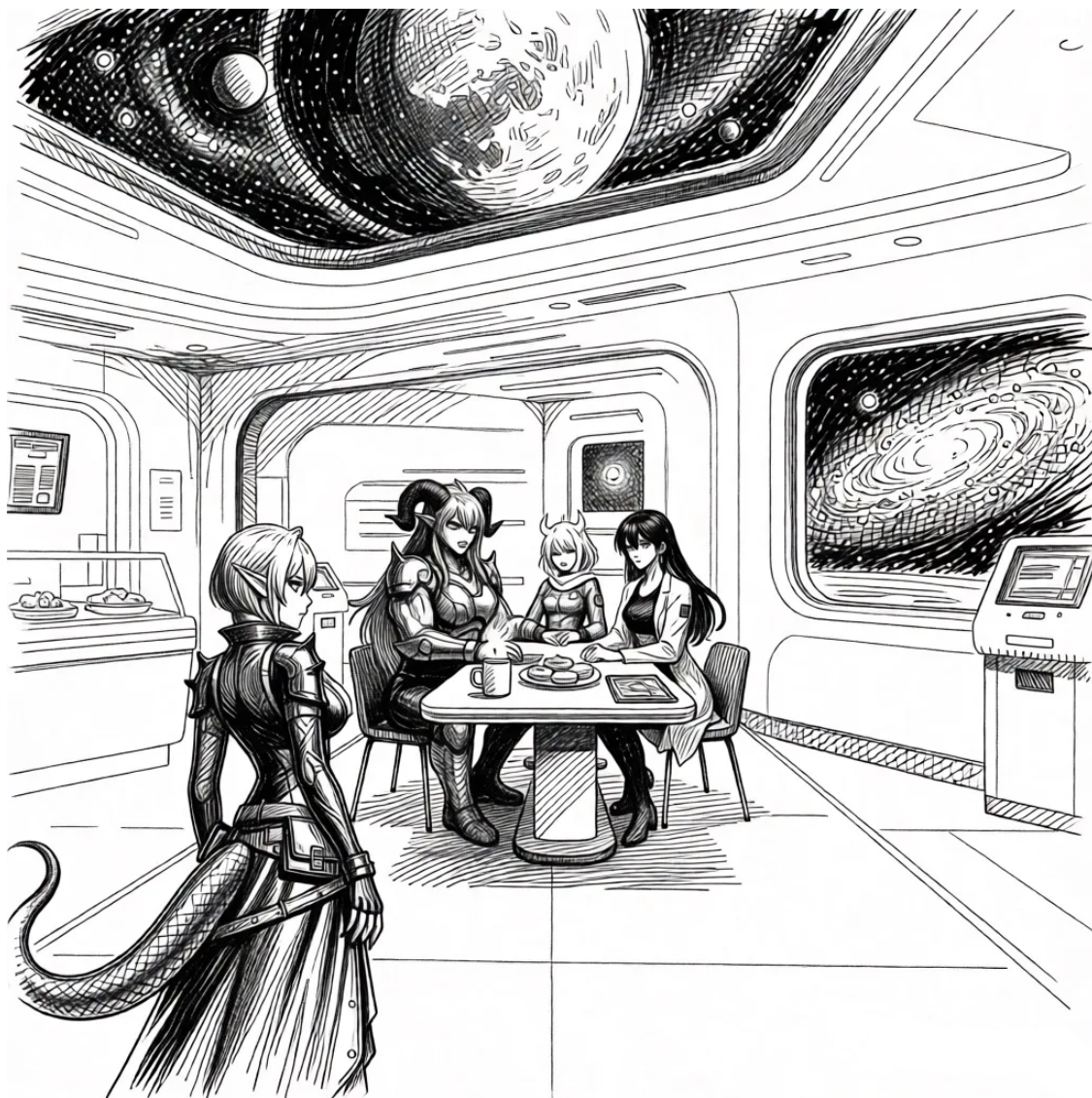
Затем перевела взгляд на Неферит, слегка кивнула — вежливо, но без подобострастия:

— Добро пожаловать на «Феникс». Я Су, главный медик отряда. Если почувствуешь недомогание — головокружение, тошноту, спазмы, что угодно — сразу ко мне. Наниты штука надёжная, но лучше перестраховаться. Они, конечно, творят чудеса, но у каждого организма своя реакция. Я видела случаи, когда... впрочем, не будем за завтраком.

Маленькая беловолосая девушка тем временем отложила консоль в сторону с явным сожалением, но любопытство пересилило. Она спрыгнула со стула и сделала пару шагов к Неферит. Остановилась на безопасном расстоянии — достаточно далеко, чтобы не казаться угрозой, достаточно близко, чтобы разглядывать. Её огромные голубые глаза изучали новую знакомую с интенсивностью сканера. Хвост Неферит привлёк её особое внимание — она проводила его движение взглядом, синхронно с ним покачивая головой, как котёнок за лазерной указкой. Туда-сюда. Туда-сюда.

— У тебя красивый хвост... — произнесла она тихо, почти шёпотом. — И чешуя блестит... Как у редкого покемона... Ой, извините. — Она смутилась, заметив, что говорит вслух. — А ты правда чуть не умерла? Су сказала, тебя нанитами собирали почти десять часов. Десять! Это рекорд. Обычно хватает трёх-четырёх. Ты, наверное, очень сильная. Или очень везучая. Или и то, и другое.

Голос у неё был тихий, немного стеснительный, но совершенно искренний. Так говорят те, кто не умеет врать. Или те, кому это просто не нужно.

Кристина — а это была, несомненно, она — снова встрепенулась, поднимая уже второй, рядом стоящий стакан. Янтарная жидкость плескалась в нём, источая запах алкоголя и каких-то незнакомых пряностей:

— Слышь, Вик! А новенькая пьёт? У нас традиция — за знакомство надо накатить! Я лично проверю, из какого теста эта хвостатая слеплена! Надеюсь, не развалится после первой рюмки, а то Су будет ругаться!

Она подмигнула Неферит с явным вызовом и азартом — как подмигивают, когда предлагают либо дружбу, либо драку, либо и то, и другое одновременно.

Неферит стояла рядом с Виком, скрестив руки на груди. Её фиолетовые глаза — глаза хищницы, привыкшей оценивать и взвешивать, — медленно скользили по каждой из девушек. Хвост плавно покачивался из стороны в сторону: признак напряжённого анализа. Трое. Совершенно разные. Шумная красная громада — явно боевой костяк, ударная сила. Спокойная серая медичка со змеиными глазами — мозг, поддержка, возможно, совесть отряда. И маленькая беловолосая девочка, которая смотрела на неё как на ожившую легенду и, судя по консоли, была техническим специалистом или кем-то вроде того.

Она чуть приподняла подбородок и перевела взгляд на Вика — мол, «И это твоя хвалёная команда? Серьёзно?». Затем снова посмотрела на девушек. И в этот момент краем глаза уловила яркое зелёное свечение.

Глаза командира вспыхнули. Жутковатым потусторонним светом, который она уже видела ночью у костра. Изумрудное сияние заполнило столовую на долю секунды — холодное, властное, пробирающее до костей. И эффект последовал незамедлительно: Кристина мгновенно убрала ноги со стула, села прямее, хотя наглая, дурная ухмылка всё ещё блуждала по её лицу — мол, «я всё ещё дерзкая, но дисциплину помню». Су выпрямила спину — привычка военного медика, годами вбитая в подкорку. Даже малютка перестала разглядывать хвост и перевела взгляд на командира, застыв по стойке смирно, насколько это вообще возможно для миниатюрной девочки в красном комбинезоне.

— Эту девушку зовут Неферит, позывной с этого дня — Неф, — произнёс Вик. Его голос прозвучал ровно, но в нём явственно слышалась сталь, та самая, которая опускает забрало и заряжает оружие. — Она вчера была на грани смерти после тяжёлого боя с неравным соперником и почти распалась на атомы. Я вытащил её буквально из пустоты. Кристина, я знаю твоё настроение, но сегодня — никаких спаррингов. Даже не думай. Даже в шутку. Даже «просто проверить реакцию». Су сказала — наниты нестабильны, а значит, ты её пальцем не трогаешь, пока я не отдам приказ. И ещё ей надо срочно поесть. Кто-нибудь, покажите, как тут у нас всё работает, пока она не съела кого-нибудь из вас.

В столовой, у стены, располагался прилавок необычной формы. Плавные линии, никаких углов, мягкая подсветка, которая меняла цвет в зависимости от выбранного блюда. На нём стояли тарелки с разнообразной едой — что-то дымилось, что-то переливалось, что-то выглядело так, будто его только что доставили с другой планеты. А за самим прилавком деловито жужжал робот-синтезатор — урчал, шипел паром, перемигивался огоньками и пах чем-то умопомрачительно вкусным. Словно помесь высокотехнологичного повара и капризного кота.

«Интересно, что Неф ела на своей планете?» — мелькнуло в голове у Вика. Он поймал себя на мысли, что понятия ничего не имеет о её планете. Хотя он и пробыл там не один день. О её расе. О её прошлом, кроме того, что она была тираном с армией и амбициями, размером с галактику. Загадка. Ходячая, хвостатая, «фиолетовоглазая» загадка.

Неферит сделала шаг вперёд, оказываясь чуть впереди командира. Её голос прозвучал ровно, с привычным холодом, но достаточно громко, чтобы слышали все:

— Неферит. Запомните это имя. — Она обвела взглядом всех троих. — Я не «игрушка», не «хвостатая», не «редкий покемон» — кстати, что такое покемон? — и уж точно не та, кого надо жалеть. Вчера я почти сдохла — да. Такое бывает. Сегодня я стою здесь. Завтра посмотрим, кто из вас сможет идти со мной в ногу. И да, Кристина, — она выделила имя красной демоницы, — я пью. Но не за знакомство. А за победу. Когда будет повод — я составлю тебе компанию. И посмотрим, как ты пьешь.

Пауза. Хвост плавно описал полукруг за её спиной — грациозно, медленно, как у большой кошки, которая только что пометила территорию. Затем она перевела взгляд на прилавок, на работа, на тарелки с незнакомыми блюдами. В фиолетовых глазах мелькнула лёгкая растерянность — быстро подавленная, но всё же замеченная. Одно дело — командовать головорезами. Другое — разобраться с инопланетным автоматом-поваром.

— Что касается еды... — она чуть замешкалась, подбирая слова, — я ела всё. Я не приередничаю. Но эту... машину... — кивок в сторону робота, который в этот момент издал особенно громкое шипение, словно возмущаясь, — ...я вижу впервые.

Девочка в красном неожиданно оживилась, делая шаг к Неферит. Её голубые глаза загорелись тем особым огнём, какой бывает у гиков, когда они могут показать кому-то свою любимую технологию:

— Ой, я покажу! Это же просто! Легче, чем босса на первом уровне завалить! Смотри! Кстати, меня зовут Муо.

Она подбежала к прилавку с энтузиазмом щенка, схватила с полки поднос — пластиковый, лёгкий, с голографическим интерфейсом, встроенным прямо в поверхность, — и принялась тыкать пальцем в светящиеся кнопки над стойкой.

— Тут меню — вот, видишь? Можно выбрать, что хочешь. Тысячи рецептов! Робот-синтезатор сам приготовит за пару секунд! У него есть рецепты со всей галактики. Серьёзно, со всей! Даже с планет, которых уже нет! А ещё можно попросить что-то особенное, если знаешь состав. Су, например, заказывает себе что-то такое... ну, такое... с высоким содержанием железа и ещё каких-то минералов, которые нормальным людям лучше не знать. Ну, потому что она...

Муо осеклась, бросив быстрый взгляд на Су. На её щеках проступил лёгкий румянец — она поняла, что чуть не сболтнула лишнего.

Су спокойно допила из своей чашки, поднялась и подошла к прилавку. Её движения были плавными, текучими — почти змеиными, но без угрозы. Скорее, с той особой грацией, которая свойственна существам, идеально контролирующим своё тело. Жёлтые глаза с вертикальными зрачками смотрели на Неферит без враждебности — скорее с профессиональным интересом. Так смотрит учёный на новый, неизученный вид.

— Потому что я демон, — закончила она за Муо, и в её голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая ирония, — и моя физиология требует определённого баланса веществ. Ничего страшного, Неф. Здесь у каждого свои особенности. У тебя хвост и эфир. У Муо — способность взламывать любые системы и попадать в неприятности. У Кристины — талант крушить всё, что попадает под руку, громогласно комментировать процесс и жрать все подряд. А у меня — несколько специфическая диета и привычка видеть людей насквозь.

Сзади донёсся возмущённый вопль — такой громкий, что, казалось, корабль вздрогнул:

— Эй! Я просто ценю острую пищу! И Вик, между прочим, тоже! Мы как-то раз заказали такое карри, что у робота-синтезатора предохранители сгорели! Спроси у него, если не веришь!

Кристина с грохотом отодвинула стул — тот проехал по полу с душераздирающим скрежетом — и вразвалочку подошла к компании у прилавка. И вот такого вида Неферит точно не ожидала. Красная была выше абсолютно всех присутствующих, даже командира. Мускулистая, мощная, широкая в плечах, с руками, способными смять сталь как фольгу. Настоящая скала. Живой таран. Она встала рядом с Неферит, которая едва доставала ей груди, глядя на неё сверху вниз с всё той же нагловатой ухмылкой, которая, казалось, была такой же неотъемлемой частью её лица, как и рога.

— Ладно, Неф. Раз командир сказал без спаррингов, значит, без спаррингов. Я дисциплину уважаю. Когда она не мешает веселью. — Она хлопнула Неферит по плечу — тяжело,

по-свойски, так, что у менее стойкого человека подкосились бы ноги. Но Неферит устояла. Даже не покачнулась. — Но ты это... не думай, что отсидишься. У нас тут каждый пашет. Я — мышцы. Су — мозги и аптечка. Муо — глаза, уши и плазма в лоб с такого расстояния, что ты даже понять не успеешь, откуда прилетело. А ты у нас кто? Кроме того, что хвостатая?

Она оскалилась, демонстрируя острые зубы как у акулы и клыки — нижние чуть длиннее верхних, классическая демоническая челюсть. Жёлтые глаза горели любопытством и азартом. Она ждала ответа. Они все ждали.

Неферит медленно повернула голову к Кристине. Её фиолетовые глаза встретились с жёлтыми — два хищника, оценивающих друг друга перед возможной схваткой. Острые уши чуть прижались назад — признак раздражения или вызова. Пауза затянулась, наполняя воздух напряжением, какое бывает перед грозой. Даже робот-синтезатор притих.

Она выдержала взгляд Кристины, не отводя глаз. В её фиолетовых радужках что-то вспыхнуло — буквально на секунду, едва заметно, но достаточно, чтобы воздух вокруг неё слегка завибрировал. Эфир. Отголосок её силы, всё ещё не до конца усмирённой, всё ещё бурлящей под кожей как невидимое пламя. Кристина это заметила. Её ухмылка стала чуть менее наглой и чуть более заинтересованной.

Медленно, почти лениво, Неферит подняла руку и сняла ладонь Кристины со своего плеча — аккуратно, но с намёком на стальную хватку. Тонкие пальцы сжали красное запястье, и что-то в этом жесте заставило Кристину не сопротивляться.

— Кто я? — её голос прозвучал тихо, но в наступившей тишине столовой слышно было каждое слово. Даже гул корабля, казалось, стал тише, прислушиваясь. — Я — Неферит. Та, чьё имя заставляло умолкать. Та, кто держала в страхе всех.

Она сделала шаг в сторону, разрывая зрительный контакт, и провела пальцами по сенсорной панели прилавка — повторяя движения Муо, но со своей, хищной грацией. На голографическом дисплее высветились какие-то незнакомые названия блюд. Она скользнула по ним взглядом, даже не пытаясь прочитать.

— Я — тактик. Воин. Ум. Стратег. Я завоеватель. Та, кто провела больше битв, чем вы трое вместе съели горячих обедов. И судя по тому, что рассказал мне Вик, — она бросила короткий взгляд через плечо на командира, — вам нужен кто-то, кто умеет думать на несколько шагов вперёд. Кто знает, как вести войну не только кулаками, но и головой. Кто понимает, что бой — это не только драка, но и логистика, психология, планирование.

Она нажала на дисплее первое попавшееся блюдо — не глядя, просто чтобы показать, что она не боится неизвестности. Робот ожил, зажужжал, зашипел паром, выбрасывая в воздух облачко пряного аромата.

— Так что... — Неферит повернулась к Кристине лицом, и на её губах появилась лёгкая усмешка — та самая, кокетливая, холодная, острая как лезвие ритуального ножа. Та, которую так боялись и так ненавидели. — ...я — ваш новый мозг. Ну, или второй мозг, если Су не против. — Кивок в сторону серо кожей демоницы. — А ещё я неплохо управляюсь с эфиром и могу разорвать противника на атомы. Но это уже детали. Технические.

Неферит скрестила руки на груди. Хвост плавно покачивался — на этот раз с явным самодовольством. Костяной наконечник тихо постукивал по полу: тук-тук, тук-тук.

— Спарринг? Когда заживут последствия вчерашнего — без проблем. Посмотрим, насколько ты крепкая, красная. Посмотрим, гора мышц, продержишься ли ты дольше десяти секунд. Я, знаешь ли, не всегда была вчерашней жертвой. Обычно это другие были жертвами.

Робот за прилавком мелодично пискнул, выдвигая тарелку с чем-то дымящимся, исторгающим пар и запах жареного мяса с незнакомыми специями. Неферит взяла её, даже не взглянув на содержимое, и отошла к ближайшему столу. Села. Взяла приборы — вилка и нож, классика, никаких инопланетных выкрутасов, уже хорошо.

И только тогда, когда никто не видел её лица, — позволила себе лёгкую улыбку. Не холодную, не надменную, не ту, которой она только что осадила Кристину. А почти... довольную. Тёплую, даже. Так улыбается человек, который долго шёл один среди недостойных, а потом вдруг нашёл кого-то действительно интересного. Того, с кем, возможно, стоит пройти этот путь, или хотя бы использовать его с толком. Того, кто не боится тебя.

Кажется, эта команда начинала ей нравится. Кажется, она нашла себе новых людей.

Кристина несколько долгих секунд переваривала услышанное. Её жёлтые глаза слегка расширились — такого ответа она явно не ожидала. Обычно незнакомцы либо тушуются под её напором, либо бегут. А эта не только огрызнулась — она ещё и поставила её на место, не повышая голоса. Так, как это делают настоящие командиры.

Краснокожая демоница вдруг запрокинула голову и разразилась громогласным хохотом — таким, что стёкла задрожали:

— А-ха-ха-ха! А она мне нравится, командир! Где ты таких находишь, а? Я думала, ты притащил какого-то заморыша, которого надо откачивать и нянчить, а ты приволок хвостатую фурию с амбициями императора! Зачёт! — Она хлопнула себя по ляжкам с такой силой, что звук разнёсся по всей столовой, и направилась к столу, с размаху плюхаясь на стул напротив Неферит. Стул жалобно скрипнул, но выдержал. — Ладно, Неф, зачёт. Дерзишь знатно. Уважаю. Но учти — я запомнила про спарринг. Как только Су даст добро — ты моя! И это не угроза. Это обещание.

Она подмигнула — весело, почти дружелюбно, и отхлебнула из стакана, который, оказывается, уже успела наполнить чем-то янтарным. Как она это сделала так быстро — одному богу известно.

Су подошла к столу с чашкой в руках, села рядом с Кристиной — спокойно, без лишней суеты, словно скользнула на стул. Её жёлтые глаза изучали Неферит с профессиональным интересом, который, впрочем, был лишён какой-либо враждебности.

— Я не против делить обязанности тактика. У меня больше медицинский и научный уклон. Я могу рассчитать траекторию, дозировку, вероятности, но, боевое планирование, психология противника, нестандартные ходы — это не совсем моё. — Она сделала паузу, помешивая свой напиток, тёмный, пахнущий травами и чем-то горьковатым. — Но... управление эфиром. Это интересно. Я синтезирую материю из окружающей среды: металлы, химические соединения, могу создать яд и противоядие из воздуха, в прямом смысле. А ты, судя по словам, работаешь с энергией на более фундаментальном уровне. На квантовом, возможно. Или даже на том, который мы ещё не научились измерять. Возможно, наши способности дополняют друг друга. Из этого может выйти интересный... синергетический эффект.

Она отпила из чашки. Взгляд оставался спокойным, но цепким — такой взгляд ничего не упускает. Записывает, анализирует, раскладывает по полочкам.

Муо тем временем уже устроилась на соседнем стуле, поджав ноги с той непосредственностью, которая свойственна очень молодым или очень уверенным в себе людям. Она снова взяла в руки консоль, но её голубые глаза то и дело стреляли в сторону Неферит. Хвост новой знакомой явно завораживал её — должно быть, она в уме уже прикидывала, как такая конструкция могла бы работать в бою. Какая биомеханика. Какая скорость реакции. Какой радиус поражения. Внезапно она оторвалась от игры и тихо спросила — её голос звучал почти благоговейно:

— Неф... а ты правда можешь разорвать кого-то на атомы? Это как в играх — ультимейт-способность? А перезарядка долгая? А радиус поражения какой? А ты можешь контролировать, на сколько именно кусочков? А если враг в броне, это работает?

В её голосе слышалось искреннее детское любопытство, смешанное с чисто геймерским, почти научным энтузиазмом. Она смотрела на Неферит с тем благоговением, с каким смотрела бы на персонажа легендарной редкости, вдруг сошедшего с экрана и попросившего добавки.

Вик всё это время стоял у входа, прислонившись к дверному косяку. Сигара в его зубах потухла, но он не спешил раскуривать её снова. Зелёные глаза наблюдали за сценой с явным, почти отеческим удовлетворением — так смотрит тренер на команду, которая наконец-то начала сыгрываться. Неферит чувствовала его взгляд спиной — тяжёлый, внимательный, но странным образом не раздражающий. Скорее... поддерживающий. Как якорь. Как напоминание о том, что она здесь и она дышит. Что у неё есть, возможно, новый, на этот раз настоящий союзник.

— Значит, ультимейт-способность, — задумчиво произнесла она, отрезая кусочек мяса. — Забавное слово. — Она отправила его в рот, прожевала, и на мгновение, прикрыла глаза от удовольствия. Голод, который она сдерживала всё это время, наконец-то дал о себе знать. — Радиус зависит от концентрации. Перезарядка... я не думаю об этом в механических терминах. Эфир — это как дыхание. Иногда глубокое, иногда частое. Всё зависит от боя, от обстановки, от того, сколько энергии я готова потратить. Можно разорвать одного точно — как хирургическим скальпелем. Можно раскидать десяток — как взрывной волной. Но за всё надо платить. Усталость, истощение, иногда потеря сознания. Эфир не игрушка. Это инструмент, который при неосторожном обращении может убить владельца быстрее, чем врага. — На секунду она вспомнила как её пронзили, и собственная сила взбунтовалась против неё.

Пауза, ещё один кусочек — на этот раз с овощами, незнакомыми, хрустящими, но вкусными.

— А в игры я не играю. У меня не было на это времени. Я была занята... другими делами. Войной, например. Завоеваниями. Построением власти. Это тоже своего рода игра. Только проигрыш в ней стоит жизни.

Кристина фыркнула, поднося стакан ко рту:

— Скучно живёшь, подруга. Война войной, а расслабляться тоже надо. Надо будет тебя просветить. Муо, покажешь ей как-нибудь свой «Звёздный десант» или во что ты там рубишься сутками напролёт? Пусть хоть узнает, как нормальные люди веселятся!

— Это не «Звёздный десант»! — тут же возмутилась Муо, отрываясь от консоли. — Это «Галактический Фронт: Эра Вторжения»! Совершенно разные игры! В «Десанте» сюжет линейный, а тут открытый мир, кооператив на четверых и крафт! И там есть класс «Псайкер», который очень похож на способности Неф! Она бы, наверное, играла за Псайкера...

Муо осеклась, снова перевела взгляд на Неферит и тихо, почти застенчиво добавила:
— Если захочешь, я тебя научу. Это не сложно. И у меня есть второй геймпад. Он немного потрёпанный, но работает.

Су слегка улыбнулась, едва заметно, уголками губ. Это была тёплая, понимающая улыбка, которая совершенно не вязалась с её демонической внешностью:

— Муо, дай человеку хотя бы неделю освоиться. Адаптация к новому миру, новой команде, новой реальности — это тоже нагрузка. Не всем даётся легко.

Она перевела взгляд на Неферит, и её тон стал серьёзнее — профессиональнее, строже:

— Кстати, об этом. Зайди ко мне в медотсек после еды. Нужно снять показатели и убедиться, что всё стабильно. Полное биосканирование, анализ крови, проверка нервной проводимости, тест на остаточные эфирные флуктуации. Это не просьба, Неф.

Она сказала это мягко, но твёрдо — так говорят врачи, привыкшие, что их распоряжения не обсуждаются.

Неферит медленно опустила приборы на тарелку. Вилка легла с тихим звоном. Она посмотрела на Су долгим, оценивающим взглядом. В фиолетовых глазах — ни возмущения, ни покорности. Просто холодная, трезвая оценка.

— Хорошо. Я приду. Но сначала я доем. Потому что, если я сейчас не восполню запасы энергии, ты будешь сканировать труп. — Она снова взяла вилку, отрезала ещё кусочек. — И. — она бросила взгляд на Вика, всё ещё стоящего в дверях с этой своей вечной полуулыбкой, полуоскалом, — ...мне нужно понять, что дальше. Какая у нас миссия? Или я пока числюсь в резерве? Вышиваю крестиком? Играю в этот ваш «Галактический Фронт» с Муо? Я не привыкла сидеть без дела. Бездействие меня... раздражает.

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и острый. Кристина перестала жевать. Муо отложила консоль. Даже Су подняла взгляд от чашки, и в её жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство — она тоже хотела услышать ответ.

Все посмотрели на Вика.

За окнами столовой медленно, величественно проплывала сиреневая туманность с алыми прожилками — гигантский космический цветок, застывший в вечном цветении. Свет далёких солнц падал на лица сидящих за столом — красное, серое, белое и бледное, с фиолетовыми глазами, — и на одинокую фигуру в дверях с потухшей сигарой и зелёными, как сама бездна, глазами.

Вик неторопливо оттолкнулся от косяка и сделал несколько шагов вперёд. Его изумрудные глаза обвели команду — каждую по очереди: Кристину, всё ещё скалящуюся в предвкушении; Су, спокойную и невозмутимую как скала; Муо, глядящую на него с ожиданием и лёгким волнением. И наконец — Неферит. На ней его взгляд задержался дольше всего.

— Миссия? — переспросил он, и в его голосе зазвучала та самая интонация, которая заставляла сердца биться быстрее. — Миссия у нас всегда одна. Мочить кремниевых истуканов. Весело, с огоньком и по возможности так, чтобы они не успели понять, что их мочат. Но конкретно сейчас... — он выдержал драматическую паузу, и в тишине столовой было слышно только тихое гудение корабля, — ...у нас есть наводка. Один из их порталов. Если мы его закроем — они потеряют доступ к отдалённому сектору и возможность устроить плацдарм у

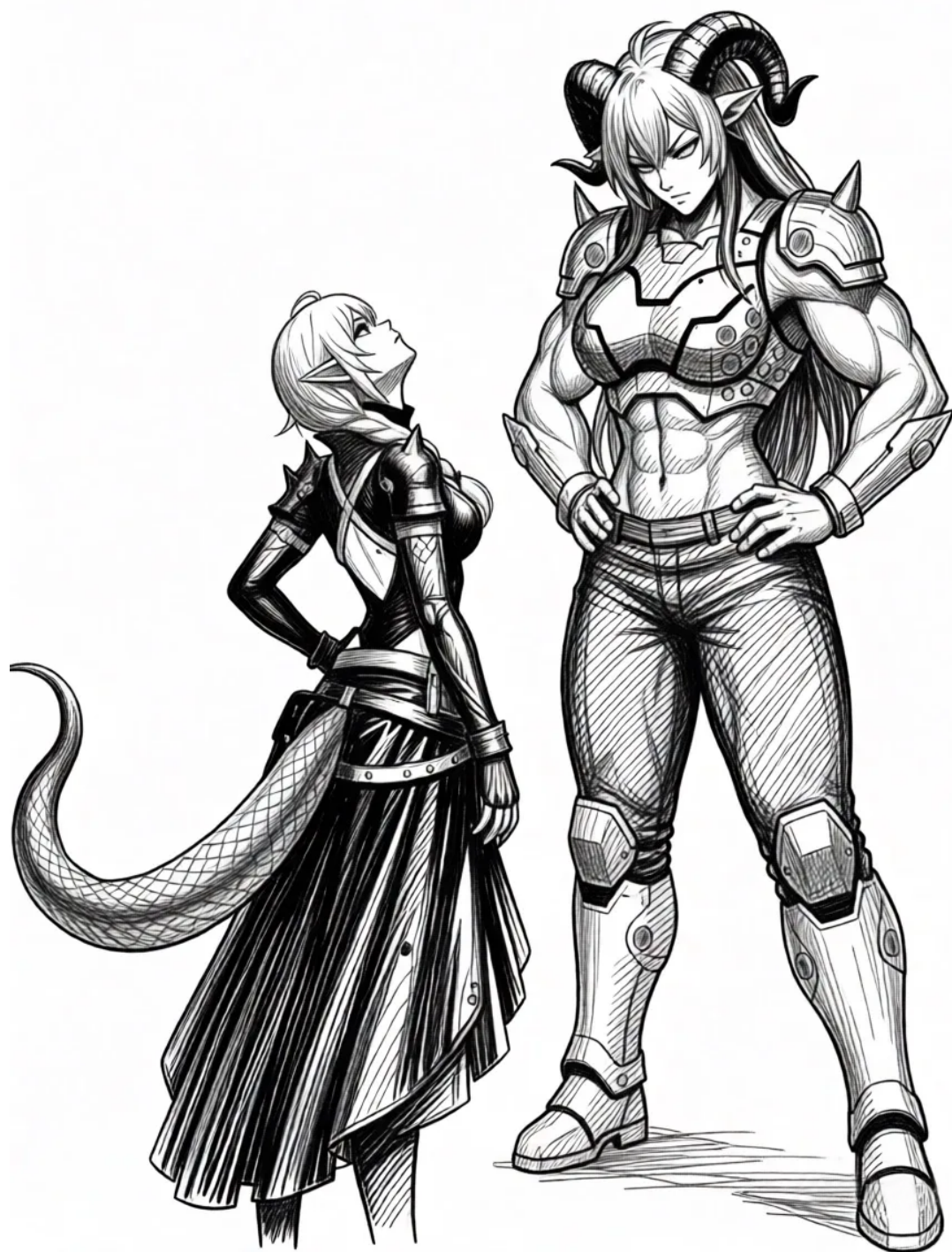
нас на заднем дворе. Если нет — через месяц по бортовому времени, там будет нечего спасать. Так что доедай, Неф. У нас полно работы.

Он выпрямился, и его ухмылка стала шире — предвкушающей, волчьей.

— Добро пожаловать в ОРКС. Считай, что испытательный срок начался.

Неферит посмотрела на него — долгим, изучающим взглядом. Затем её губы медленно растянулись в усмешке — кокетливой, надменной, но теперь с новым оттенком. С оттенком азарта.

— Ну наконец-то. А то я уж думала, ты меня спас ради моих красивых глаз. — Она подцепила вилкой последний кусочек мяса, отправила в рот. Хвост за её спиной описал резкий, хлесткий полукруг — боевой, а не расслабленный. Костяной наконечник со свистом рассёк воздух.

Глава 3. Курс на бурю

— Командир, а есть какие-то подробности? Ну пожалуйста! — пролепетала Муо.

— Подробности? — произнёс он, и зелёные глаза вспыхнули, словно два изумрудных прожектора, пронзающих полумрак. — Да, есть подробность, в самый раз, чтобы сдохнуть, если облажаемся. Зафиксированный портал находится в отдалённой системе под названием Форго-3. Произносится как «Форго-3», но местные, зуб даю, называют свою планету как-нибудь пафосно. Типа «Земля Вечного Сияния» или «Мир Тысячи Богов». Всегда так. Чем грязнее средневековье, тем громче название.

Он сделал короткую паузу, и его губы дёрнулись в усмешке, от которой у нормальных людей волосы вставали дыбом.

— Как оказалось, там есть цивилизация. Судя по данным разведки — а разведка у нас, прямо скажем, дерьмовая — у них классическое средневековье. Замки, короли, рыцари в сияющих доспехах, крестьяне в грязи и, если повезёт, парочка драконов для полного фэнтези-комплекта. Однако есть нюанс. — Он выдержал паузу, явно наслаждаясь вниманием. — Они умеют пользоваться магией. Не фокусами для детишек, не иллюзиями для ярмарок. Настоящей. Той, что сносит башни и плавит камень. А ещё нестабильность атмосферы на закуску.

Неферит чуть подалась вперёд. Её острые уши — заметно выглядывающие из-под коротких розовых волос, уложенных в тугую косичку, переброшенную через плечо, — дрогнули, улавливая каждое слово. Чёлка падала на глаза, придавая взгляду ещё больше хищности, а два коротких локона у скул обрамляли лицо, как рамка — портрет опасности.

— Кстати, Неф, — Вик посмотрел прямо на неё, и в его глазах заплясали изумрудные искры, — магия — это и есть один из видов проявления эфира. Только в более структурированной, ритуализированной форме. Местные колдуны, скорее всего, понятия не имеют, что пользуются той же энергией, что и ты. Для них это «дар богов» или «сила древних». А на деле — явление, которое они ещё не научились объяснять. И да, скорее всего, твои эфирные способности после такого... хм... возрождения — он кивнул на её живот, где под чёрным матовым костюмом с шипами на плечах скрывался тонкий серебристый шрам, — могли сильно измениться. Наниты, эфир, клиническая смерть — гремучая смесь. Такое даже Су в своих учебниках не найдёт. Но об этом позже, на тренировке и после обследования. А пока просто имей в виду: ты сейчас, возможно, не та Неферит, что была вчера. Ты — версия два-точка-ноль. И нам надо понять, что в этой версии нового.

Он снова сделал паузу, обводя взглядом собравшихся. Кристина подалась вперёд, готовая. Су сидела неподвижно, лишь пальцы, обхватившие чашку, чуть сжались. Муо замерла, забыв про консоль.

— Так вот, в той цивилизации живут не только люди, но и гуманоиды с чертами животных. Лисы, волки, какие-то кошачьи, возможно, рептилии — полный Ноев ковчег, только ходячий и с мечами. Поэтому слиться с ними не будет особой проблемы. Мы с вами немного разделимся на команды. Но об этом позже, на брифинге. Сейчас я просто вкратце обрисовал картину, чтобы вы начали шевелить мозгами. И да, Неф... — он посмотрел на неё с той особен-

ной, тяжёлой усмешкой, которая не предвещала ничего простого, — ты идёшь с нами. Никаких поблажек. Сразу в пекло. Как ты любишь.

Вик вынул выкуренную сигару изо рта — она уже дотлела почти до основания, — прищурился, оценивая расстояние с точностью снайпера, и неуловимым, отработанным до автоматизма щелчком пальцев задулил её через пол столовой. Сигара описала идеальную, почти издевательски красивую дугу и с влажным шипением упала в ведро. Звук эхом разнёсся по притихшему помещению — короткий, утвердительный, как точка в конце приговора.

Кристина присвистнула, откидываясь на спинку стула с такой силой, что тот жалобно скрипнул, балансируя на грани разрушения.

— Форго-3! Средневековье, магия, зверолюди! О-о-о, я такое люблю! Можно будет вложить кому-нибудь голыми руками, без этих ваших бластеров, протоколов и дурацких правил ведения боя! Знаешь, Неф, — она повернулась к ней с восторженным оскалом, — там наверняка есть рыцари. А рыцари — это такие парни в железных банках, которые думают, что доспехи их спасут. Я как-то раз встретила одного такого... ну, не рыцаря, а местного воина в броне. Он бил себя в грудь, орал что-то про честь. Я ему просто положила руку на плечо. Он ушёл в землю по колено. — Она хрустнула кулаками с мечтательным выражением лица. — Люблю средневековье.

Су задумчиво провела пальцем по ободку чашки — медленно, размеренно, словно медитируя. Её змеиные глаза с вертикальными зрачками сузились, став похожими на два жёлтых полумесяца.

— Зверолюди... Интересно. Значит, Геоиды выбрали мир с разнообразием фенотипов для мимикрии. Логично. Очень логично. Там легче затеряться, легче имитировать местного, легче внедряться во властные структуры. Особенно если у них есть способности к изменению внешности. А они у них есть. — Она помолчала, покручивая чашку в тонких серых пальцах с тёмными жилками. — И средневековье... Это упрощает им задачу. Никаких камер наблюдения, никаких баз данных, никакой криминалистики. Только слухи, летописи и предрассудки. Если Геоид займёт место местного барона — никто ничего не заподозрит, пока не станет слишком поздно.

Она перевела взгляд на Неферит, и в нём мелькнуло что-то похожее на профессиональную озабоченность.

— И да, Неф, после еды — обязательно ко мне в медотсек. Не позже, чем через двадцать минут. Если твои эфирные способности действительно изменились после контакта с нанитами и клинической смерти, нам нужно понять, в какую сторону. И насколько это... безопасно. Для тебя и для окружающих. Я не хочу, чтобы посреди боя ты случайно испарила половину отряда или снова себя, потому что твой эфир решил, что сегодня у него «творческое настроение».

В её голосе слышалась смесь профессиональной строгости и научного любопытства — так смотрит хирург на уникальный клинический случай, который выпадает раз в карьере, но который при этом может обернуться катастрофой.

Муо тем временем убрала консоль в рюкзак — бережно, как ребёнка, — и подалась вперёд, обхватив колени руками. Её голубые глаза горели особым огнём, который бывает у гиков, когда они слышат о чём-то новом, неизведанном, поддающемся анализу и систематизации.

— Средневековье — это же как в фэнтези-RPG! — выпалила она с восторгом, от которого, казалось, даже воздух вокруг неё завибрировал. — Там наверняка есть квесты, гильдии, может, даже драконы... И магия! Настоящая магия! Интересно, а местные заклинания можно изучить? Или они работают только для рождённых в том мире? Там, наверное, есть какая-то генетическая предрасположенность, или мутация, или симбиоз с местной экосистемой... Или они черпают эфир из какого-то природного источника? Ой, надо будет взять сканеры, анализаторы, может, даже полевую лабораторию...

Она на мгновение задумалась, прикусив губу, и её взгляд снова метнулся к Неферит. В огромных голубых глазах читалось искреннее, почти детское любопытство — но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Уважение? Симпатия? Трудно сказать.

— А ты... ну, с хвостом и ушами... — она чуть замялась, подбирая слова, — ты же у нас тоже немножко зверолод, да? Ну, в смысле, ты не человек, и у тебя есть звериные черты, так что для местных ты будешь своей! Тебе там будет проще всех! Я даже немножко завидую. Мне с моими рожками и белыми волосами придётся притворяться каким-нибудь редким магом или духом... Или вообще сидеть в укрытии и работать снайпером. Что, в общем-то, тоже неплохо.

Неферит медленно отодвинула пустую тарелку. Движения её были плавными, текучими — ни одного лишнего жеста. Чёлка падала на глаза, придавая взгляду дополнительную глубину и хищность. Высокие сапоги с усиленным коленом мягко постукивали каблуками по полу.

Фиолетовые глаза — глубокие, как аметисты на чёрном бархате, с этими вечно настроенными голубыми вертикальными зрачками — смотрели в пространство перед собой, но взгляд был острым, анализирующим. Взгляд тактика, уже просчитывающего первые линии обороны и наступления в уме, уже строящего карты, схемы, варианты.

— Форго-3. Магия как проявление эфира. Мои способности могли измениться... — Она повторила это медленно.

Затем подняла руку и посмотрела на свою ладонь — ту, что вчера пожимала руку Вику. На мгновение вокруг пальцев возникло едва заметное фиолетовое свечение. Оно дрожало, пульсировало, переливалось оттенками — от тёмно-сиреневого до почти белого, — будто пыталось принять новую форму. Будто сама энергия не знала, чем ей быть. Затем свечение погасло, оставив после себя лишь слабый запах озона и лёгкое покалывание в воздухе.

— Я чувствую... что-то иное. — Она нахмурилась, подбирая слова с той тщательностью, с какой подбирают оружие перед боем. — Словно эфир внутри меня стал... пластичнее. Раньше он был как меч — твёрдый, прямой, предсказуемый. Я знала: захочу — ударю. Захочу — разрежу. Всё было... чётко. По линейке. А теперь... — она сжала пальцы в кулак, и на мгновение вокруг костяшек снова вспыхнуло сиреневое сияние, — теперь он как вода. Течёт, меняет форму, ускользает, когда я пытаюсь его ухватить старыми методами. Раньше я командовала им как генерал — армией. Теперь он слушается... иначе. Словно у него появилось собственное мнение.

Она опустила руку и перевела взгляд на Муо. В фиолетовых глазах мелькнула тень улыбки — лёгкой, кокетливой, почти неуловимой. Той, что когда-то заставляла её подчинённых гадать: она шутит или сейчас кого-то убьёт?

— Зверолод? Возможно. В моём мире не было такого термина. Там были просто... разные расы. В основном обычные люди. Рогатых у нас было мало, — она бросила короткий взгляд на Кристину и Муо, и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на ностальгию. — Хвост и уши — встречались редко. Но нас это не удивляло.

Она замолчала на мгновение, и в тишине столовой было слышно только гудение корабля и чьё-то тихое дыхание. Затем повернулась к Вику. Её поза изменилась — спина выпрямилась ещё больше, подбородок вздёрнулся, хвост застыл в напряжённом ожидании. Косичка, переброшенная через плечо, легла на грудь, как стрела, готовая сорваться с тетивы.

— Командир. Два вопроса. И я хочу получить на них прямые ответы. Без шуток.

Она сделала паузу, и её голос зазвучал твёрже, деловитее — так, как звучал когда-то в залах, где она отдавала приказы своим головорезам. Головорезам, которые боялись её до дрожи и шли за ней в огонь именно поэтому.

— Первый: каков уровень угрозы на Форго-3? Геоиды уже внедрились и успели нагадить, или портал только открылся, и у нас есть время на подготовку? Я хочу знать, мы идём на зачистку или на упреждение. Потому что тактика в этих случаях разная. При зачистке мы имеем дело с врагом, который уже освоился, уже имеет агентов влияния, уже, возможно, контролирует часть территории. При упреждении у нас есть шанс ударить первыми и закрыть портал до того, как они поймут, что происходит.

Она сделала короткую паузу, не отводя взгляда от Вика. Хвост за её спиной медленно качнулся — раз, другой, словно маятник, отсчитывающий секунды до ответа.

— Второй... — на её губах появилась усмешка — холодная, острая, с оттенком кокетства, которое было не столько женским, сколько хищным. Так улыбается акула, прежде чем уйти на глубину. — ...какая у меня будет роль? Ты сказал — разделимся на команды. Я хочу знать, с кем иду и что делаю. Я не привыкла быть на подхвате. Я не умею «просто стрелять, куда скажут». Если я в деле, я хочу знать план. Весь. От начала до конца. И я хочу иметь право голоса при его разработке. Ты ведь этого хотел, когда делал мне предложение у костра?.

Кристина хмыкнула, поднимая стакан — янтарная жидкость плескалась в нём, лоя отблески туманности за окном:

— А девочка-то сразу в дело рвётся! Без раскачки, без «дайте осмотреться». Нравится мне такой подход! — Она сделала глоток, вытерла рот тыльной стороной ладони, широкой, красной, с мозолями от рукоятей. — Вик, давай, не томи. Рассказывай план. А то я уже представила, как крушу черепа каким-нибудь местным рыцарям, а вдруг там надо тихо? Вдруг у нас скрытная миссия? Я, конечно, могу быть тихой. Очень тихой. Как скала, падающая в пропасть. Ну, знаешь — сначала тихо-тихо, а потом БАМ! И все слышат.

Су спокойно допила свой чай — тёмный, пахнувший травами, с каким-то странным привкусом, который нормальному человеку показался бы тошнотворным. Она поставила чашку на стол с тихим стуком, и в этом звуке было больше укора, чем в иной проповеди:

— Кристина, ты и «тихо» — понятия несовместимые. Как «вода» и «сухость». Как «огонь» и «негорючесть». Как «ты» и «дипломатия». — Она говорила беззлобно, но с той особенной интонацией, которая бывает у людей, уставших повторять очевидное. — Но я тоже хотела бы услышать детали. Мне нужно понять, какое медицинское оборудование брать и какие протоколы готовить. Я должна подготовиться ко всему. И да, Вик, — она посмотрела на него с той особенной строгостью, которая выдавала в ней не просто медика, а второго по старшинству в отряде. — Как мы разделимся?

Муо добавила тихо, но с тем азартом, который прорывался даже сквозь её обычную стеснительность:

— А мне — какие припасы по электронике брать. Если там есть электрические шторма, обычная электроника может сбоить. Может, взять экранированное оружие? Или механические прицелы? У меня есть одна старая модель, ещё с той самой Земли, без единого чипа — работает в любых условиях, даже в эпицентре электромагнитного импульса...

Четыре пары глаз уставились на Вика. Столовая замерла в ожидании, словно перед грозой. Даже робот-синтезатор притих, перестав шипеть и жужжать. Сиреневая туманность за окном продолжала свой вечный дрейф — равнодушная, далёкая, прекрасная.

Вик выдохнул — длинно, с ноткой наигранного раздражения, за которым, впрочем, явственно угадывалось довольство. Довольство тренера, чья команда только что показала именно ту реакцию, на которую он рассчитывал:

— Ох, чёрт с вами. Раз такие нетерпеливые — слушайте. Но предупреждаю: план предварительный. На месте может измениться всё. Как обычно и бывает. Потому что ни один план не выдерживает столкновения с реальностью. А реальность, как вы знаете, та ещё сволочь.

Он начал медленно прохаживаться взад-вперёд перед столом — размеренным шагом командира, привыкшего излагать планы на ходу. Его тень металась по стенам, то удлиняясь, то укорачиваясь.

— На данный момент угроза не ясна. Абсолютно. У нас есть сигнал открытия портала и больше ничего. Зонд, который послал наш союзник, успел передать данные об атмосфере, примерном уровне цивилизации и наличии магического фона. А потом перестал выходить на связь. Что с ним случилось — сожрали, сбили, утонул в болоте — мы не знаем. Поэтому первая задача — разведка. Более того, пока мы туда прибудем, по местному времени у них пройдёт около года, может меньше. Год. Вы понимаете, что это значит? За год Геоиды могут полностью захватить власть в целом королевстве или еще хуже, начать терраформирование.

Он остановился, обводя взглядом Су и Муо:

— Именно поэтому мы разделимся следующим образом. Я, Су и Муо пройдем через телепортирующий поток. Больше он не пропустит. Это сэкономит нам год субъективного времени. Мы окажемся на Форго-3 практически мгновенно — плюс-минус пара дней на калибровку. Там мы сориентируемся на месте, проведем первичную разведку, найдем безопасную точку для внедрения и, если получится, установим контакт с местными. За год, который пройдет там, пока «Феникс» будет лететь обычным путем через субпространство, мы успеем многое. Внедриться, собрать информацию, возможно, даже закончить миссию, если нам очень, чертовски повезет.

Он повернулся к Неферит и Кристине. Его зелёные глаза вспыхнули:

— Неферит и Кристина останутся на «Фениксе» во время полёта. Для вас пройдет всего ничего — чуть меньше пары недель. А для нас — почти год. Такая вот релятивистская хронотень. Ваша задача — собрать все разведданные, которые мы успели получить до потери зонда, проанализировать их и скорректировать план по прибытии на Форго-3. Вы будете нашим резервом, нашим свежим взглядом, нашим козырем в рукаве. Пока вы вдвоём будете тут, Неферит должна полностью раскрыть свои изменённые способности и отточить их до предела. Я не знаю, на что ты теперь способна, Неф. И ты, судя по твоим словам, тоже не знаешь. Узнай. Выясни. Доведи до автоматизма. А ты, Кристина, ей в этом поможешь. Ты у нас специалист по ближнему бою, по контролю силы, по тому, как не разнести себя и окружающих, когда пытаешься сделать что-то новое. Научи её всему, что знаешь. Я хочу, чтобы через две недели вы

были готовы к чему угодно. К рыцарям, к магам, к Геоидам, к драконам, хоть к самим богам, если они там есть. Всё ясно?

Он снова зашагал, продолжая на ходу:

— Далее, по снабжению. Мы не знаем, что нас там ждёт и какие условия. Атмосфера, судя по данным, вполне себе обычная — дышать можно без фильтров. Гравитация близка к стандартной. Однако известно, что там часто бушуют электрические шторма. Серьёзные. Такие, что молнии бьют как автоматная очередь. Такие, что воздух искрит сам по себе. Поэтому всё оборудование должно быть экранировано. Нужен защитный тент. Также неизвестна степень угрозы, а значит — вооружаемся до зубов. Берём всё. Бластеры, винтовки, гранаты, холодное оружие — местные, скорее всего, не знают даже огнестрела, и это наше преимущество. Но магия может нивелировать любое преимущество, так что не расслабляться. Всё ясно, Муо, Су?

Неферит выслушала молча, не перебивая. Её лицо оставалось неподвижным, но в фиолетовых глазах шла интенсивная работа — она уже анализировала, раскладывала, сопоставляла. Когда Вик закончил, она медленно кивнула — один раз, коротко, по-военному. Так кивают командиры, принимая приказ, который они, возможно, и сами отдали бы.

— Ясно. — Она слегка наклонила голову и состроила кокетливую ухмылочку. Остаёмся с Кристиной. Разведданные, анализ, тренировки. — Она бросила короткий взгляд на краснокожую демоницу, и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на азарт. Тот самый азарт, который она когда-то испытывала перед началом новой кампании. — Полагаю скучать не придётся. Кристина, надеюсь, ты готова к тому, что я не самый простой ученик. Я задаю вопросы. Я спорю. Я не принимаю на веру ничего, пока не проверю сама. И да, я кусаюсь.

Кристина расплылась в довольной ухмылке, откидываясь на стуле так, что тот снова жалобно закрипел, балансируя на грани разрушения. Казалось, ещё немного — и мебель просто сдастся.

— О-о-о, командир, ты делаешь мне подарок! Серьёзно! Я лично вылеплю из этой хвостатой колючки машину смерти! — Она хрустнула костяшками пальцев с таким звуком, будто ломались ветки. — Неф, готовься. Я гоняю жёстко. Очень жёстко. Су может подтвердить — после моих тренировок даже она уставала. А ведь она у нас демон, как и я, только другой. Но результат гарантирую: через две недели ты будешь ломать врагов голыми руками. Даже без своего эфира. А с эфиром... — она мечтательно прищурилась, — ...с эфиром ты будешь натуральным стихийным бедствием. Ураганом в юбке. Цунами с хвостом. Я уже представляю, как Геоиды будут разбегаться при твоём появлении. Это будет прекрасно.

Су спокойно поднялась из-за стола, забирая пустую чашку. Жёлтые глаза смотрели на Неферит с лёгкой тенью беспокойства, которое она испытывала каждый раз, когда Кристина бралась кого-то тренировать.

— Кристина, без фанатизма. Я помню тот случай с одним ополченцем, когда ты решила, что «лучший способ научить плавать — бросить в воду». Парень потом неделю лежал в госпитале. С сотрясением и переломом трёх рёбер. — Она перевела взгляд на Неферит, и её голос смягчился. — Я перед уходом проведу полное сканирование и оставлю протокол реабилитации. Если что-то пойдёт не так — у тебя будет полный доступ к медотсеку. Автоматические системы, диагностика, регенерационная капсула. И пожалуйста, Неф... — она посмотрела на неё с той особенной серьёзностью, которая бывает только у врачей, знающих цену жизни,

— ...не пытайся пересилить себя. Эфир — не мышца. Он не становится сильнее от перенапряжения. Он становится непредсказуемым. А непредсказуемый эфир — это бомба. Бомба, которая может взорваться у тебя в руках. И тебе это уже знакомо.

Она перевела взгляд на Вика, и её тон снова стал деловым:

— Командир, медицинское оборудование я беру с собой. Полный походный набор: полевой хирургический комплект, регенераторы, антитоксические препараты широкого спектра, анализаторы токсинов, сканеры, медицинская капсула. Муо, — она повернулась к белокурой девушке, — можешь с переноской? Там три контейнера. Тяжёлые. Я, конечно, могу сама, но с твоими дронами будет быстрее.

Муо кивнула, поправляя лямки рюкзака — того самого, с нашивками и проводками, который, казалось, был тяжелее её самой:

— Да, конечно! У меня как раз есть компактные дроны-носильщики в наборе «Экспедиционный-7». Они маленькие, но тянут до двухсот килограмм каждый. И у них есть антиграв.

Неферит поднялась из-за стола, выпрямляясь во весь рост. Это было движение хищника, который только что закончил трапезу и теперь готов к охоте. Хвост плавно описал дугу за её спиной — широкую, уверенную, как росчерк пера под приказом. Фиолетовые глаза вспыхнули — жёстко, решительно.

— Хорошо. Значит, план ясен. — Она перевела взгляд на Вика, и в этом взгляде не было ни тени сомнения. Только расчёт. Только готовность. — Командир. Когда вы уходите? Я хочу успеть получить от тебя максимум информации о Геоидах — их тактика, слабые места, инциденты, предыдущие столкновения. Всё, что есть в базах. Каждый файл, каждый рапорт, каждую аудиозапись.

Она сделала паузу, и её голос стал чуть тише, но твёрже — как сталь, которую остудили в масле:

— Я не собираюсь быть балластом. Я Неферит! Когда мы встретимся через год по местному времени — или через две недели по-нашему, — у меня будет готов полноценный аналитический отчёт. Не просто разрозненные данные, а полноценный план операции: варианты развития событий, прогнозируемые угрозы, контрмеры, слабые места противника, оптимальные маршруты. Я была великой и меня боялись не потому, что я была сильнее всех — хотя и это тоже. А потому что я всегда думала на три шага вперед. Я знала, что сделает враг, ещё до того, как он сам это решал.

Она бросила короткий взгляд на Кристину — тот самый, в котором читался вызов и азарт одновременно:

— И да, я буду готова к бою. В любой форме. Руками, эфиром, холодным оружием — чем угодно. Я не знаю, на что теперь способна, но я узнаю.

Кристина хлопнула ладонями по столу с такой силой, что тарелки подпрыгнули:

— Вот это настрой! Чёрт меня раздери, вот это настрой!

Она подошла к Неферит и встала рядом — высокая, мускулистая, широкая в плечах, возвышающаяся над ней почти на две головы. Тяжёлая рука легла на плечо Неферит — на этот раз без вызова, без проверки, почти по-дружески. Почти по-сестрински. Насколько это вообще возможно для почти трехметровой туши.

— Не дрейфь, подруга. Прорвёмся. Я из тебя такого бойца сделаю — Геоиды будут молить о пощаде. Причём на всех известных языках. И на тех, которые они выучат специально для этого случая. — Она чуть сжала плечо и ухмыльнулась. — И да, я запомнила про кусаться. Учту. Надену что-нибудь... прочное.

Неферит чуть поморщилась от тяжести руки, но не сбросила её. Вместо этого она продолжала смотреть на Вика, ожидая ответа на свой вопрос. Когда вы уходите? Сколько у неё времени? Час? День? Неделя? Каждая минута на счету, и она не собиралась терять ни одной. Не в этой, второй жизни.

Муо тихо пробормотала — скорее себе под нос, но в наступившей тишине столовой её услышали все:

— Они уже спелись... Это либо очень хорошо, либо очень плохо. Либо корабль взорвётся через неделю. Либо Форго-3 просто сдастся без боя при их появлении. Третьего не дано.

Су слабо улыбнулась. Она направилась к выходу, и её белый медицинский халат мягко колыхался при ходьбе:

— Я в медотсек. Готовить оборудование. Неф, жду тебя через двадцать минут. Не опаздывай. И Кристину тоже — надо обновить её прививки перед высадкой. Ты же не хочешь подхватить местную чуму и сдохнуть раньше, чем успеешь кому-нибудь вломить? Это было бы... обидно.

Она выскользнула за дверь — бесшумно, как тень, как призрак, как змея, скользящая в траву. Дверь с мягким шипением закрылась за ней, отсекая звук шагов.

В столовой остались четверо: Вик, Неферит с ладонью Кристины на плече, Муо, копающаяся в рюкзаке в поисках чего-то, что тихо звякало и пищало, и сама Кристина, скалящаяся во все клыки. Неферит ждала. Её фиолетовые глаза не отрывались от командира. Хвост плавно покачивался за спиной — как метроном, отсчитывающий секунды до ответа.

Вик остановился, выдержал короткую паузу — видимо, перебирая мысленный список распоряжений, который никогда не кончался у командира элитного отряда, — и заговорил. Его голос звучал ровно:

— Ладно. Неф, иди к Су. Не задерживайся — ей нужно провести полное сканирование до того, как мы уйдём. Муо, займись дронами и подготовкой снаряжения. Мне нужно, чтобы все три медицинских контейнера были упакованы, промаркированы и готовы к телепортации через час. Экран, проверь на всех. Если хоть один датчик сгорит при переходе, Су с тебя шкуру спустит. В прямом смысле — ты же знаешь, она может. Кристина — обновить прививки. Не спорь. Да, я знаю, что ты их ненавидишь. Но местные болезни могут быть такими, что даже твоя регенерация не справится. А я не хочу везти с Форго-3 демоницу с насморком. Это подрывает боевой дух. Отбываем завтра.

Он развернулся — резко, по-военному чётко, как разворачивается офицер, только что отдавший приказ и не сомневающийся в его исполнении, — и вышел из столовой. Дверь с мягким шипением закрылась за ним, отсекая звук шагов. На мгновение повисла тишина.

Кристина хлопнула Неферит по плечу ещё раз — уже легче, почти ласково, насколько это вообще возможно для руки, способной крушить бетон, — и ухмыльнулась:

— Ну что, напарница? Идём колоться и обследоваться. Сначала — к Су, на экзекуцию иглками. А потом — в тренировочный зал. У нас час. Целый час! Я уже предвкушаю. Знаешь, я давно не встречала никого, кто смотрел бы на меня так... — она запнулась, подбирая слово, — ...с вызовом. Ты смотришь как равная. Или даже как та, кто собирается стать сильнее. Это... освежает.

Неферит наконец сняла её руку со своего плеча — аккуратно, но с той же стальной хваткой, что и ранее. Тонкие пальцы сжали красное запястье — не больно, но с намёком на силу, которая пока дремлет, но может проснуться в любой момент.

— Я тоже. — И впервые за всё утро в её голосе прозвучало что-то похожее на предвкушение. Не холодное, не надменное, а живое. Человеческое. Или не совсем человеческое.

Кристина расхохоталась — громко, раскатисто, запрокинув голову так, что рога едва не задели потолок.

— Ахахаха! Обожаю таких! Пошли, хвостатая. Пошли. У нас много дел и мало времени. А время, знаешь ли, не ждёт. Особенно когда ты летишь через пол галактики, чтобы надрать задницу кремниевым тварям. Ладно, двигаем на экзекуцию к нашей серой докторше. Обожаю прививки... — Она скривилась всем лицом, демонстрируя такое отвращение, что даже чешуя на хвосте Неферит, кажется, сочувственно дрогнула. — Особенно когда Су достаёт свои иглы. У неё они, знаешь ли, не простые — она их сама синтезирует. Говорит, что обычные мою кожу не пробивают. Врёт, конечно. Кого она обманывает? Просто наша серая любит мучить пациентов. У неё, по-моему, это четвёртая любимая вещь в жизни. После работы, тишины и раздражающих её демонов. То есть меня.

Она подмигнула — весело, залихватски, как подмигивают перед хорошей дракой, — и зашагала к выходу, чеканя шаг тяжёлыми ботинками. Звук эхом разносился по опустевшей столовой — гулкий, уверенный, как сама Кристина.

Муо тем временем расстегнула свой огромный рюкзак, с нашивками, значками и торчащими проводками, который весил, казалось, больше неё самой, — и что то начала в нем искать. Но остановилась и посмотрела на Неферит, и её голубые глаза на мгновение стали серьёзными, почти взрослыми. Так смотрят дети, слишком рано узнавшие, что мир — не игра, а игра — не просто развлечение.

— Неф... удачи с Су. Она на самом деле добрая. Очень добрая. Просто... серьёзная очень. — Пауза. В огромных глазах мелькнуло что-то похожее на тень давней, запрятанной глубоко внутрь боли. — Она многое пережила. Как и все мы. Здесь нет тех, кто попал на «Феникс» случайно. Так что ты... ты там, где должна быть.

Неферит ничего не ответила, лишь прищурилась, а потом просто пошла вслед за Кристиной. Хвост плавно покачивался за её спиной. Фиолетовые глаза смотрели вперёд — на дверь, за которой скрылся Вик. За которой был медотсек. За которой были тренировки, подготовка, анализ данных. А за всем этим — что то новое. Новая война. Новая жизнь.

Муо проводила их взглядом, затем медленно выдохнула и снова уткнулась в рюкзак:

— Значит, взрыв корабля. Я так и думала. Ну, по крайней мере, будет весело. Очень весело. До самого взрыва.

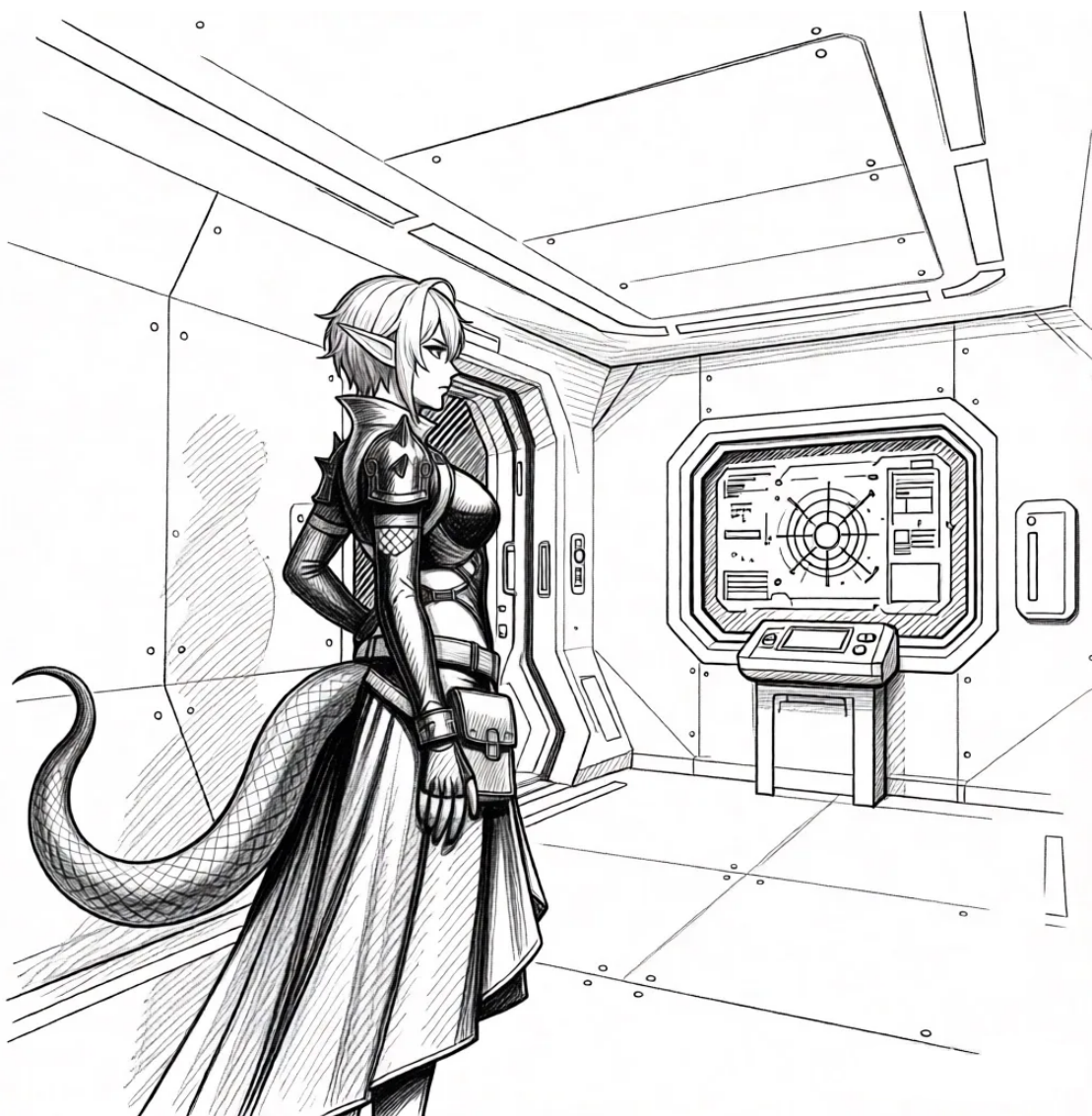
За панорамными окнами продолжала свой вечный дрейф сиреневая туманность с алыми прожилками. Свет далёких солнц падал на пустые стулья, на оставленную кем-то чашку с недопитым чаем, на одинокую фигурку Муо, копающуюся в рюкзаке. Корабль тихо гудел — ровно, успокаивающе. И где-то далеко, за многие световые годы, планета Форго-3 вращалась вокруг своего солнца, не подозревая, что скоро на неё высадятся. Команда существ, способных изменить ход её истории. И одна из них только что переступил порог новой жизни, оставив за спиной пепел старой.

Глава 4. Тени прошлого, иглы настоящего

Коридоры «Феникса» — серые, с плавными изгибами, без единого прямого угла, — текли мимо, как вены гигантского спящего монстра. Мягкая голубоватая подсветка по периметру пола и потолка создавала ощущение, что идёшь не по кораблю, а по какому-то подводному тоннелю. Редкие голографические указатели парили в воздухе, показывая направления: «МЕДОТСЕК», «ЖИЛЫЕ КАЮТЫ», «ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ЗАЛ», «АНГАР». Буквы пульсировали мягким синим светом, и Неферит скользила по ним взглядом, запоминая — привычка. Знать карту местности прежде, чем начнётся бой. Знать пути отхода прежде, чем нанесён удар. Знать, где находится медотсек, потому что никогда не знаешь, когда он понадобится.

Кристина шла впереди широким, размашистым шагом. Её красно-голубые волосы покачивались в такт движениям, рога почти задевали верхние панели, а тень на стене выглядела как тень какого-то мифического чудовища. Неферит держалась чуть позади, изучая обстановку и эту странную краснокожую демоницу, которая ещё полчаса назад проверяла её на прочность, как проверяют новобранца — грубо, без церемоний, с хлопками по плечу, от которых у нормального человека подкосились бы ноги, — а теперь вела к медику почти как давнюю знакомую. Почти как союзника. Почти как...? Нет. У Неферит не было и не могло быть никаких друзей. Но что-то определённо изменилось.

Внезапно Кристина заговорила, не оборачиваясь, через плечо. Её голос звучал тише обычного, без привычного грохота, и от этого казался непривычно серьёзным:

— Слушай, Неф... я это... — Она замолчала, будто подбирая слова, что для неё явно было делом непривычным. Так медведь, наверное, подбирает бы столовые приборы. — Короче. Я в столовой немного перегнула. Ну, с «игрушкой» и всё такое. И про яйца зря ляпнула. Ты это... не бери в голову. У меня манера такая дурацкая, так разговаривать. Сразу, с порога, без подготовки. Чтобы понять, кто ты — тряпка или боец. Потому что в бою времени на долгие знакомства нет. Если ты тряпка, я должна знать это до того, как мы окажемся в одной заднице.

Она остановилась у развилки — два коридора расходились в разные стороны, один вёл к жилым каютам, другой к медотсеку, — и повернулась к Неферит лицом. Жёлтые глаза смотрели серьёзно, без привычной наглой ухмылки, без вызова, без этого вечного огонька «а ну-ка попробуй меня задеть». Просто смотрели, и в них, впервые за всё время знакомства, читалось что-то похожее на уважение.

— Ты боец. Я это сразу поняла, как только ты мне руку с плеча сняла. Не каждый так может. У меня хватка знаешь какая? Я как-то раз пожала руку одному наёмнику, так он потом неделю вилкой пользоваться не мог. А ты, просто взяла и сняла. Как будто это было что-то

неважное. Как будто моя рука для тебя, просто рука, а не угроза. — Она протянула красную мускулистую ладонь, широкую, мозолистую, способную крушить бетон. — Так что... мир?

Неферит посмотрела на протянутую руку. Перевела взгляд на лицо Кристины. Фиолетовые глаза — глубокие, как аметисты на чёрном бархате, с этими вечно настроженными голубыми вертикальными зрачками — изучали её несколько долгих секунд. Тех самых, что тянутся, как смола, но решают многое. Она думала. Взвешивала. Оценивала. Как всегда.

А потом — пожала руку. Крепко, без колебаний, ладонь в ладонь. Тонкие бледные пальцы сжали широкую красную ладонь, и в этом жесте не было ни слабости, ни заискивания. Только холодное, спокойное признание равенства.

— Мир. — Её голос звучал ровно, но в нём больше не было того холода, что в столовой. Он стал... теплее. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы Кристина это заметила. — И. спасибо. За честность. Мало кто способен извиниться передо мной. Ещё меньше — сделать это искренне. Ты сделала.

Она отпустила руку и слегка усмехнулась, холодной, острой усмешкой, которая была её визитной карточкой. Но на этот раз она была направлена не против собеседника, а куда-то в пространство, в прошлое, в старые обиды.

— Но, если ещё раз назовёшь меня «игрушкой» — я проверю, насколько твоя шкура прочная. У меня эфир теперь «пластичный», как я сказала Су. Могу проявить... креативность. Например, сделать так, чтобы твои рога завязались узлом. Или чтобы твоя выпивка превратилась в воду. Или... — она выдержала паузу, и её усмешка стала чуть шире, чуть кокетливее, — ...чтобы твои ботинки приклеились к полу в самый неподходящий момент. У меня богатое воображение. Я была тираном. Мы, тираны, вообще народ изобретательный.

Кристина взорвалась хохотом. Да таким, что, казалось, стены завибрировали, а голографический указатель над головой на мгновение мигнул. Она хлопала себя по ляжкам с такой силой, что эхо разнеслось по всему коридору, улетаая в дальние отсеки

— Ахаха! Рога узлом! Ботинки к полу! Слышь, а ты мне реально нравишься! Договорились! Кремень-девка, уважаю! — Она развернулась и продолжила путь, уже не чеканя шаг, а почти пританцовывая, что для трехметровой мускулистой демоницы выглядело одновременно пугающе и комично. — Ладно, пошли к Су, пока она нас не прибила за опоздание. Кстати, готовься, она будет задавать кучу вопросов. Про наниты, про твою физиологию, про эфир, про то, как ты спишь, что ешь и чем дышишь. Она у нас дотошная. Иногда мне кажется, что она знает обо мне больше, чем я сама. Что, в общем-то, правда. Но своё дело знает, я без неё бы сдохла. Причём пару раз — по собственной глупости.

Они подошли к двери с голографической надписью «МЕДОТСЕК». Буквы пульсировали мягким белым светом, и под ними был нарисован медицинский крест, такой же, как на старых земных аптечках, только стилизованный под галактический стандарт. Кристина коснулась сенсора, дверь открылась бесшумно, словно приглашая внутрь.

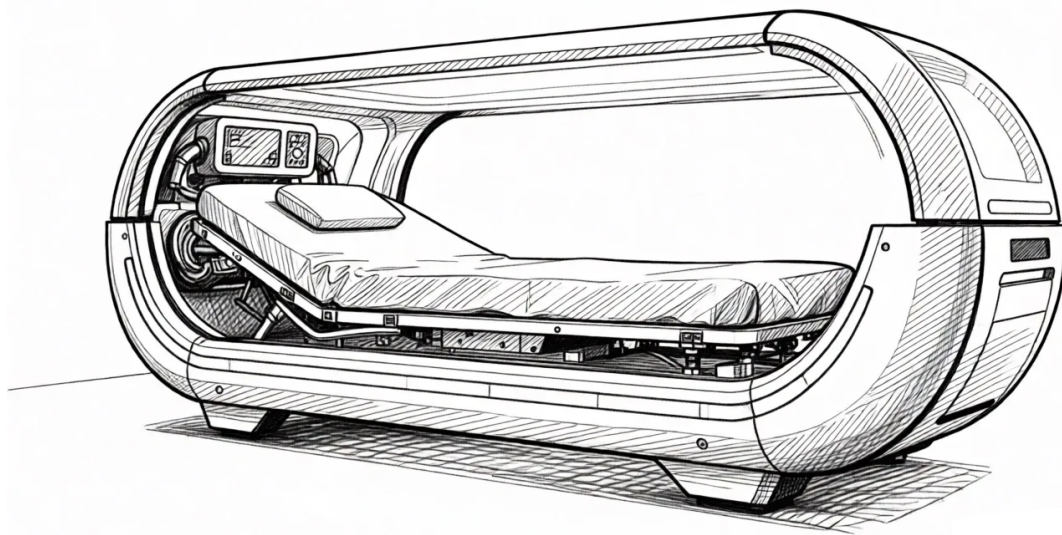
Медотсек встретил их стерильным белым светом — резким, хирургическим, — и запахом антисептика, смешанным с чем-то травяным: горьковатым, но не неприятным. Так пахнет в операционных, где работают профессионалы высочайшего класса. Просторное помещение было оборудовано по последнему слову галактической медицины: вдоль стен выстроились медицинские капсулы — матовые, обтекаемые, с голографическими индикаторами состояния,

— мониторы с бегущими строками данных, шкафы с препаратами и инструментами, разложенными с точностью, от которой у перфекциониста защемило бы сердце. В центре возвышался диагностический стол, над которым нависал голографический сканер — сейчас он медленно вращал свои лопасти в холостом режиме, дожидаясь пациента, и от него по стенам бежали призрачные полосы света.

Су стояла у стола, перебирая инструменты. Её серые руки с тонкой сеткой тёмных жилок двигались точно и аккуратно — движения хирурга, привыкшего к микроскопической работе. Иглы, скальпели, ампулы, какие-то светящиеся пробирки, всё это летало между её пальцев в замысловатом, но чётко отлаженном танце. Услышав шаги, она подняла взгляд. Жёлтые глаза с вертикальными зрачками — змеиные, немигающие — смотрели спокойно, но цепко. Такой взгляд не упускал ничего. Он фиксировал каждую деталь: лёгкую бледность Неферит, её напряжённые плечи, хвост, нервно овившийся вокруг ноги, слишком частый пульс на виске.

— Хорошо, что пришли вместе. Так быстрее, сделать нужно много. — Она указала тонким серым пальцем на диагностический стол, и жест этот был точным, как приказ. — Неф, садись сюда. Сначала полное сканирование: от плотности костей до частоты эфирных вибраций. Затем анализ эфирной сигнатуры. Мне нужно понять, что с тобой сделали наниты и как теперь работает твой дар. Кристина, ты пока в капсулу, стандартный протокол вакцинации для миров класса «Средневековье-плюс». Чума, оспа, паразитарные инфекции, усиленная пробиотика столбняка. Займёт пять минут. Я знаю, что ты невосприимчива к большинству из этого, но так надо.

Кристина заворчала, как большой недовольный зверь, но послушно полезла в одну из капсул у стены.

— Пять минут ада... Каждый раз как в первый... Ты знаешь, что твои иглы острее, чем нужно? Я уверена, ты их специально затачиваешь. По ночам, с дьявольским смехом... — Крышка капсулы с тихим шипением закрылась за ней, заглушив остаток фразы, но Неферит была готова поклясться, что услышала что-то про «садистские наклонности».

Су проигнорировала ворчание Кристины с тем величественным спокойствием, которое вырабатывается у врачей за годы работы с трудными пациентами. Она полностью сосредото-

чила на Неферит, развернулась к ней всем телом, отложив инструменты. Её жёлтые глаза засияли тем особым светом, который появляется у профессионалов перед интересной задачей.

— Сканирование безболезненное. Просто лежи спокойно и не двигайся. Голографический анализатор считает все показатели: от плотности костной ткани до частоты вибраций эфира в твоём теле. Это займёт около трёх минут. — Она сделала паузу, и в её глазах мелькнуло что-то ещё, кроме профессионального интереса. Что-то похожее на понимание. На эмпатию, которую она обычно прятала за маской холодного профессионализма. — И ещё... Вик сказал, твои способности могли измениться. После того, что ты пережила: клиническая смерть, массивированная потеря крови, наниты. Это более чем вероятно. Расскажи мне, что ты чувствуешь. Своими словами. Не для протокола, для меня. Это важно для диагностики. А диагностика — для твоей безопасности.

Неферит села на край диагностического стола. Прохладная поверхность коснулась бёдер даже сквозь одежду. Она поправила косичку, перекинув её через другое плечо, привычным, машинальным жестом. И её хвост нервно обвил ногу, признак внутреннего напряжения, которое она не могла скрыть. Чёрный матовый костюм с шипами на плечах тускло блестел в стерильном свете медотсека.

— Что я чувствую... — Она посмотрела на свою ладонь — бледную, с длинными, красными, когтистыми пальцами, всё ещё хранившими следы эфирных ожогов, теперь уже почти заживших. Сжала и разжала пальцы, наблюдая, как под кожей перекачиваются мышцы, как на мгновение вспыхивает и гаснет едва заметное фиолетовое свечение. — Раньше эфир был как клинок. Острый, прямой, предсказуемый. Я знала его форму. Его предел. Его траекторию. Я могла направить его: разрезать, разорвать, уничтожить. Это было... просто. Грубо, но просто. Как молот. Как топор. Как любое оружие, которое не требует тонкости — только силы.

Она подняла взгляд на Су, и в фиолетовых глазах мелькнуло что-то новое — не просто холодный расчёт, а почти растерянность, которую она никогда бы не позволила себе показать при других обстоятельствах. Но здесь, в медотсеке, где то на холодных просторах галактики, перед лицом инопланетного врача, это было... уместно.

— Теперь все иначе. Он течёт. Меняется. Ускользает, когда я пытаюсь ухватить его старыми методами. Иногда я чувствую, что могу придать ему любую форму — шар, куб, лезвие, волну, — но не знаю как. Нет инструкции. Нет учителя. Нет никого, кто мог бы сказать: «Сделай так». Иногда мне кажется, что он может не только разрушать, но и... — она замолчала, хмурясь, и в её голосе прорезалось то, что она сама считала слабостью, — ...созидать? Восстанавливать? Исцелять? Я не уверена. Это чуждо мне. Я всегда была разрушителем. Созидание — это не моя специальность. Я не знаю, с какой стороны к нему подступиться.

Она легла на стол, медленно, осторожно, словно боялась, что он под ней провалится. Уставилась в потолок, где вращались лопасти голографического сканера, отбрасывая на лицо призрачные полосы света. Где-то в отдалении слышалось гудение корабля и приглушённые ругательства из капсулы Кристины.

— И ещё... — её голос стал тише, почти шёпотом, — я чувствую связь. С Виком. Она слабая, но постоянная. Как тихий зуммер на заднем плане. Как тень, которую я не могу стряхнуть. Как... — она запнулась, подбирая слово, — ...присутствие. Будто он стоит в соседней

комнате, и я знаю это, даже не видя его. Будто наниты внутри меня настроены на него. Это нормально? Это пройдёт? Или это навсегда?

Сканер начал жужжать, опускаясь ниже, и в этот момент произошло то, чего Неферит не ожидала.

Из-под короткого чёрного топа Су, который открывал её подтянутый живот, чуть ниже рёбер, плавно, словно лепестки распускающегося на рассвете цветка, выросли ещё две руки. Тонкие, серые, изящные, с такими же тёмными жилками, что и на лице. Движения их были отточенными, естественными, словно Су пользовалась четырьмя руками всю жизнь и не видела в этом ничего особенного. Одна из новых рук подхватила с соседнего стола голографический планшет, вторая начала быстро, почти не глядя, набирать данные — пальцы порхали над сенсорной поверхностью, выбивая дробь, похожую на азбуку Морзе.

Неферит дёрнулась, как от удара током. Резко приподнялась на локте, едва не сорвав сканирование. Её фиолетовые глаза расширились, радужки вспыхнули ярче, словно аметисты под лучом прожектора. Вертикальные голубые зрачки сжались в тончайшие щели — признак крайней настороженности. Хвост хлестнул по краю стола с глухим, неприятным стуком, едва не сбив лоток с инструментами.

— Какого...?!

Она замерла в полусидячем положении, уставившись на четыре руки Су. Короткие розовые волосы дрогнули, локоны у скул качнулись, как маятники. Острые уши прижались назад — поза хищника, загнанного в угол. Поза того, кто только что осознал: он не знает, с кем имеет дело. Какие еще сюрпризы хранят в себе эти существа?

Голос стал холодным, с самыми надменными, металлическими нотками.

— Ты не сочла нужным предупредить, что у тебя... дополнительные конечности? Четыре руки? Серьёзно? Я, знаешь ли, не привыкла к сюрпризам, когда лежу на диагностическом столе, словно препарлируемый образец.

Её взгляд заметался между лицом Су — спокойным, невозмутимым, — и её новыми руками, которые продолжали набирать данные, будто ничего не произошло. Будто появление двух дополнительных конечностей было чем-то обыденным. Впрочем, для Су, видимо, так и было.

Су не подняла взгляда от планшета. Её голос остался ровным, спокойным, даже немного усталым, как у учителя, объясняющего очевидную истину в сотый раз непонятливому ученику.

— Это моя физиология. Я бывший демон, почти. Дар моего прошлого, так сказать. Дополнительные конечности повышают эффективность работы. Особенно в медицине, где нужно одновременно держать скальпель, зажим, сканер и следить за показателями пациента. И в бою, где чем больше рук, тем больше шансов выжить.

Она на мгновение подняла жёлтые глаза от планшета, и в них мелькнуло что-то похожее на сожаление — лёгкое, почти незаметное, но всё же присутствующее:

— Прости, если напугала. Я привыкла, что в ОРКС все знают особенности друг друга. Кристина знает. Муо знает. Вик знает. Ты — новенькая. Я не учла. Это было... бестактно с моей стороны.

Две верхние руки продолжали держать планшет и набирать текст, пальцы летали над сенсорной панелью в каком-то безумном, но точном танце. Су чуть склонила голову набок, изучая реакцию Неферит с тем самым профессиональным интересом, с каким изучала её показатели. Интересом учёного, увидевшего неожиданный результат эксперимента.

— Кстати, о физиологии. Я изучила твои базовые показатели, пока ты была без сознания. Интересная раса у тебя. Никогда не встречала таких раньше. Неплохая регенерация, прочный скелет, способный выдерживать колоссальные нагрузки, хвост как балансир и оружие одновременно... И очень интересная, нестандартная связь с эфиром. Большинство существ не могут использовать эфир. Только как производную им магию, но, она либо врождённая, либо приобретённая через долгие тренировки. А у тебя — глубже. Намного глубже. Словно ты не просто пользуешься эфиром, а... слита с ним. Видимо, именно поэтому наниты так... творчески с тобой взаимодействуют. Ты уникальный случай. Я бы написала статью, если бы у нас было время на статьи.

Пауза. Она вернулась к предыдущему вопросу, и её голос стал чуть тише, но не менее твёрдым. Таким тоном сообщают диагноз, который пациенту не понравится, но который необходимо знать.

— Что касается твоей связи с командиром через наниты... — Су наконец оторвалась от планшета, отложила его в сторону и посмотрела прямо в глаза Неферит. — Это не норма и не аномалия. Это ожидаемый побочный эффект. Неизбежный, я бы сказала. Наниты, которые он тебе ввёл — а это самая дорогая и совершенная субстанция в галактике, «Кронос-Омега», — были когда-то настроены под его биосигнатуру. Они заточены под него, как ключ под замок. Вик единственный в отряде, кто может их полностью контролировать, обновлять, перенастраивать. Фактически, ты сейчас носишь в себе частицу его... сущности. Его биополе, его энергия, его воля, всё это теперь есть в тебе. В микроскопической дозе, но есть.

Короткая пауза, чтобы информация осела. В тишине медотсека слышно было только жужжание сканера, гул двигателей и приглушённое «Ай! Су, твои иглы — орудие пыток!» из капсулы Кристины.

— Связь ослабнет со временем, когда твой организм полностью адаптирует наниты под себя. Это процесс небыстрый — может занять недели, может месяцы. Но полный разрыв маловероятен. Почти невозможен. Вы теперь связаны на фундаментальном уровне. Ты всегда будешь чувствовать его присутствие — как тень, как эхо, как тихий сигнал на заднем плане. А он — твоё. Вы будете знать, когда другой ранен. Будете чувствовать, когда другой в опасности. — Она снова помолчала, давая Неферит время переварить. — Это плата за спасение. У меня есть связь, и у Муо. И, если хочешь знать моё мнение, это хорошая плата. Ты могла быть мертва. Вместо этого ты жива. Считай это... бонусом.

В этот момент капсула, где лежала Кристина, издала мелодичный сигнал — три ноты, восходящих и затихающих. Крышка с тихим шипением открылась, выпуская облачко холодного пара, и краснокожая громила вылезла наружу, потирая плечо с таким видом, будто её предали.

— Фух, пять минут позора позади. Су, твои иглы — изобретение садиста. Я серьёзно. Если ад существует, ты будешь там заведующей процедурным кабинетом.

Она заметила напряжённую позу Неферит, всё ещё сидящей на столе с выпученными глазами, заметила дополнительные руки Су, которые та и не думала убирать, и расплылась в широкой, понимающей ухмылке.

— О, ты уже показала свои грабли! А я всё ждала, когда это случится. Неф, расслабься. Су у нас вообще-то милашка. Просто с четырьмя руками обниматься удобнее. Я проверяла.

Су проигнорировала комментарий с тем же ледяным спокойствием, с каким игнорировала все подколки Кристины за последние несколько лет. Она продолжала смотреть на Неферит, и в её жёлтых глазах читалось что-то, чего Неферит не ожидала увидеть. Понимание. Сочувствие. Может быть, даже тёплое, почти материнское участие.

— Я понимаю, это много информации. Но ты хотела знать правду. Ты спросила — я ответила. Теперь ты её знаешь. — Её голос смягчился, совсем чуть-чуть, как лёд, подтаивающий по краям, когда весна только-только начинается. — И ещё, Неф... Ты сказала, что чувствуешь способность к созиданию. Что твой эфир теперь не только разрушает, но и может создавать. Ты говоришь об этом как о слабости. Как о чём-то чуждом и пугающем. Я хочу, чтобы ты знала: в моём мире демоны и твари, которые умели только разрушать, долго не жили. Их убивали свои же, потому что они были опасны и непредсказуемы. Созидание — это адаптация. Это умение не только ломать, но и строить. Не только уничтожать, но и защищать. А адаптация — это выживание. И если твой эфир теперь может созидать, то это не слабость. Это эволюция.

Она протянула Неферит планшет одной из верхних рук, точным, отработанным движением, лишённым какой-либо неловкости.

— Вот твои показатели. Смотри: вот твоя старая сигнатура — та, что мы сняли, когда ты была без сознания. А вот новая — та, что сканер считал только что. Видишь? Частоты изменились. Амплитуда увеличилась почти в два раза. И появились новые гармоники — те, которых не было раньше. Эфирная сигнатура действительно стала другой. Более сложной. Более... гибкой. Я рекомендую начать тренировки с малых форм. Не пытайся сразу повторить то, что умела раньше, это может быть опасно. Попробуй создать что-то простое. Шар. Куб. Лезвие, но не для атаки, а как объект. Что-то, что можно подержать в руках. Кристина поможет с физическими нагрузками, но тонкую настройку эфира тебе придётся делать самой. Никто не знает твой дар лучше тебя.

Кристина подошла ближе, всё ещё потирая плечо, и заглянула в планшет через плечо Неферит с любопытством ребёнка, увидевшего новую игрушку.

— О, а это что за графики? Красненькое, синенькое, пульсирует... Красиво. Су, ты чего ей голову морочишь своими медицинскими штуками? Просто скажи: «Неф, иди и взрывай всё вокруг, но делай это красиво». Вот и вся тренировка. Работает безотказно.

Су ответила спокойно, без тени улыбки, но в её глазах мелькнул опасный огонёк.

— Кристина, если ты не перестанешь давать вредные советы моим пациентам, я синтезирую тебе слабительное в следующую порцию выпивки. И не просто слабительное, а такое, что ты следующие сутки проведёшь в каюте, обнимая унитаз. У меня есть рецепт. С Ариадны-9. Очень эффективный.

Кристина подняла руки в примирительном жесте, отступая на шаг с видом оскорблённой невинности.

— Всё-всё, молчу! Молчу, как рыба! Как очень тихая, незаметная рыба! — Она повернулась к Неферит и шёпотом, который был слышен, наверное, в соседнем отсеке, добавила: — Она может. Реально может. Один раз я поспорила с ней насчёт какой-то ерунды, и она реально подмешала. Я потом два дня боялась есть что-либо, чего не приготовила сама. А я, заметь, настоящий демон из ада. У нас пищеварение — как доменная печь.

Дополнительные руки Су плавно втянулись обратно — будто их и не было. Никакого драматизма, никаких спецэффектов. Просто две руки исчезли под тканью топа, оставив после себя лишь лёгкое шевеление одежды. Она встала, поправила медицинский халат, одёрнула его на плечах, и на мгновение перед Неферит оказалась обычная серая девушка с двумя руками и цепким взглядом змеи. Никакого демонизма. Никакой угрозы. Только профессионал, закончивший осмотр.

— Неф, ты свободна. Показатели стабильны. Наниты работают в штатном режиме. Связь с Виком не представляет опасности для твоего здоровья — по крайней мере, физического. Через... — она взглянула на хронометр на стене, висящий над капсулами, — ...сорок минут жду вас с Кристиной в тренировочном зале. Вик просил быть всем. Без опозданий. И да, Неф, — её голос прозвучал почти заботливо, что для Су было редкостью, — поешь ещё раз перед проверочной тренировкой. Эфирные нагрузки сжигают калории как сумасшедшие. Организм будет требовать топлива. Если не поешь — свалишься через десять минут. А мне потом тебя откачивать. Я этого не люблю.

Она отвернулась к шкафу с препаратами, давая понять, что разговор окончен. Её спина, обтянутая белым халатом, была прямой и спокойной — спина человека, привыкшего к хаосу и научившегося в нём работать. Спина того, кто видел слишком много смертей, чтобы тратить слова впустую.

Неферит медленно сползла с диагностического стола. Планшет остался у неё в руке: она смотрела на графики, на столбцы данных, на пульсирующие линии, обозначавшие её изменившуюся эфирную сигнатуру. Красное, синее, фиолетовое — цвета сменяли друг друга, рисуя картину, которую она пока не понимала. Связь с Виком. Частица его сущности внутри неё. Способность к созиданию, которую она считала слабостью, а Су назвала эволюцией. И Кристина, которая только что призналась, что уважает её. И Муо, которая сказала, что здесь все — сломанные. Может, она и правда попала туда, где ей предназначено было быть судьбой?

Кристина хлопнула её по плечу — уже привычным, почти родственным жестом, от которого Неферит больше не вздрагивала.

— Ну что, напарница? Сорок минут до тренировки. Я голодная как стая волков после зимней спячки. Пошли добьём то, что осталось в столовой, — а то Су права, без еды ты у меня в зале свалишься через пять минут. А мне потом отвечать перед командиром. И да, — она наклонилась чуть ближе, понизив голос до заговорщицкого шёпота, от которого, впрочем, всё равно звенело в ушах, — я слышала, что Су говорила. Про связь с Виком. Это... хм. Сложно. Но не парься. Он хороший. Реально хороший. Я с ним уже семь лет, и за всё время он ни разу не дал мне повода в нём усомниться. Правда во мне нет нанитов. Так что если ты теперь с

ним на одной волне — считай, тебе повезло. Ну, или крупно не повезло. Это с какой стороны посмотреть.

Неферит отвела взгляд от планшета. В фиолетовых глазах больше не было ни растерянности, ни раздражения — только холодный, расчётливый азарт предвкушения. Тот самый азарт, который когда-то гнал её вперёд, в её мире. В её, уже, прошлом.

Она направилась к выходу, но у двери на мгновение обернулась. Су стояла у шкафа, перебирая какие-то ампулы — светящиеся, с разноцветными жидкостями, — и что-то тихо напевала себе под нос. Четырёх рук не было видно, но теперь Неферит знала, что они там, ждут своего часа под тканью халата. Ждут, когда понадобятся. Как и всё на этом корабле.

— Су, — позвала она, и жёлтые глаза поднялись от ампул, сверкнув в стерильном свете. — Благодарю за правду о связи. За то, что не стала скрывать.

Су слегка кивнула — коротко, почти незаметно, только кончики чёрных волос с красными прядями качнулись:

— Это моя работа. И... Неф. — Она помедлила, будто решая, стоит ли говорить. — Добро пожаловать в команду.

Дверь медотсека закрылась за ними, отсекая стерильный белый свет и запах антисептика с травяными нотками. В коридоре снова были только голубоватая подсветка, гул двигателей, похожий на дыхание огромного зверя, и шаги двух пар ног — тяжёлые ботинки Кристины, отдававшиеся в переборках низким гулом, и мягкая, почти неслышная поступь Неферит.

Путь лежал обратно в столовую. А потом — в тренировочный зал, где их уже ждал Вик с новыми приказами и старыми тайнами.

Где-то глубоко в груди, под рёбрами, там, где вчера зияла смертельная рана, а теперь теплилась тень чужого присутствия, слабая, но постоянная, Неферит чувствовала пульсацию нанитов. Связь. Плата за спасение. Она прижала ладонь к шраму на животе — тонкому, серебристому, едва заметному — и ускорила шаг, нагоняя Кристину. Ей предстояло измениться. Стать, возможно, кем-то новым.

Глава 5. Пластичный эфир

Тренировочный отсек «Феникса» поражал воображение — даже того, кто, как Неферит, привык не выказывать удивления. А она привыкла. За годы войн и тирании, она выработала в себе способность смотреть на любое чудо так, будто это просто ещё один инструмент. Ещё одно оружие. Ещё один фактор, который нужно учесть в уравнении победы.

Но это место заставило её внутренне замереть.

Просторное помещение с высокими, теряющимися в полумраке потолками дышало сдержанной, почти угрожающей мощью. Стены и пол покрывали матовые панели, по которым то и дело пробегала голубоватая сетка силовых полей — мерцала, пульсировала, переливалась, словно нервная система спящего исполина. Словно сам корабль наблюдал за теми, кто осмелился войти в его чрево. В центре раскинулась обширная арена, способная трансформироваться в любой ландшафт: от городских руин до горного плато, от густого леса до выжженной пустоши. Сейчас она пребывала в нейтральном режиме — ровный матовый пол, размеченный голографическими линиями стартовых позиций. Вдоль стен выстроились стойки с тренировочным оружием: от простых клинков до энергетических излучателей, чьи рукояти тускло светились в ожидании хозяина. Под потолком, едва слышно жужжа, парили дроны-регистраторы — маленькие, юркие, с множеством линз, готовые фиксировать каждое движение, каждый удар, каждый выплеск энергии. Воздух пах озоном, разогретым металлом и чем-то ещё — тем самым запахом, который бывает только в местах, где часто происходят схватки. Запах пота, крови и победы.

Неферит и Кристина вошли первыми. Неф оглядывалась с плохо скрываемым интересом — ничего подобного на её планете не было и быть не могло. Там были полигоны, стрельбища, тренировочные лагеря для головорезов, грубые, функциональные, построенные на скорую руку и так же часто разрушенные. Здесь же всё дышало технологией, порядком и холодной, просчитанной эффективностью. Каждая панель, каждый дрон, каждый голографический указатель были частью единой системы, продуманной до мелочей.

Кристина сразу направилась к стойке с оружием, на ходу сбрасывая кибер-топ на ближайшую скамью. Тяжёлая металлическая конструкция лязгнула, ударившись о композитную поверхность. Демоница осталась в простом белом топе и синих джинсах — но даже так, с обнажёнными мускулистыми плечами, выглядела опаснее, чем иной воин в полном доспехе. Её красная кожа в свете силовых полей отливала тёмно-бордовым, а рога отбрасывали на стену причудливые тени, похожие на корону какого-то древнего, забытого бога войны. Она взяла в руки массивный тренировочный молот, что лежал на верхней стойке, взвесила, хмыкнула с видом эксперта:

— Неплохо. Баланс хороший, вес почти как настоящий. Но мой любимый — в оружейной, а этот лёгкий, как игрушка. Знаешь, Неф, у меня есть молот, называется «Миротворец». Потому что после него — тишина и покой.

С глухим стуком вернула молот на стойку, повернулась к Неферит, уперев руки в бока. В жёлтых глазах плясали бесенята:

— Ну что, хвостатая, как ощущения? Готова пахать? До кровавых мозолей, до дрожи в мышцах, до момента, когда будешь молить о пощаде? Потому что я по-другому не умею. Суговорит, это мой недостаток. Я говорю — это мой стиль.

Неферит медленно прошла в центр арены. Её сапоги с усиленным коленом мягко ступали по матовому полу, и каждый шаг отдавался тихим эхом в огромном пространстве. Хвост плавно покачивался, описывая широкую дугу. Она подняла руку, разглядывая собственную ладонь так, будто видела её впервые.

— Ощущения... странные. Будто внутри меня что-то ждёт. Спит, но готово проснуться. Хочет вырваться, но не знает как. Раньше эфир был как мускул — я напрягала его, и он работал. Теперь он как... — она запнулась, подбирая слово, — ...как зверь. Дикий, необъезженный, но почему-то доверяющий мне.

Она сжала кулак — и вокруг пальцев на мгновение вспыхнуло фиолетовое свечение, более яркое и плотное, чем в столовой. Воздух вокруг ладони завибрировал, пошёл рябью, как над раскалённым асфальтом. Кристина заметила это и одобрительно хмыкнула.

— Су сказала — начать с малого. Созидать, а не разрушать... — Неферит разжала пальцы, и свечение погасло, оставив лишь слабый запах озона.

Кристина фыркнула, подходя ближе. Её шаги гулко отдавались в тишине огромного зала — тяжёлые, уверенные, как сама смерть.

— Созидание — это, конечно, мило. Цветочки там, бабочки, всякая фигня. Но в бою тебе нужно будет убивать. Быстро, эффективно, без рефлексий. Так что давай начнём с простого: разрушение под контролем. Сможешь разнести что-то, не разнеся себя — уже полдела. Покажи, что ты можешь сделать с этой мишенью. И не стесняйся, она не живая. Пока.

Она кивнула в сторону дальней стены. Там, повинувшись неслышной команде — Кристина подала её движением пальцев, — из пола поднялась голографическая фигура. Безликий гуманоидный силуэт, мерцающий голубоватым светом, с условными очертаниями головы, плеч и корпуса. Он стоял неподвижно, ожидая первого удара, и в его неподвижности было что-то почти издевательское. Словно он говорил: «Ну давай, попробуй. Я просто свет. Что ты мне сделаешь?»

Дверь отсека открылась с мягким шипением. Вошли Вик и Су, за ними семенила Муо со своим рюкзаком, из которого торчали какие-то провода, антенны и мигающие огоньки.

Вик остановился у края арены, скрестив руки на груди. Его зелёные глаза обвели собравшихся — цепко, оценивающе, как всегда, — и на мгновение задержались на голографической мишени.

— Ну что, все здесь. Отлично. Люблю, когда никто не опаздывает. — Он перевёл взгляд на Неферит, и в его глазах мелькнул командирский огонёк, который означал, что сейчас последует нечто важное. — Неф, я слышал от Су, что твоя эфирная сигнатура изменилась. Она скинула мне данные. Честно скажу — я впечатлён. А я редко впечатляюсь. Обычно меня можно удивить только особо изобретательным способом — всё просрать. Но твой случай, другое. Так что сегодня мы не просто тренируемся. Мы ищем твой новый предел. И заодно учимся работать в связке. Кристина — твой спарринг-партнёр на сегодня. Су и Муо — наблюдатели и аналитики. Они будут записывать, замерять и потом расскажут тебе, что ты сделала не так. А ты сделаешь что-то не так. Это нормально. Это тренировка, но без лишних усилий, как и оговаривалось.

Су с планшетом в руках спокойно заняла место у стены, выбрав точку с наилучшим обзором. Её жёлтые глаза уже скользили по данным, поступающим от сканеров арены:

— Я буду отслеживать биометрию и эфирные колебания. Пульс, давление, насыщение тканей кислородом, эфирная активность, уровень нанитов в крови. Если что-то пойдёт не так — если показатели выйдут за пределы безопасного коридора, — я остановлю тренировку. И не надо на меня смотреть так, будто я испорчу вам веселье. Я врач. Моё дело — чтобы вы не сдохли раньше времени.

Муо уселась на скамью, скинула рюкзак и достала небольшого дрона-наблюдателя — изящную сферу с множеством линз, которые вращались в разных направлениях. Подбросила его в воздух, и дрон послушно зажужжал, занимая позицию над ареной:

— А я запишу всё в 3D! Полный объём, частота кадров — триста в секунду! Потом можно будет разобрать ошибки в замедленном режиме. И смонтировать нарезку самых крутых моментов.

Вик сделал короткий, рубящий жест рукой.

— Кристина, разомни её. Но аккуратно, она ещё не в форме. Помни, что Су сказала про наниты. Никаких ударов в полную силу. Никакой крови. Никакого «я случайно». Твоя задача — создать давление, но не убить. Неф, твоя задача — защищаться и контратаковать, используя эфир. Не бойся экспериментировать. Если что-то сломаешь — починим. Это тренировочный зал, а не музей. И не библиотека. Здесь можно и нужно ошибаться.

Кристина скалилась, разминая плечи. Её мышцы перекачивались под красной кожей, как канаты под натяжением, — зрелище, завораживающее и пугающее одновременно:

— Слышала, хвостатая? Экспериментируй. Я подыграю. Обещаю не сломать тебе ничего важного. По крайней мере, в первой фазе.

Она вышла в центр арены и встала напротив Неферит, принимая боевую стойку — ноги на ширине плеч, корпус чуть наклонён вперёд, руки подняты на уровень груди, ладони раскрыты. В жёлтых глазах плясали те самые бесенята, — азарт, предвкушение, чистая радость предстоящей драки:

— Ну, давай. Удиви меня. Только не разочаруй. Терпеть не могу разочаровываться.

Неферит сделала глубокий вдох. Воздух тренировочного зала был холодным, почти ледяным, пах озоном и разогретым металлом. Её фиолетовые глаза — глубокие, как аметисты, с этими вечно настороженными голубыми вертикальными зрачками — вспыхнули ярче, чем прежде. Она подняла руку, направив раскрытую ладонь на голографическую мишень, которая всё ещё маячила у дальней стены, безмолвная и неподвижная. Но вместо того чтобы сделать выстрел эфира — старый, привычный, разрушительный, к которому она привыкла, — она закрыла глаза.

Сосредоточилась.

Вдох. Выдох. Ещё вдох. Она искала внутри себя то самое чувство, которое испытала в медотсеке, когда эфир впервые отозвался не как оружие, а как нечто... живое. Она не призывала ему. Она просила.

Вокруг ладони начало формироваться фиолетовое свечение. Но не хаотичное, не равное, как раньше — когда она просто выбрасывала энергию наружу, позволяя ей делать то, что та умела лучше всего: жечь, резать, убивать. Это свечение было другим: структурированным, текучим, словно жидкий свет. Оно уплотнялось, сгущалось, принимало форму —

сначала аморфную, потом всё более чёткую. Через несколько секунд над ладонью Неферит парил небольшой клинок из чистого эфира. Идеально ровный, геометрически безупречный, с остриём, которое светилось ярче всего. Он пульсировал в такт её сердцебиению — тук-тук, тук-тук, — словно был не оружием, а частью тела.

Она открыла глаза. Посмотрела на клинок — на это маленькое, совершенное лезвие, парящее над ладонью, — и в её взгляде мелькнуло что-то, чего Кристина не ожидала увидеть. Удивление. Почти детское. Почти невинное. Так смотрит человек, который всю жизнь рисовал палкой на песке, а ему вдруг дали в руки кисть и краски:

— Это... не разрушение. Я даже не пыталась атаковать. Я просто... создала его. Из ничего. Из воздуха. Из эфира, который раньше умел только жечь. — Она перевела взгляд на Кристину, затем на Вика, и в её голосе прорезалось что-то похожее на растерянность: — Я не знала, что так могу. Никогда. За все годы. Я не знала...

Вик слегка отвел голову в сторону и вверх, как бы показывая выражение: «Я так и знал, вот оно». В его зелёных глазах мелькнул интерес — тот самый, командирский, означающий, что он видит потенциал там, где другие видят лишь странность:

— Хорошо. Очень хорошо. Это намного лучше, чем я ожидал. Теперь — атакуй Кристину этим клинком. Посмотрим, насколько он прочен, выдержит ли он контакт с реальной плотью. Глянем, на что он вообще способен.

Кристина хищно ухмыльнулась, принимая защитную стойку. Мышцы на её предплечьях напряглись, перекатились под красной кожей — она готовилась заблокировать.

— Давай, Неф. Покажи, на что способна. Я готова. Не сдерживайся — мою шкуру не так просто пробить, поверь.

Неферит сжала эфирный клинок в руке. Он ощущался странно — не как оружие, не как инструмент, а как продолжение её собственного тела. Тёплый. Живой. Отзывчивый. Она чувствовала его так же ясно, как свои пальцы, как свой хвост, как биение сердца. Она сделала шаг вперёд, замахиваясь для удара — простого, прямого, без затей, — и...

Внезапно клинок удлинился.

Не по её приказу, а сам, повинувшись невысказанному намерению. Он растаял, растёкся в воздухе, как капля чернил в воде, и перестроился в длинный, гибкий хлыст, который с громким, резким треском — словно хлыстнула сама реальность — обрушился на блок Кристины.

Краснокожая демоница отшатнулась, удивлённо вскинув брови. На предплечье, куда пришёлся удар, появился лёгкий ожог — багровая полоса на красной коже, — который, впрочем, начал затягиваться прямо на глазах, бледнея с каждой секундой. Регенерация демоницы работала на полную мощность:

— Ого! — выдохнула она, потрясая рукой. — А это уже интересно! Он что, сам поменял форму? Без твоего приказа? Просто, потому что так было удобнее?

Су оторвалась от планшета. Её жёлтые глаза расширились — редкое зрелище для всегда спокойного, невозмутимого медика. Она быстро пролистнула несколько страниц данных, перепроверила показатели:

— Эфирная сигнатура меняется в реальном времени... Я такого не видела никогда. Она не просто адаптируется к намерению — она предвосхищает его. Это рефлекторная адаптация

на уровне нейронов. Эфир реагирует быстрее, чем сознательная мысль. Быстрее, чем нервный импульс доходит до мышц.

Вик скрестил руки на груди, пряча усмешку в уголках губ — ту самую, которая появлялась у него, только когда он был по-настоящему доволен.

— Продолжайте. Неф, ты сама не знаешь, на что способна. Узнай. И не бойся. Я сказал — если сломаешь, починим. Я не шутил. У нас бюджет ОРКС, нам на ремонт плевать.

Эфирный хлыст в руке Неферит пульсировал фиолетовым светом, оставляя в воздухе мерцающий, медленно гаснущий след, похожий на шлейф кометы. Кристина потёрла предплечье, которым блокировала удар, и скалилась ещё шире — ухмылка стала почти волчьей, обнажая острые клыки.

— А ты, гляжу, кусаешься по-настоящему. Не ожидала. В хорошем смысле. Мне нравится! — Она перекатилась с пятки на носок, принимая более агрессивную стойку: корпус ниже, плечи развёрнуты, ноги пружинят. — Но хлыст, это оружие для слабаков. Для тех, кто боится подойти ближе. А мы с тобой, кажется, не из таких. Давай-ка проверим, что ты можешь в ближнем бою! Когда до лица врага рукой подать!

Она резко сократила дистанцию.

Для существа её габаритов — почти трехметровая гора мышц и рогов — Кристина двигалась пугающе, неестественно быстро. Настоящая скала, сорвавшаяся с обрыва. Лавина, которую не остановить. Её кулак полетел прямо в грудь Неферит, рассекая воздух со свистом — такой удар мог бы проломить стальную плиту, пробить броню танка, свалить с ног кого угодно.

Инстинкт сработал быстрее мысли.

Неферит вскинула руку. Она не успела подумать — «создай щит». Она даже не успела испугаться. Эфирный хлыст просто... понял. Он растёкся по ладони, затёк между пальцев — горячий, живой, отзывчивый, — и затвердел, образуя широкий фиолетовый щит, мерцающий и пульсирующий. Удар Кристины пришёлся точно в центр, и по арене разнёсся глухой, металлический звон, такой, будто столкнулись две глыбы обсидиана где-то в недрах вулкана.

Неферит отшатнулась на шаг — сила удара была колоссальной, — но щит погасил. Сапоги проскрежетали по матовому полу. Хвост хлестнул по воздуху, помогая балансировать. Её глаза расширились — она сама не ожидала такой реакции. Такой скорости. Такой... интуитивности.

— Он... слушается меня. Без приказов. Без команд. Просто делает то, что мне нужно в этот момент... Он как будто знает, чего я хочу, ещё до того, как я сама это осознала...

Муо со скамьи взвизгнула от восторга, подпрыгивая на месте с такой силой, что едва не свалилась на пол. Её голубые глаза горели, как два прожектора:

— Это же как жидкий металл в играх! Только эфирный! Как симбионт! Как... как суперспособность пятого уровня! Неф, попробуй сделать что-нибудь сложнее! Копьё! Или сеть! Или... — её голубые глаза загорелись ещё ярче, насколько это вообще было возможно, — ...ой, лезвия на обе руки! Парные клинки! Как у эльфийского рейнджера в «Саге Семи Королевств»!

Су не отрывалась от планшета, но в голосе её явственно слышались нотки профессионального азарта:

— Любопытно. Очень, очень любопытно. Эфир резонирует с её нервной системой быстрее, чем сознательная мысль. Быстрее, чем формируется электрический импульс в синапсах. Это рефлекторная адаптация. Идеальная синхронизация между энергией и её носителем. — Пауза, во время которой она быстро пролистывала графики, и её пальцы — обе пары, верхние и нижние, которые она теперь не скрывала, порхали над сенсорной панелью. — Кристина, увеличь темп. Мне нужно больше данных. Но без фанатизма, помни, что я сказала про наниты.

Кристина захохотала — громко, раскатисто, наслаждаясь происходящим с той чистой, незамутнённой радостью, которая бывает только у тех, кто нашёл достойного соперника:

— С удовольствием, док!

И она обрушила на Неферит град ударов.

Быстрых. Мощных. С разных углов. Без ритма и предупреждения — классическая техника боя без правил, смешанная с демонической скоростью и силой. Апперкоты, прямые удары, боковые, удары локтями, удары коленями — шквал стали и плоти, способный смять кого угодно. Краснокожая демоница больше не сдерживалась. Она была стихией. Она была ураганом в красной коже. Она была самой смертью, решившей поразмяться.

И каждый раз эфир Неферит отзывался.

Щит превращался в клинок, чтобы парировать удар сбоку. Клинок растекался в мерцающую дымку, чтобы уйти от прямого столкновения, пропуская кулак Кристины сквозь пустоту — и демоница по инерции пролетала вперёд, теряя равновесие на долю секунды. Дымка сгустилась в копьё, чтобы нанести контратакующий выпад в плечо — быстрый, точный, как укол змеи. Копьё рассыпалось на десятки мелких игл, которые веером летели в Кристину, словно стая разъярённых ос, жалящих со всех сторон.

Кристина зарывала — низко, по-звериному, — прикрывая лицо предплечьями. Иглы впивались в её красную кожу, оставляя мелкие, но многочисленные порезы. Ни один не был серьёзным, ни один не угрожал жизни, но вместе они создавали картину, достойную поля боя.

— Ай, зараза! Колется! Больно! Я думала, ты создаёшь оружие, а ты — чёртов дикобраз! — В её голосе, впрочем, не было злобы. Только азарт и восхищение.

Она развела руки в стороны, и воздух вокруг неё вздрогнул от жара. От красной кожи начали подниматься струйки пара — сперва тонкие, почти незаметные, потом всё гуще. В жёлтых глазах вспыхнул настоящий, боевой огонь — не тот весёлый огонёк, что был раньше, а глубокое, опасное пламя. Мышцы налились кровью, стали ещё больше, ещё твёрже. Она начала разогревать своё тело, готовясь к чему-то серьёзному — к тому, что не предназначалось для тренировочных спаррингов. К тому, что она использовала только в настоящем бою, против настоящих врагов.

— Стоп.

Голос Вика перерезал напряжение, как скальпель перерезает нить. Чисто, резко, беспрекословно. Это был не крик — Вик никогда не кричал. Это был тот особый командирский тон, которому невозможно не подчиниться.

Оба бойца замерли. Кристина опустила руки, остывая — пар вокруг неё рассеялся, жёлтые глаза вернулись к привычному нагловатому веселью, мышцы расслабились. Она тяжело дышала, но улыбалась. Неферит тоже тяжело дышала: капли пота стекали по вискам, по шее, по острым ушам, катились по чёрному матовому костюму, но фиолетовые глаза горели азартом — чистым, незамутнённым, почти детским. Вокруг её пальцев всё ещё мерцал эфир, теперь спокойный, умиротворённый, словно уснувший зверь.

Вик медленно вышел на арену. Его шаги гулко отдавались в тишине тренировочного зала: размеренные, тяжёлые, уверенные. Он приближался к Неферит не как командир к подчинённой, а как равный к равной. Остановился в паре шагов от неё, и его зелёные глаза встретились с её фиолетовыми.

— Ты сама понимаешь, что сейчас сделала? — Его голос был ровным, но в нём звучало что-то новое. Что-то, чего она не слышала раньше. Возможно, уважение. Возможно, восхищение. — Ты не использовала ни одной заученной формы. Ни одного приёма из своего прошлого арсенала. Ты не пыталась повторить то, что умела раньше. Ты просто... позволяла эфиру быть собой. Быть живым. И он отвечал. Доверял. Слушался не как оружие — как партнёр.

Зелёные глаза не отрывались от фиолетовых. Два хищника, два лидера, две воли — на мгновение в воздухе арены возникло напряжение иного рода. Не боевое, но не менее острое. Напряжение узнавания. Напряжение понимания.

— Это не просто изменение способностей. Я видел много бойцов, Неф. За годы — сотни. Может, тысячи. Я видел, как люди теряли свои силы и обретали новые. Я видел мутации, трансформации, слияния с чуждыми сущностями. Но то, что сделала ты... — он покачал головой, и в этом жесте было больше красноречия, чем в иной речи, — ...это эволюция. Твой эфир больше не оружие, которое ты держишь в руках. Он — часть тебя. Продолжение твоей воли. Твоих инстинктов. Твоей... сущности. Ты больше не просто «пользователь эфира». Ты — сам эфир, принявший форму.

Неферит молчала несколько долгих секунд. Переваривала услышанное. Осмысливала. Взвешивала. Её хвост медленно качался за спиной, а в фиолетовых глазах шла напряжённая внутренняя работа. Затем она медленно подняла руку и посмотрела на ладонь. На этот раз она не пыталась придать эфиру форму — не приказывала стать клинком, щитом или хлыстом. Она просто позволила ему быть. Просто открыла ладонь и... разрешила.

Вокруг пальцев возникло мягкое фиолетовое сияние. Неяркое, тёплое, почти ласковое. Оно не стремилось ни разрушать, ни защищать — просто существовало, пульсируя в такт её сердцебиению, словно крохотная звезда, зажатая в пальцах. Словно живое существо, которое наконец-то поняли.

— Я чувствую... — её голос был тихим, почти шёпотом, и в нём звенело что-то, чего Кристина еще не слышала у этой холодной, надменной женщины, — ...будто я слепая, которая вдруг прозрела. Всю жизнь я думала, что эфир — это молот. Что он — просто инструмент. Грубый, примитивный, однозадачный. А он... он может быть чем угодно. Всем. Он не молот. Он — рука. Моя рука. Моё дыхание. Моя душа.

Она подняла взгляд на Вика, и в её глазах не было ни надменности, ни холода, ни этой вечной ледяной маски. Что-то уязвимое, но решительное, хрупкое, но несгибаемое. Словно она только что заглянула в бездну и поняла, что бездна смотрит в ответ с улыбкой. Но её ухмылка никуда не делась.

— Ну что же, вынуждена выразить благодарность. За то, что не дал сдохнуть в том лесу, как какой-нибудь никчёмной твари. Я... — она запнулась, подбирая слова, которые давались ей с трудом, — ...я выплачу долг.

Сзади донёлся голос Кристины — демоница потирала исчезающие порезы на предплечьях и строила страдальческую мину, явно наигранную:

— Эй, голубки, я, конечно, всё понимаю — момент трогательный, слёзы умиления, всё такое. Но у меня тут дырки от иголок заживают! Между прочим, их было штук двадцать! Двадцать! Я считала! Может, продолжим? Я ещё не показала ей, что такое настоящий прессинг! А то она подумает, что я только и умею, что кулаками махать да иголки собирать!

Муо хихикала, управляя дроном — тот выписывал в воздухе сложные пируэты, продолжая запись, и его линзы вращались с тихим жужжанием.

— Ты просто злишься, что она тебя поцарапала. Признай уже. Кстати, Неф, я тут посмотрела данные: твои иглы развивали скорость до двухсот метров в секунду! Это очень круто! Почти как начальный уровень рельсотрона! Если бы ты попала Кристине в глаз — был бы нокаут!

Кристина резко развернулась к Муо, возмущённо тыкая пальцем в свою глазницу:

— Эй! А вот в глаз не надо! У нас тренировка, а не покушение! Я вообще-то ещё пригожусь! На Форго-3, между прочим!

Су закрыла планшет с тихим щелчком и поднялась со своего места. Её движения были спокойными, но решительными — так двигается врач, принявший клиническое решение, которое не подлежит обсуждению.

— На сегодня достаточно. Серьёзно. У Неферит повышенный расход калорий. Она сожгла почти три тысячи за десять минут боя. У неё эфирная усталость. Я вижу по графикам: амплитуда падает, гармоники смазываются. Ей нужно восстановление. Если мы продолжим, начнутся ошибки, а ошибки в таком состоянии могут привести к травмам.

Она подошла ближе и протянула Неферит небольшую капсулу с опалесцирующей жидкостью внутри. Жидкость переливалась перламутровыми разводами, как бензиновая плёнка на воде.

— Выпей. Это концентрат питательных веществ и стабилизатор эфира. Мой собственный рецепт. Через час будешь как новенькая. И да, на вкус — дрянь редкостная. Но ты же у нас боец, а не дегустатор.

Неферит взяла капсулу, повертела в пальцах. Открыла, понюхала — запах был химический, резкий, — и одним глотком осушила. Поморщилась, но удержалась от комментария. Только хвост нервно дёрнулся. Су была права — на вкус дрянь. Но она чувствовала, как по телу разливается тепло, как мышцы перестают дрожать, как эфир внутри успокаивается, сворачиваясь в тугую, послушный узел.

Затем она перевела взгляд на Вика. Вопрос, который вертелся у неё в голове с самого брифинга, наконец сорвался с губ:

— Командир. Когда вы уходите на Форго-3?

— Завтра. В 06:00 по корабельному времени. — Он ответил сразу, без колебаний, и в его голосе не было ни тени сомнения. — Телепортационный поток уже калибруется. Су, Муо и я — мы уйдём первыми. Вы с Кристиной останетесь на «Фениксе» до прибытия. — Он сделал короткую паузу, давая информации осесть и закрепиться. — У тебя и Кристины будет примерно две недели полёта до точки сбора. Две недели, Неф. Используйте это время с умом. Я не хочу, чтобы вы просто сидели и ждали. Тренируйтесь. Анализируйте. Готовьтесь. Потому что на Форго-3 у нас не будет времени на раскачку.

Зелёные глаза вспыхнули — тем самым потусторонним светом, который Неферит уже видела дважды. У костра. В столовой. И вот сейчас.

— И, Неф... я жду от тебя не просто аналитический отчёт. Не просто сводку данных и разбор возможных угроз. Я жду, что, когда мы встретимся на Форго-3 — через полгода или год по местному времени, через две недели по-нашему, — ты будешь готова не только драться, но и вести за собой. Ты была лидером. Ты командовала. Ты держала в страхе. Вспомни это. Вспомни, кто ты. И покажи мне это там.

Он развернулся — резко, по-военному, как разворачивается офицер, только что отдавший приказ и не сомневающийся в его исполнении, — и направился к выходу. У двери остановился, бросил через плечо последние распоряжения — чёткие, как выстрелы:

— Кристина, не убей её до завтра. Су, проследи, чтобы эта красная катастрофа помнила о своих прививках и о том, что Неферит ещё не в форме. Муо — подготовь дронов для разведки на Форго-3.

Дверь с мягким шипением закрылась за ним. Звук эхом разнёсся по тренировочному залу, затихая где-то под высокими сводами.

Кристина потянулась, с хрустом расправляя суставы — шея, плечи, спина, — и блаженно зажмурилась, как довольный кот, только что вылакавший миску сливок.

— Ну что, хвостатая, слышала командира? Завтра у них отлёт, а у нас — две недели ада. Ты, я и тренировочный зал. — Она скалилась во все клыки. — Я сделаю из тебя машину. Я сделаю тебя сильной. Ходячий армагеддон с фиолетовыми глазами. Обещаю. Но сначала... — тяжёлая рука снова хлопнула Неферит по плечу, на этот раз почти по-дружески, почти по-сестрински, — ...пожрать и выпить. У нас традиция — перед долгой разлукой надираться с Виком. Пошли, познакомлю тебя с корабельным баром. Там уютно. Там темно. И там есть выпивка, от которой даже у меня рога немеют.

Муо подскочила со скамьи, ловко поймала дрона — тот спикировал ей прямо в ладонь, — и спрятала его в рюкзак, не переставая тараторить:

— Я тоже пойду! Только мне сок. Мне ещё нет восемнадцати. Ну, по земным меркам. По демоническим есть, но Су сказала, что это не считается. И я хочу посмотреть, как Кристина опять проиграет Виду в армрестлинг! Это всегда самое смешное!

Кристина возмущённо развернулась к ней, тыкая пальцем в воздух:

— Эй! Я не проигрываю! Я... тактически уступаю! Это разница! Я могла бы победить, просто не хочу портить ему руку перед миссией! У него там какая-то важная кнопка, которую надо нажимать!

Су, поправляя медицинский халат вышла. Дверь закрылась с тихим шипением, отсекая её шаги.

Неферит осталась на арене одна. Всего на мгновение. Она смотрела на свою ладонь — там всё ещё мерцало тёплое фиолетовое сияние, медленно затухая, как последний уголёк догорающего костра. Как обещание. Как напоминание. Затем сжала кулак — и свет погас. Но ощущение осталось. Ощущение, что внутри неё что-то изменилось. Бесповоротно. Навсегда.

Она подняла голову. У выхода её ждали Кристина и Муо — красная скала и беловолосый эльфёныш, такие разные, такие... странные. Кристина нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, скрестив руки на груди. Муо теребила лямку рюкзака и что-то тихо напевала себе под нос — какой-то мотив из своей любимой игры.

Неферит направилась к ним, и на её губах появилась лёгкая усмешка — не холодная, не надменная, не та, которой она когда-то осаживала врагов и пугала подчинённых. А почти... предвкушающая. Почти тёплая:

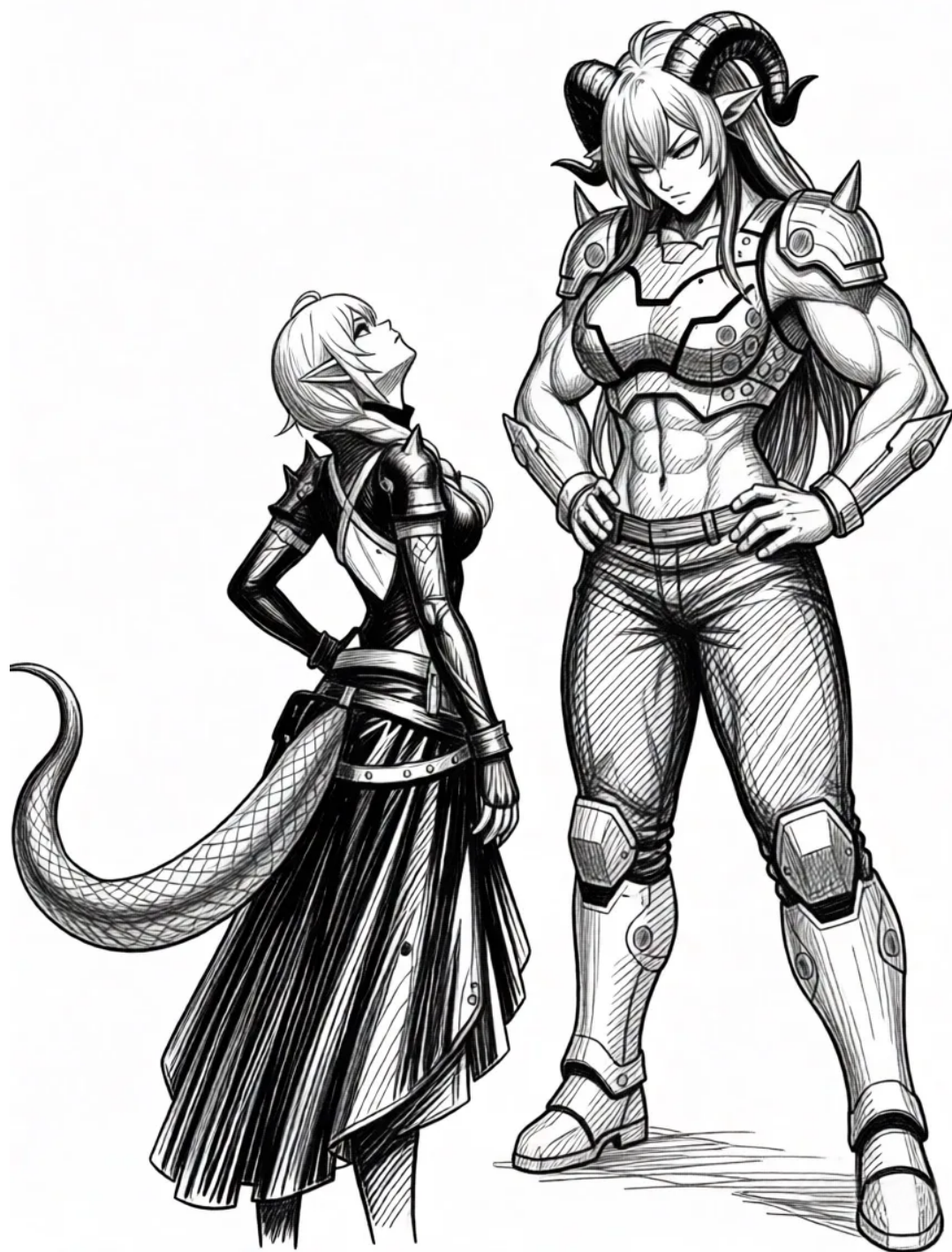
— Бар, значит. Ну, ведите. Посмотрим, чем вы тут травитесь. Надеюсь, у вас есть что-то крепче, чем та дрянь, что дала мне Су. Потому что если нет — я разочаруюсь. А я, знаете ли, очень не люблю разочаровываться.

Кристина фыркнула и, развернувшись на пятках с грацией танка, зашагала по коридору первой. Её шаги гулко отдавались в переборках. Неферит замыкала процессию.

Завтра Вик уйдёт на Форго-3. Вместе с Су и Муо. А у неё будет две недели. Две недели, чтобы стать собой — новой, пластичной, способной и созидать, и разрушать. Две недели, чтобы вспомнить, кто она. Две недели, чтобы узнать как можно больше обо всем и о них тоже. Две недели, чтобы подготовиться к войне, масштабы которой она только начинала осознавать.

Она коснулась шрама на животе — привычка, появившаяся всего день назад, но уже укоренившаяся, как старая клятва.

«Я была лидером. Вспомни это», — повторила она про себя слова Вика. И ускорила шаг, нагоняя Кристину и Муо.

Глава 6. Звездный шторм

Бар «Феникса» оказался совсем не таким, каким Неферит представляла себе корабельный бар.

Она ожидала чего-то функционального и стерильного — в духе остальных помещений корабля. Каюты, коридоры, медотсек, даже тренировочный зал — всё здесь дышало холодной, просчитанной эффективностью. Ничего лишнего. Ничего уютного. Она была уверена, что и бар окажется таким же: голые стены, пара столов, автомат с синтезированной выпивкой и табличка «Не напиваться до потери пульса». Но это место было... другим.

Небольшое помещение тонуло в приглушённом красном свете, который мягко ложился на тёмные панели стен и создавал островки тепла над каждым столиком. Вдоль одной стены тянулась голографическая панель, имитирующая вид на звёздную туманность — сиреневую, с алыми прожилками. У другой стены возвышалась барная стойка из тёмного композита, за которой деловито жужжал авто-бармен — массивный робот с шестью руками-манипуляторами, способный, судя по голографическому меню, всплывающему над стойкой, смешивать коктейли любой степени сложности и токсичности. Несколько столиков, глубокие мягкие кресла с серой обивкой, в которых можно было утонуть. А в углу — настоящий бильярдный стол. Не голографическая имитация, не симулятор — настоящий. Старинный, из потёртого дерева, с зелёным сукном, местами вытертым до светлых проплешин. Кристина потом объяснит — гораздо позже, — что Вик нашёл его в руинах какой-то колонии на Арктуре-7, и лично восстановил. Каждую лузу. Каждую ножку. Каждый дюйм зелёного сукна. «Сказал, что даже в аду должно быть место, где можно забить шар в лунку».

Кристина с грохотом опустилась на барный стул, который жалобно скрипнул под её весом — бедная мебель явно не была рассчитана на трехметровых краснокожих демониц, — и повелительно махнула роботу:

— Барни, мне «Красную ярость»! Двойную! И не разбавляй, железяка, знаю я твои фокусы! В прошлый раз ты мне подсунул какую-то фруктовую дрянь, и я потом полвечера не могла понять, почему не пьянею. Оказалось — сок. Ты. Подсунул. Мне. Сок. Я демон, Барни! Демоны не пьют сок!

Робот мелодично пискнул — в этом писке явственно слышалось что-то похожее на «ой, кто бы говорил», — и приступил к работе. Кристина повернулась к Неферит, которая всё ещё стояла у входа, оглядывая помещение самым цепким, оценивающим прищуром, с каким осматривала всё новое. Хвост замер в воздухе, острые уши чуть подрагивали, улавливая каждый звук: жужжание робота, тихую музыку, шипение какого-то автомата в углу.

— А тебе что? Ты вообще пьёшь, хвостатая? Или твоё таинственное тиранское воспитание не позволяет расслабляться в присутствии смертных?

Неферит опустилась на соседний стул — плавно, текуче, как вода. Её хвост свешивался вниз, лениво покачиваясь из стороны в сторону, а чёрный матовый костюм с шипами на плечах тускло блестел в красном свете бара. Она с любопытством разглядывала манипуляторы Барни — шесть рук, работающих в сложном, почти гипнотическом танце, — и на мгновение в её фиолетовых глазах мелькнуло что-то похожее на детский интерес.

— Воспитание? — Она усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем веселья. — У меня не было его. Я не родилась с серебряной ложкой во рту. Я родилась с ненавистью в сердце. А пить я умею. Ещё как умею. Мои головорезы гнали такое пойло, что непривычный человек слеп после первого глотка. Просто... — она оглядела голографическое меню, всплывшее над стойкой при её приближении, и в её надменном лице промелькнула лёгкая растерянность, — ...понятия не имею, что тут из чего сделано. Половины этих названий я даже прочитать не могу. А вторая половина звучит как химическое оружие. Выбери что-нибудь. Только не отраву. Я только-только перестала умирать, не хочется начинать заново.

Кристина скалилась, явно наслаждаясь ролью проводника в мир корабельных развлечений. Её жёлтые глаза сияли почти материнской гордостью — если, конечно, можно представить себе мать-демоницу, которая учит дочь пить.

— Барни, «Звёздный шторм» для дамы! Полегче, чем моё, но с характером! Как она сама — вроде красивая, а жажнет так, что не заметишь, как с ног слетела!

Робот мелодично пискнул и приступил к работе. Шесть рук задвигались в сложном, почти гипнотическом танце: одна смешивала, другая взбалтывала, третья охлаждала, четвёртая наливала базовый сироп, пятая добавляла какие-то светящиеся капли, шестая держала бокал. Через минуту перед Неферит стояло произведение искусства — бокал, в котором переливалась синевфиолетовая жидкость, напоминающая миниатюрную туманность. Точно такую же, как та, что плыла за панорамными окнами столовой.

Муо тем временем устроилась на высоком стуле рядом, болтая ногами, не достающими до пола. Из рюкзака она извлекла маленькую коробочку с соком и трубочку, с той бережностью, с какой извлекают редкий артефакт.

— А мне — «Манго-взрыв», как обычно! — Воткнула трубочку с характерным хрустом и с явным любопытством уставилась на Неферит. — А правда, что ты командовала целой армией? Ну, настоящей? С оружием, с формой, с тактикой? Сколько у тебя было солдат? Тысяча? Десять тысяч? Они тебя слушались? Или боялись? Или и то, и другое?

Неферит приняла бокал от робота — осторожно, как принимают незнакомое оружие, — поднесла к лицу, вдохнула аромат. Острый, с нотками каких-то незнакомых пряностей, цитруса и ещё чего-то, отдалённо напоминающего озон после грозы. Сделала осторожный глоток. Брови приподнялись, искреннее удивление пробилось сквозь привычную маску надменности.

— ...Неплохо. Терпко. Сладкое послевкусие. И какая-то... искристость на языке. Словно молния в жидкой форме.

Она сделала ещё глоток, уже увереннее, глубже. Повернулась к Муо, и в её фиолетовых глазах заплясали искры — то ли от алкоголя, то ли от воспоминаний, то ли от того и другого сразу:

— Солдат? Я не считала. Никогда. Зачем считать тех, кто может умереть завтра? Несколько тысяч, может, больше. Мои головорезы не были регулярной армией. У них не было формы. Не было присяги. Не было учебников тактики. Скорее... стая. Свора. Выживали сильнейшие, слабые умирали, и никто не плакал. Я стала лидером не потому, что меня избрали. Не потому, что я была самой умной — хотя это тоже. А потому что я была самой безжалостной. Самой быстрой. Самой опасной. Тот, кто пытался меня предать, умирал раньше, чем успевал закончить фразу. — Она снова посмотрела в бокал, и на мгновение её лицо стало жёстким,

далёким: лицом той, прежней Неферит, которая не знала, что такое пощада. — Сейчас это всё... кажется таким далёким. Словно было не со мной. Словно та Неферит умерла в том лесу, с дырой в животе. А эта... пьёт коктейли в баре на космическом корабле. И болтает с демонами.

Она опрокинула бокал, делая большой глоток — слишком большой для такого коварного, космического напитка. Щёки начали слегка розоветь, и это было хорошо заметно на её бледной коже, чтобы Кристина заметила. Первые признаки того, что алкоголь делает своё дело. Первые признаки того, что броня даёт трещину.

Кристина присвистнула, наблюдая за ней поверх края своего стакана с ярко-красной жидкостью, в которой плавали какие-то светящиеся кристаллики льда.

— Ого, подруга, полегче. «Звёздный шторм» — штука коварная. С ног валит незаметно, а потом бац, и ты уже лучший друг всей галактики. — Она отпила из своего, блаженно жмурясь, как довольный кот. — А знаешь, ты мне нравишься всё больше. Обычно все, либо ноют о своей потерянной жизни, либо строят из себя крутых, либо делают и то и другое одновременно. Я поверь, во многих барах пила. А ты... настоящая. Я таких чувю. У тебя внутри стальной стержень. И ещё что-то... злое. Но в хорошем смысле, в боевом.

Неферит фыркнула, и в этом фыркание смешались надменность, алкоголь и что-то ещё — что-то похожее на зарождающуюся симпатию.

Алкоголь уже начал развязывать ей язык, и в голосе прорезались игривые, колючие нотки — те самые, которые когда-то заставляли её головорезов гадать, шутит она или сейчас кого-то убьёт:

— Настоящая, говоришь? А ты, Кристина, похожа на вулкан, который вот-вот рванёт. Но вместо лавы из тебя лезет... самоуверенность и дешёвые шутки. И ещё, грохот. Много грохота. Ты, наверное, в детстве даже шёпотом орала.

Она подняла бокал, глядя на демоницу поверх края, и в фиолетовых глазах заплясали искры, опасные и кокетливые одновременно.

— Но, надо признать, бьёшь ты неплохо. Для краснокожей горы мышц, которая, кажется, думает кулаками быстрее, чем головой. Если бы ты ещё научилась двигаться бесшумно — цены бы тебе не было.

Кристина на мгновение замерла, переваривая услышанное. Её жёлтые глаза расширились — такого дерзкого ответа она явно не ожидала. Затем она разразилась громовым хохотом, от которого задрезжали стаканы на стойке, а робот-бармен неодобрительно загудел.

— А-ха-ха-ха! Ох, хвостатая, да ты под градусом просто прелесть! Нет, серьёзно! Я думала, ты будешь сидеть с каменным лицом и цедить напиток через губу, как какая-нибудь темная королева на троне! А ты вон как: дерзишь, колешь, шутишь! — Она хлопнула ладонью по стойке с такой силой, что робот неодобрительно пискнул и отдёргнул один из манипуляторов. — Барни, ещё по одной! Ей — «Шторм», мне — «Ярость»! Она мне дерзит — значит, уважает! Это у нас, демонов, такой кодекс. Если тебя поливают грязью — значит, ты свой!

Муо хихикала, потягивая сок через трубочку, и голубые глаза её сияли, как два маленьких прожектора. Её короткие белые волосы торчали в художественном беспорядке, а маленькие рожки на лбу, казалось, подрагивали от удовольствия.

— Вы такие смешные. Как в аниме про врагов, которые становятся лучшими друзьями. Только в аниме они обычно дерутся на мечах, а вы — словами. И Неф побеждает. Прости, Кристина.

— Эй! — возмутилась Кристина, но в её голосе не было ни капли настоящей обиды. — Я не проигрываю словесные битвы! Я просто... даю новичку фору! Из вежливости!

Дверь бара открылась — мягко, почти неслышно, с тем самым шипением, к которому Неферит уже начинала привыкать. Вошла Су, уже без медицинского халата, в простом чёрном топе и джинсах, которые обтягивали её стройную серую фигуру. За ней — Вик. Сигара в его зубах на этот раз была потухшей — то ли из уважения к замкнутому пространству, то ли просто потому, что он забыл её раскурить.

Су спокойно заняла место за столиком у стены, с видом на голографическую туманность, жестом подозвала робота и заказала чай. Напиток — дымящийся, тёмный, с травяным ароматом, в котором угадывались нотки каких-то незнакомых растений, — появился перед ней через несколько секунд. Она взяла чашку и, прищурив жёлтые глаза, оглядела собравшихся с видом матери, проверяющей, чем занимаются её непутёвые дети.

— Вижу, адаптация новобранца идёт успешно. Неферит уже раскраснелась, Кристина хохочет. Муо сравнивает всех с аниме. Полный набор. — Она подула на чай и добавила с лёгкой, едва уловимой иронией: — Надеюсь, вы не научили её пить «Красную ярость» на голодный желудок.

Вик опустил ногу в соседнее кресло, закинув ногу на ногу с той особой, ленивой грацией, которая всегда напоминала Неферит о крупном хищнике, дремлющем в засаде. Он наконец раскурил сигару — Барни, кажется, решил не протестовать, — и сизый дым поднялся к потолку, смешиваясь с красноватым полумраком.

— Пусть расслабляется. Завтра у неё начнётся ад с Кристиной. Персональный филиал преисподней в тренировочном зале. А у нас прыжок в средневековье. Почти год в мире, где магия — норма, электричество — миф; и задницы подтирают листочками. — Он кивнул роботу, и в его голосе мелькнула та самая командирская интонация, которая не терпела возражений: — Барни, моё обычное. И не вздумай разбавлять.

Робот поставил перед ним стакан с янтарной жидкостью и одним-единственным, идеально прозрачным кубиком льда. Вик взял стакан, но пить не спешил — просто вертел в пальцах, наблюдая за игрой света в янтаре. Звёздный свет из голографической панели падал на его лицо, высвечивая скулы и эти невозможные, потусторонние зелёные глаза.

Неферит повернулась к вошедшим. Её взгляд задержался на Вике чуть дольше, чем следовало бы: дольше, чем позволяла её обычная сдержанность, дольше, чем диктовала простая вежливость. Она быстро отвела глаза, сделала глоток из нового бокала, который уже успел материализоваться перед ней. Барни работал быстро. И постаралась скрыть смущение за привычной колкостью:

— Ад с Кристиной? Звучит как угроза. Я уже прошла ад сутки назад. Ваш ад... посмотрим. Может, он хотя бы будет тёплым. — Лёгкая запинка выдала, что язык начинает заплетаться, но она упрямо продолжила, — Кстати, командир... а ты? Ты вообще кто? Откуда взялся? Твои зелёные глазки, твои наниты, которые могут воскрешать почти мёртвых... Ты вообще человек? Или притворяешься?

В баре повисла пауза. Звонящая, когда вопрос попадает в цель — не в броню, а в живое, незащищённое место. Кристина перестала жевать лёд из стакана и замерла, глядя на Вика. Муо застыла с трубочкой во рту, и её голубые глаза стали серьёзными. Даже Су подняла взгляд от чая — жёлтые глаза, всегда спокойные и профессиональные, на мгновение стали острыми, как скальпели.

Вик медленно вертел стакан в пальцах, глядя на янтарную жидкость так, будто видел в ней что-то, недоступное остальным. Молчание затягивалось, становилось тяжёлым, но никто не решался его нарушить. Наконец он заговорил — и голос его звучал иначе, чем обычно. Без привычных шуток. Без командирской стали. Устало. Почти... обнажённо.

— Человек? Хороший вопрос. Ты не первая, кто его задаёт. И не последняя. — Он усмехнулся — сухо, коротко, словно выстрелил. — Когда-то был. Давно. Очень, очень давно. Тогда у меня было другое имя. Другая жизнь. Другое... всё. Сейчас я. нечто иное. Результат эксперимента, который пошёл не так. Или так — это зависит от точки зрения. Те, кто ставил эксперимент, мертвы. А я — жив. Думаю, это ответ.

Он наконец сделал глоток — короткий, почти незаметный и продолжил:

— Я не старею. Не умираю. Могу управлять каждым атомом своего тела в пространстве. И да, мои глаза светятся в темноте — ты заметила. Обычно это первое, что люди замечают. Ещё до того, как понимают, что я опасен.

Он поднял взгляд на Неферит, и в этих зелёных глазах, невозможных, светящихся, потусторонних глазах — мелькнуло что-то древнее, усталое. То, что не могло принадлежать обычному человеку. То, что принадлежало существу, видевшему слишком много.

— Но я всё ещё помню, каково это, быть человеком. Бояться. Любить. Терять. Проигрывать. Надеяться, когда надежды нет. Я помню всё. Это моё проклятие и мой дар. Поэтому существует ОРКС. Не для того, чтобы завоевать галактику. Не для славы. Не для мести, хотя месть тоже была. А для того, чтобы защищать тех, кто ещё может чувствовать всё это. Тех, у кого есть будущее. Тех, кто не разучился быть живыми.

Тишина сгустилась до звона. Даже робот-бармен, казалось, затих, перестав жужжать. Музыка стала тише, словно сам корабль прислушивался. Неферит смотрела на Вика, и в её фиолетовых глазах не было ни надменности, ни холода, ни этой вечной брони. Только понимание.

Кристина заговорила первой, неожиданно тихо, без обычной бравады. Её голос, всегда громкий, как рынок в базарный день, теперь звучал почти интимно:

— Я пошла за ним не потому, что он сильный. Ну, то есть, он сильный, да. Очень. Мог бы меня скрутить в узел. Но я пошла за ним, потому что он был тем, кто посмотрел на меня и не увидел монстра. Понимаешь? Все видели красную демоницу. Опасную. Непредсказуемую. Способную разорвать на части, если её разозлить. Злую на весь белый свет и отвергнутую всеми. Я не укладывалась в устои своего мира: мои меня изгнали, а люди не приняли. А Вик и Су меня приняли, правда он сначала чуть не убил меня, хорошо, что Су остановила. Я тогда тупанула и причинила вред ей. Спасибо Су. И потом он сказал: «Ты просто солдат, которому нужно дело». И я поняла — да. Это я. Не монстр. Солдат. Ну, в общем вот теперь я тут.

Муо добавила тихо, теребя трубочку в пальцах с таким видом, будто решалась на что-то важное:

— А меня он нашёл на той же планете, что и Су. Только мы были не вместе. Я была... одна. Очень одна. Мой хозяин — тот же демон, которому Су служила, — он... он не был добрым. Я

была для него просто вещью. Глазами, которые смотрят. Ушами, которые слушают. В любой момент, за любой проступок он мог убить меня, как Су. И я думала, что так будет всегда. А потом появился командир. Вернее, свалился с неба. И как посмотрит на меня, с расстояния в несколько километров, прямо в глаза, я чуть не описалась от страха тогда. Никто из людей так не мог, это было нереально. Хозяин приказал следить за ним, я не могла послушаться. И я следила. А потом он как возникнет напротив меня, огромный, страшный, с изумрудными глазами. Я думала все, мне конец. А он оказывается хотел на меня маячок поставить. — Муо немного хихикнула. — Но я так испугалась, что просто пошла за ним. Меня не отлепить было. Ну... в общем он махнул рукой и вколол нанитов, чтобы убрать ДНК хозяина. Так я оказалась в ОРКС. Он еще тогда сказал: «Значит тогда будишь моими глазами, наниты знаешь ли дорогие, придется поработать». — Она попыталась передразнить Вика, но с её голосом это выглядело забавно.

Су спокойно помешивала чай, и пар поднимался над чашкой, окутывая её лицо белым ореолом. Её голос звучал ровно, но в нём слышалась та самая застарелая боль, которую она обычно прятала за профессионализмом:

— Я была демоном, как и Муо. Убийцей. Не просто убийцей — я получала удовольствие от процесса. Я была надменна и играла с жизнями как кошка с мышами. Я пожирала людей. Я служила тьме, потому что считала, что это мой путь. Что я создана для этого. Что я высшая в этом мире. Пока сама себя же и не закопала своей глупостью. Я сделала то, чего нельзя было делать. И по воле повелителя меня просто разорвало на части. Вот тогда-то я и поняла, какого это, молить о пощаде. А потом, после ада, я увидела командира, который сидел надо мной. Наниты и моя регенерация достали меня с того света, буквально из пары кусков тела. С тех пор слишком многое изменилось.

Неферит медленно обвела взглядом каждого. Кристину — красную, шумную, но в глубине, кажется, гораздо более ранимую, чем показывала. Муо — маленькую, с огромными глазами, пережившую нечто, о чём она ещё не рассказывала полностью, но что оставило шрамы не на теле — в душе. Су — спокойную, собранную, с четырьмя руками и историей, которую та пока держала при себе, но только что приоткрыла завесу. Затем перевела взгляд на свой бокал. В сине-фиолетовой жидкости переливались миниатюрные звёзды.

— А меня он вытащил из огня смерти, — произнесла она тихо. Почти шёпотом. — В буквальном смысле. Я уже падала в пустоту. Я уже проиграла. Я уже сдохла, сгорела дотла. А он... появился зачем-то. Не знаю, зачем. Не знаю, почему я. Может просто потому, что я была там. Может, потому что он увидел во мне что-то, чего я сама в себе не видела. — Она перевела взгляд на Вика. — Я не понимаю.

Она подняла бокал. Голос стал твёрже, в нём зазвенел тот самый металл, который был присущ только ей:

— За второй шанс.

Кристина взорвалась, но в этом взрыве было больше радости, чем шума — так взрывается фейерверк, а не бомба:

— Вот это тост! Вот это я понимаю! Барни, всем ещё по одной! Кроме Муо — ей сок! И себе налей чего-нибудь, железяка, ты заслужил!

Все подняли бокалы, даже Су свою чашку с чаем. Вик чуть заметно улыбнулся впервые за вечер, по-настоящему, не той кривой усмешкой, а настоящей, тёплой улыбкой, которая совершенно не вязалась с его грубым лицом.

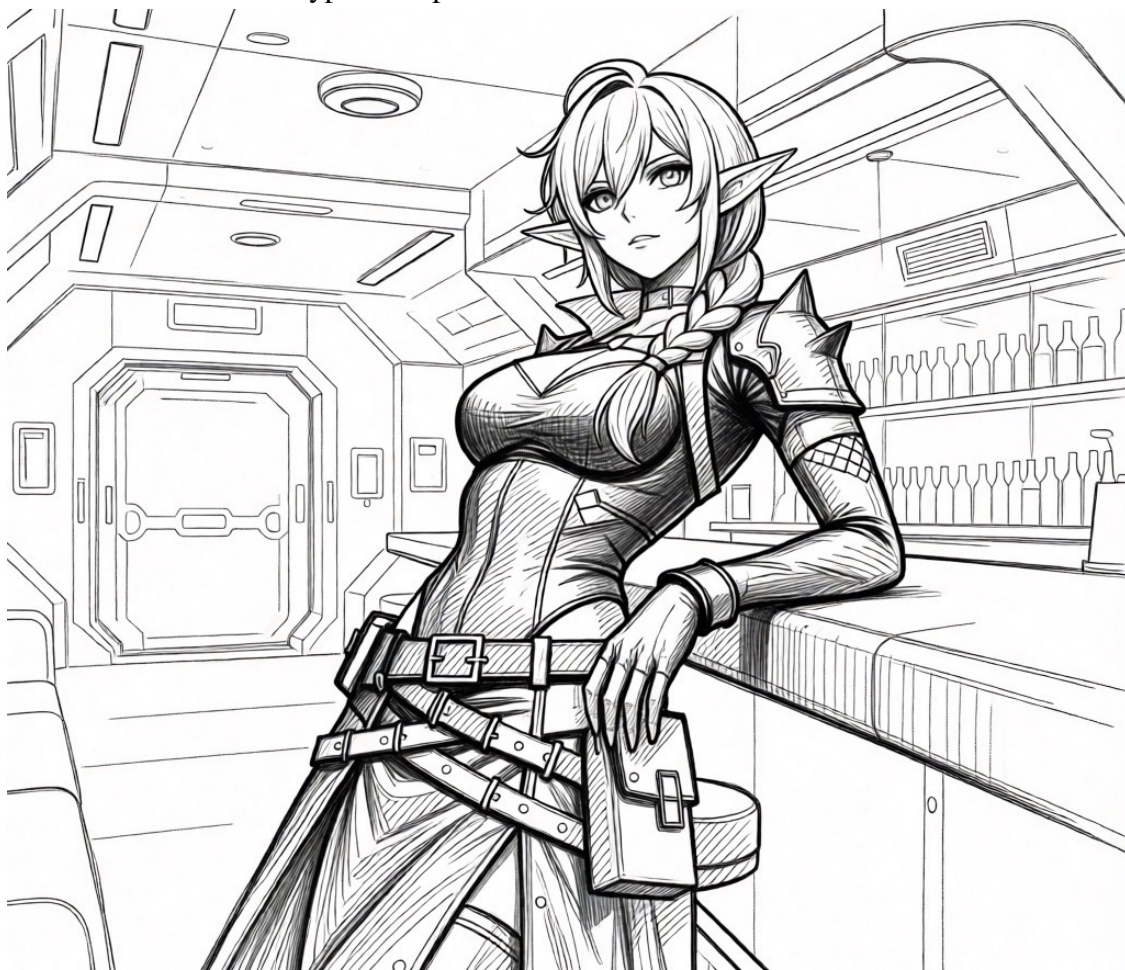
— За ОРКС. И за нового члена. Добро пожаловать, Неф. Официально. С печатью в личном деле и прочей бюрократией.

После тоста в баре повисла та особенная, тёплая тишина, какая бывает только после хорошо сказанных слов. Робот-бармен тихо жужжал, протирая стаканы. Муо болтала ногами, потягивая сок, и на её губах блуждала мечтательная улыбка. Кристина вертела в пальцах пустой бокал, задумавшись о чём-то своём, и в её жёлтых глазах мелькали отблески голографической туманности. Су смотрела в чашку с чаем, и её жёлтые глаза на мгновение стали далёкими — там, где-то за гранью настоящего, лежали воспоминания, которые она редко кому показывала.

— Боги, мы все такие драматичные! Такие трагичные!

Кристина картинно всплеснула руками, чуть не опрокинув стакан. Барни ловко подхватил его одним из манипуляторов.

Неферит фыркнула. Алкоголь сделал своё дело — надменные нотки в голосе теперь были сдобрены изрядной долей симпатии. Она откинулась локтем на стойку, закинув ногу на ногу, и её кожаная юбка мягко шуршала при движениях.

— Твоя трагедия, Кристина, в том, что ты родилась без чувства меры. И без чувства юмора. Хотя нет, чувство юмора у тебя есть — ты сама и есть ходячая шутка. Трехметровая, краснокожая, с рогами.

Кристина сделала вид, что глубоко оскорблена, прижав руку к груди с таким видом, будто ей только что нанесли смертельную рану.

— Ох, хвостатая, ты договоришься! Завтра на тренировке я из тебя весь эфир выбью! Будешь ползать по арене и просить пощады! Будешь молить, как Су перед своим хозяином! Только на этот раз никто не спасёт!

Неферит приподняла бокал с ленивой, кокетливой усмешкой — той самой, острой, но теперь смягчённой теплом, разлитым по бару:

— Мечтай, краснокожая. Мечтай. Твои кулаки медленнее, чем мои мысли. А мои мысли... сейчас немного пьяные, но всё ещё быстрее тебя. И завтра я напомню тебе эти слова. Когда ты будешь лежать на лопатках и удивляться, как это произошло.

Все рассмеялись. Даже Су позволила себе лёгкую улыбку — редкое зрелище, почти как затмение. Муо хихикала, болтая ногами и едва не сваливаясь со стула.

— Неф, ты когда пьяная — очень смешная! И колючая! Как ёжик! Только с хвостом! И с шипами на плечах!

Неферит прищурилась, глядя на неё с притворной угрозой. Фиолетовые глаза сверкнули:

— Ёжик? Ты назвала меня ёжиком? Серьёзно? Ладно, маленький демон-снайпер. Принимается. Лучше быть ёжиком, чем ходячей горой мышц с пирсингом и дешёвыми шутками. Ёжик хотя бы милый. И колется, когда его трогают.

Кристина подавилась смехом, закашлялась, хлопая себя по груди. Барни, робот-бармен, то ли по собственной инициативе, то ли повинувшись какому-то древнему, заложенному алгоритму, поставил перед ними новую порцию напитков — видимо, решил, что вечер требует продолжения. И был прав.

Прошло ещё некоторое время. Разговоры становились тише, смех — реже, уступая место той особенной, усталой теплоте, которая приходит после долгих посиделок с близкими людьми. Муо клевала носом над своим соком, и её голубые глаза слипались. Су допивала уже третью чашку чая — теперь уже без трав, просто горячая вода, — и что-то тихо обсуждала с Барни про антитоды. Кристина расслабленно развалилась в кресле, закинув ноги на соседний стул, и лениво потягивала из стакана. Неферит смотрела на голографическую туманность и думала о том, что впервые за много лет не хочет, чтобы вечер заканчивался. Но принять она этого никак не могла. Слишком неправильные, как будто ложные чувства были для той, кто никогда и никому не доверял.

И тогда Вик поднялся.

Зелёные глаза обвели команду — медленно, цепко, по-командирски. Даже сейчас, в баре, после выпивки, после исповедей, он оставался лидером. Тем, кто принимает решения. Тем, кто говорит «пора»:

— Ладно. Вечер был хороший. Душевный. Я даже прослезился пару раз. Но вы этого не докажете. Теперь к делу. Завтра в 06:00 мы с Су и Муо уходим через телепорт на Форго-3. Неферит должна полностью освоить свои новые способности. Не на уровне «я могу создать клинок». А на уровне «я — стихийное бедствие, и меня боятся боги». Кристина, ты отвечаешь за её боевую подготовку. Полный контакт. Без поблажек. И. — он чуть усмехнулся, и зелёные

глаза блеснули, — ...постарайтесь не убить друг друга. И не разнести «Феникс». Он нам ещё нужен. И да, я знаю, что последнее — самое трудное.

Кристина отдала шуточный салют, едва не снеся локтем пустой стакан, который Барни тут же убрал подальше.

— Есть, командир! Не убьём! Только немного покалечим! В тренировочных целях! Она сама сказала, что ей нужна подготовка!

Неферит поднялась. Её слегка покачивало — «Звёздный шторм» всё-таки дал о себе знать, несмотря на всю её выносливость и нанитов в крови. Но голос прозвучал твёрдо, и в нём не было ни грамма сомнения:

— Я буду готова, Вик. Можешь не сомневаться, дважды я подышать не собираюсь.

Их взгляды встретились. Зелёное и фиолетовое — два цвета, два хищника.

Вик кивнул, коротко.

— Хорошо. Я запомню. А теперь — всем спать. Завтра тяжёлый день. Так что заканчиваем, и по каютам. Су, проследи, чтобы эти двое не заблудились.

Он развернулся и вышел из бара. Дверь с мягким шипением закрылась за ним. Су поднялась следом, бросив короткий взгляд на Муо:

— Муо, проводи Неферит до каюты. Она нетвёрдо стоит на ногах.

Муо вскочила, мгновенно проснувшись, словно и не клевала носом минуту назад:

— Да, Су! Сделаю! Я знаю, где её каюта!

Кристина хлопнула Неферит по плечу — на этот раз почти нежно, насколько это вообще возможно для её руки.

— Давай, хвостатая. Завтра начнётся ад. Я серьёзно. Я буду гонять тебя до седьмого пота. До дрожи в мышцах. До момента, когда ты будешь проклинать тот день, когда согласилась на всё это. Но знаешь... — она оскалилась, но в этой ухмылке не было ни капли насмешки. Только тепло. Только признание равной, — ...мне кажется, мы сработаемся. Ты дерзкая. Я таких люблю.

Неферит слегка улыбнулась — без надменности, просто тепло. Алкоголь, усталость, откровения этого вечера — всё смешалось в одно странное, но, все же приятное чувство.

Они разошлись. Кристина осталась в баре — кажется, она решила «добавить ещё капельку», — а Муо повела Неферит по коридорам «Феникса». По мягко освещённым, гулким переходам, где голубоватая подсветка создавала ощущение подводного царства. Мимо панорамных окон, за которыми проплывали звёзды — холодные, равнодушные, вечные. Девочка что-то щебетала про игры, про то, как здорово будет через год встретиться на настоящей планете с магией, про то, что она надеется увидеть дракона, про то, что Кристина на самом деле добрая, просто скрывает это за грохотом, про то, что Су иногда поёт, когда думает, что никто не слышит, и у неё очень красивый голос.

Неферит слушала вполуха, глядя на звёздную россыпь за окнами, и думала о чем-то своем, не чувствуя опасности или адреналина. Просто... идёт по коридору. С девочкой-демоном, которая болтает о драконах. На корабле, который летит сквозь бесконечность. В компании людей, которые только что рассказали ей свои самые страшные истории. И её собственная была не лучше.

И где-то за гранью сознания, за мягким гулом двигателей, за мерцанием звёзд, уже ждал Форго-3 — мир магии, зверолодей и электрических штормов. Мир, в котором ей предстояло начать все заново. А сегодня... сегодня она просто шла в свою каюту.

Муо остановилась у двери с голографической табличкой «НЕФЕРИТ», которую кто-то уже повесил. Достала из рюкзака бутылку воды, сунула ей в руки:

— Спокойной ночи.

Она помахала рукой и исчезла за поворотом — лёгкая, быстрая, почти бесшумная, несмотря на рюкзак.

Неферит коснулась шрама на животе — привычка, ставшая уже рефлексом. Под пальцами была гладкая кожа и тёплая тень чужого присутствия. Связь. Плата за спасение. Узел, который связал её с существом, которое когда-то было человеком.

«Я была лидером. Вспомни это.»

Глава 7. Порог

Отсек телепортации «Феникса» в этот ранний час напоминал храм. Не уютный храм с молитвами и песнопениями — а холодный, гулкий, залитый голубоватым стерильным светом храм какой-то древней, забытой религии. Религии, поклонявшейся не богам, а силе, способной разрывать ткань реальности. В центре, подобно алтарю неведомого божества, возвышалась массивная арка из тёмного металла, оплетённая светящимися силовыми кабелями, которые пульсировали в такт накапливаемой энергии. Внутри кольца мерцала энергетическая мембрана — полупрозрачная, переливающаяся всеми оттенками синего и белого, готовая в любой момент развернуться в полноценный портал. Воздух пах плазмой и разогретой электроникой — тот самый запах, который Неферит уже начинала ассоциировать с «Фениксом», — и где-то в недрах корабля гудели накопители, накачивая арку энергией для прыжка. Гул был низким, рокошущем, и он отдавался в зубах, как басовая нота на пределе слышимости.

Рядом с порталом, на антигравитационной платформе, покоилась медицинская капсула — напичканная оборудованием, опутанная фиксаторами и датчиками, с голографическими индикаторами, бегущими по борту. Она выглядела как саркофаг из далёкого будущего, и в каком-то смысле так и было. Су стояла у неё, проверяя крепления. Сегодня она работала в четыре руки. Две верхние бегали по сенсорной панели с той скоростью, на которую способны только пальцы существа, практиковавшего это десятилетиями, — выверяли показатели, перепроверяли герметизацию, калибровали датчики. Две нижние затягивали фиксаторы с той особой, хирургической точностью, которая была свойственна каждому её движению. Чёрный топ обтягивал серую грудь, джинсы сидели идеально, а медицинский халат был наброшен поверх — дань профессии, — и всё это вместе создавало образ существа, которое одинаково уверенно чувствует себя и в операционной, и на поле боя.

У стойки с оружием, напротив, кипела своя работа. Муо в своём красном комбинезоне и белом шарфе на шее склонилась над любимой плазма-винтовкой, разобранный для финальной проверки. Её маленькие пальцы двигались музыкальной скоростью, которая появляется только тогда, когда делаешь что-то в тысячный раз. Рядом лежали четыре компактных дрона-разведчика — похожие на металлических стрекоз, они дожидались своего часа, сложив матовые крылья. Пальцы Муо порхали над затвором, над прицелом, над энергоячейкой — каждое движение было выверено до микрона. Она знала своё оружие лучше, чем кто-либо на корабле. Лучше, чем знала себя.

У стены, скрестив руки на груди, стояли Кристина и Неферит. Краснокожая демоница периодически зевала, прикрывая рот ладонью — вчерашние возлияния явно давали о себе знать. Её красно-голубые волосы были слегка взъерошены, а под жёлтыми глазами залегли едва заметные тени. Но стояла она твёрдо — ни налёта похмелья, ни слабости. Просто немного не выспавшаяся. Неферит, напротив, выглядела собранной и внимательной, хотя лёгкие тени под фиолетовыми глазами выдавали недосып: она провела полночи, изучая файлы по Форго-3, которые скинула ей Муо. Файлы, заметки, карты, предварительные отчёты разведки — она проглотила всё. Не собиралась быть просто рядовым. Она больше не собиралась выходить на поле боя неподготовленной, лишь за счет своей самоуверенности. Хвост медленно покачивался из стороны в сторону — признак напряжённого, но спокойного ожидания.

Вик стоял перед аркой, спиной к команде, и смотрел на мерцающую мембрану. В пальцах он машинально вертел сигару. За его спиной готовились к прыжку двое из его отряда, и

это зрелище, кажется, заставляло его о чём-то размышлять. О чём-то, что он не спешил проносить вслух.

— Су, капсула готова к телепортации? Ничего не забыли? — Его голос прозвучал ровно, по-командирски, но с той самой усмешкой в интонации, которая означала, что он шутит. Или не совсем.

Су не подняла головы от дисплея, но в её голосе проскользнула лёгкая, едва уловимая ирония:

— Капсула готова. Все системы в норме. Медикаменты, хирургический набор, регенерационные камеры для экстренных случаев — всё на борту. Энергоячейки заряжены полностью. Автономность — до тридцати суток в полевых условиях. И да, я взяла кое-что от головы. Но Кристина здесь, так что лекарства, боюсь, не понадобятся. — Она наконец оторвалась от панели и выпрямилась, и жёлтые глаза с вертикальными зрачками посмотрели на Вика с профессиональной цепкостью. — Единственное, что меня беспокоит — неизвестный фактор местной магии. Я подготовила анализаторы эфира, настроила их на широкий спектр, но насколько они будут эффективны в чужой магической системе — вопрос. Магия, если верить предварительным данным, там ритуальная, структурированная. Не как твоя, Неф, — интуитивная, рефлекторная. А с формулами, заклинаниями, школами. Это может создать помехи.

Кристина фыркнула со своего места у стены — громко, скептически, с тем самым выражением лица, которое появлялось у неё каждый раз, когда речь заходила о «помехах»:

— Помехи, анализаторы... Слушай, Су, ты главное скажи — пожрать нормальное взяла? Или опять свои гели, от которых воротит? Потому что, если наша миссия провалится из-за того, что Муо упадёт в голодный обморок, то я это запомню.

Су ответила, не поведя и бровью. Даже не подняла взгляд:

— Гели наиболее эффективны в полевых условиях. Они содержат всё необходимое для выживания — белки, жиры, углеводы, микроэлементы, адаптогены. Вкус — вторичен. А если Муо упадёт в обморок, то не от голода, а от того, что ты её достала своими вопросами.

— Вот поэтому я рада, что остаюсь на «Фениксе», — Кристина хмыкнула и подмигнула Неферит. — Буду жрать нормальную еду и гонять хвостатую до седьмого пота. Никаких гелей. Только мясо, только картошка, только хардкор.

Неферит закатила глаза — нарочито медленно, чтобы Кристина точно заметила, — но уголки губ чуть дрогнули в намёке на улыбку, которую она обычно прятала за надменной маской. Она шагнула вперёд, и её сапоги мягко простучали по металлическому полу. Обращаясь к Вика, она заговорила — голос звучал деловито, собранно, ни следа вчерашнего «Звёздного шторма».

— Командир... — она запнулась на долю секунды, — ...я хотела спросить: есть ли у тебя какие-то особые указания? Что-то, что я должна знать или учесть, пока вас не будет? Что-то, что ты не сказал на брифинге?

Вик медленно повернулся. Зелёные глаза встретились с фиолетовыми — две бездны, два хищника, две воли на расстоянии вытянутой руки. В отсеке телепортации было холодно, но в этом взгляде температура, казалось, подскочила на пару градусов.

— Особые указания? — Он задумался на мгновение, постукивая сигарой по ладони. — Да. Одно. Не теряй себя в этих тренировках. Твой эфир изменился, он стал гибким, адаптивным, живым. Не пытайся загнать его обратно в старые рамки. Не пытайся снова сделать из него молот. Позволь ему быть... собой. Как ты позволила себе быть собой вчера на арене. Ты тогда не боролась с ним — ты его слушала. И он ответил. Продолжай слушать.

Пауза. В зелёных глазах мелькнуло что-то, похожее на усмешку:

— И ещё. Кристина — отличный боец. Серьёзно. Она всегда была одной из лучших в рукопашном бою. Но она хреновый тактик. Полный. Абсолютный. Она думает кулаками, а кулаки, при всём уважении, не умеют читать карты. Аналитику и корректировку плана делай сама. Она пусть лучше кулаками машет — это у неё отлично получается.

Кристина возмущённо всплеснула руками, да так, что едва не задела ближайший кабель:

— Эй! Я вообще-то тут стою! И я отличный тактик! У меня есть тактика! Проверенная годами! Тысячами боёв! Вижу врага — бью! Всё! Работает безотказно! Что тут сложного?!

Муо тихо хихикнула, пряча лицо за винтовкой, но её плечи предательски дрожали. Су, проигнорировав вспышку краснокожей, закрыла панель управления капсулой и выпрямилась:

— Вик, время. Телепорт выходит на пиковую мощность через три минуты. Нужно занять позиции. Если мы задержим калибровку, придётся ждать ещё час. А я не хочу ждать ещё час. Хочется начать.

— Принято.

Вик подошёл к арке, жестом приглашая Су и Муо. Су заняла место у капсулы, готовая активировать её движение через портал. Четыре руки на мгновение замерли, проверяя последние протоколы, и это выглядело как короткая, безмолвная молитва — только не богу, а технологии. Муо закинула винтовку за спину, поправила рюкзак, из которого торчали антенны и проводки, и встала рядом с командиром. Маленькая, ниже его плеч, но решительная. Винтовка за спиной была почти с неё ростом.

— Две недели, — произнёс Вик, поворачиваясь к Неферит и Кристине. Голос звучал твёрдо, но без излишней суровости. — Или меньше. Используйте их с умом. Не убейте друг друга. Не разнесите «Феникс». Не заскучайте. И ради всего святого, Неф, не дай Кристине уговорить тебя на «ещё по одной» посреди тренировочной недели. У неё иммунитет, а у тебя — нет.

Кристина оскорблённо фыркнула, но промолчала — то ли из уважения к моменту, то ли потому, что знала: он прав.

Неферит молча кивнула. Слова были не нужны. В её фиолетовых глазах стояли решимость и что-то ещё — тщательно скрываемое, глубоко запрятанное, но всё же заметное тому, кто умел смотреть.

Муо замахала рукой, приподнимаясь на цыпочки, и её голос зазвенел в холодном воздухе отсека:

— Пока-пока Крис, не скушайте тут!

Су бросила короткий взгляд на Неферит, и её жёлтые глаза на мгновение стали серьёзными — так смотрит врач, который знает, что пациент склонен игнорировать предписания:

— Не забывай пить концентрат, который я оставила. На верхней полке медотсека, в синей упаковке. И следи за уровнем эфира: если индикатор на браслете загорится красным, немедленно прекращай тренировку. Если начнутся неконтролируемые выбросы — немедленно в медотсек, там есть протокол авто стабилизации. Я настроила его на твою сигнатуру. И да, Кристина, если ты доведёшь её до истощения, я, когда встретимся, синтезирую тебе такую микстуру, что ты месяц не сможешь пить. И есть острую пищу. И вообще что-либо есть.

— Всё-всё, док, я поняла! — Кристина подняла руки в примирительном жесте. — Не убью, не истощу, не покалечу сверх необходимого! Железный протокол!

Су нажала на панель капсулы, и та плавно подплыла к арке, ведомая антигравитационным полем. Вик в последний раз посмотрел на Неферит. Долгий, тяжёлый взгляд — такой, каким прощаются перед битвой, из которой не все могут вернуться. Хотя он-то знал, что вернётся. Он всегда возвращался.

Он шагнул в арку. Мембрана вспыхнула, поглощая его фигуру: сначала контур, потом тень, потом ничего. За ним — Муо с рюкзаком и винтовкой, на мгновение обернувшаяся и помахавшая рукой еще разок. Су направила капсулу в портал и вошла последней — спокойная, собранная, как всегда. Мембрана вспыхнула ослепительным белым светом, режущим глаз, заливающим весь отсек. Гул накопителей вырос до крещендо, заполняя пространство вибрацией, отдающейся в зубах и костях. Звук нарастал, нарастал, нарастал — и вдруг оборвался.

Вспышка.

Тишина.

Арка погасла. Мембрана исчезла, оставив только холодный металл и затихающие силовые кабели. В отсеке телепортации остались только двое.

Неферит смотрела на пустую арку. На то место, где секунду назад стояли трое. Хвост замер — ни движения, ни покачивания. Острые уши чуть опустились, едва заметно, на миллиметр, но достаточно, чтобы Кристина, которая умела замечать такие вещи, когда хотела, это увидела. В груди теплилась тень чужого присутствия — слабая, но постоянная. Связь. Плата за спасение. И сейчас, когда Вик ушёл за грань пространства и времени, эта связь не оборвалась. Просто стала тоньше. Тише. Как нить, натянутая через всю галактику.

— Ну что, хвостатая! — краснокожая демоница хлопнула в ладоши, разбивая тишину, как молот разбивает стекло. — Две недели! Начинаем прямо сейчас! Разминка, пробежка по кораблю десять кругов, потом спарринг, потом аналитика, потом снова спарринг! У нас времени в обрез! Никаких поблажек!

Она направилась к выходу, но у двери обернулась. Её жёлтые глаза на мгновение стали серьёзными — без обычной наглой ухмылки:

— Эй. Ты в порядке? Выглядишь так, будто проводила кого-то... важного. И не говори, что это просто командир. Я знаю этот взгляд. У меня у самой такой был, когда я в первый раз увидела, как он уходит в портал. Это... странное чувство, но ты привыкнешь.

Неферит встряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли. Короткая тугая косичка мотнулась по плечу. На лицо вернулась привычная надменная маска. Голос зазвучал ровно, почти холодно:

— В порядке. Просто... странное чувство. Они ушли на год, а для нас пройдут недели. Релятивистская хренотень, как сказал бы он. Интересно, что мы увидим по прибытию. В каком состоянии они будут. Что успеют сделать за год. Какими станут. — Она усмехнулась — той самой острой, кокетливой усмешкой, которая была её визитной карточкой. — И ещё интереснее, успею ли я довести тебя до изнеможения раньше, чем ты меня.

Кристина расплылась в широкой, почти счастливой ухмылке:

— О-о-о, слышу речь настоящего члена ОРКС! С вызовом, с амбициями, с дерзостью! Ладно, хвостатая, пошли. Начнём с пробежки. Десять кругов по главному коридору. И не смотри на меня так, я тоже побегу. Мне полезно после вчерашнего. Разгоняет кровь. Выветривает алкоголь. Возвращает к жизни. А после пробежки... — она хрустнула кулаками, — ...посмотрим, чему ты научилась за ночь.

Она распахнула дверь и вышла в коридор. Неферит бросила последний взгляд на арку, на погасшую мембрану, на остывающие кабели — и последовала за ней. Шаги гулко отдавались в пустом отсеке. Две недели начинались. Две недели которые, возможно, изменят всё для неё.

А где-то далеко, за гранью пространства и времени, за пределами того, что можно измерить приборами, на планете Форго-3 вспыхнул портал — и из него вышли трое.

Ночь встретила их запахом травы и странной, почти осязаемой тишиной. Такой тишины не бывает в обитаемых мирах. Она была густой, вязкой, почти физически плотной, словно сам воздух здесь был пропитан ожиданием. Словно планета затаила дыхание, встречая гостей. Небольшая равнина, на которой они оказались, серебрилась под светом двух лун — одна была крупной, голубоватой, висящей низко над горизонтом, вторая — маленькой, желтоватой, словно младшая сестра, робко выглядывающая из-за спины старшей. Их свет заливал траву, делая её похожей на море, колышущееся под ветром.

— Девчонки, как себя чувствуете? Никого не растрясло по дороге? — спросил Вик, оглядывая окрестности. Его зелёные глаза сканировали горизонт с той же цепкостью, с какой Муо сканировала местность своим усиленным зрением. Он стоял, расставив ноги, и выглядел так, будто только что вышел из бара, а не пересёк межзвёздное расстояние за долю секунды.

Су выпрямилась, поправляя манжеты. В руках уже был планшет. Жёлтые глаза медленно обвели горизонт:

— Физически — норма. Телепортация прошла штатно. Капсула в порядке, датчики не зафиксировали отклонений. — Она сделала паузу, втягивая воздух. Ноздри дрогнули. — Воздух... странный. Пахнет озоном. И чем-то ещё. Цветы, трава, сырая земля и сверху, всё это пропитано каким-то электрическим оттенком. Магический фон ощущается даже без приборов. Он... плотный. Структурированный. Не такой, как у Неферит, — более формализованный. Более древний.

Муо присела на корточки, касаясь травы ладонью. Её голубые глаза вспыхнули в темноте ярче — активировалось ночное зрение, и теперь она выглядела как маленький призрак с горящими глазами.

— Я в порядке, командир! Только... тут очень тихо. Слишком тихо. Как в играх перед появлением босса. Ну, знаешь, сначала музыка замолкает, а потом из темноты вылезает что-то огромное и злое. — Она подняла взгляд, всматриваясь в темноту с той особой интенсивностью, которая появлялась у неё только на миссиях. — Я осмотрюсь? Без доклада не начну.

Не дожидаясь ответа — она знала, что Вик всё равно разрешит, — Муо активировала супер-зрение на полную мощность. Глаза засветились ещё ярче — два голубых прожектора в ночи. Она медленно поворачивала голову, сканируя окрестности на полные десять километров во всех направлениях. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она заговорила — тихо, сосредоточенно, с той особой интонацией, которая появлялась у неё только во время разведки:

— Вижу... руины. На западе, километров пять. Старые. Очень старые. Каменные блоки, поросшие мхом. Похоже на остатки какой-то башни или храма. Никакого движения. И. — она прищурилась, и её голос стал ещё тише, — ...какой-то источник энергии под землёй. Не могу понять, магический или нет.

Она моргнула, отключая усиленный режим, и посмотрела на Вика. Голубые глаза снова стали обычными — большими, распахнутыми:

— Докладывать дальше или сначала развернуть дронов? Я могу одного на руины, другого — на запад, к тому городу, о котором ты говорил.

Су тем временем открыла панель капсулы, проверяя показатели. Её пальцы бегали по дисплею с той же скоростью, что и в медотсеке:

— Муо, что насчёт электрических штормов? Видишь признаки? В отчете они были отмечены как сезонное явление, но мы не знаем, какой сейчас сезон.

Муо снова активировала зрение — на этот раз нацелившись в небо. Её голос зазвучал после короткой паузы, во время которой она медленно поворачивала голову из стороны в сторону.

— Облака... странные. Заряженные. Светятся в инфракрасном спектре. Но пока далеко, на юге, километров двадцать. Медленно движутся на север. Думаю, у нас есть несколько часов до того, как они подойдут. Может, больше. Они неторопливые. Как будто... не спешат. Может это и не шторм.

Су кивнула и повернулась к Вику. Её лицо, обычно спокойное, сейчас выражало лёгкую озабоченность:

— Вик, предлагаю укрыться до рассвета. Ночь в незнакомом мире — не лучшее время для активных действий. Особенно если здесь водятся ночные хищники. А они, скорее всего, водятся. Вселенная не создаёт таких тихих ночей просто так. — Она на мгновение задумалась, поднеся палец к губам. — Руины на западе могут быть хорошим временным убежищем. Если Муо не видит там движения — можно занять оборону и дожидаться утра. Камень даст защиту от шторма, если он подойдёт быстрее.

Муо перевела взгляд с Су на Вика, ожидая приказа. Её рука уже тянулась к рюкзаку — достать дронов. Пальцы подрагивали от нетерпения.

— Я могу запустить разведку прямо сейчас. Один дрон на руины, второй — к городу. Пока будем обустроиваться, уже будут первые данные.

Вик ещё раз оглядел горизонт, и в его зелёных глазах — этих невозможных, потусторонних глазах — мелькнуло то особое выражение, которое появлялось, когда план окончательно складывался в голове.

— Я заметил на юге, в километре отсюда, скалы, замаскированные лесом. Хороший вариант. Скрытность, естественная защита, деревья сверху. Вырежем там в скале плазморезаком пещеру и обустроим её на год. Не временный лагерь, а постоянную базу. Как я уже говорил, по данным разведки, к западу в двадцати километрах — город под названием Вектрополь, вроде как столица. Начнём поиски там. А руины пока оставим, если что, используем как запасную точку.

Су кивнула, мгновенно переключаясь на новую задачу. Её глаза загорелись тем самым профессиональным азартом:

— Принято. Скалы — хороший вариант. Естественная защита, камень толстый, меньше шансов быть обнаруженными. К тому же лес сверху даст дополнительную маскировку. — Она активировала антигравитационную платформу капсулы, и та мягко загудела, приподнимаясь над травой. — Я готова к перемещению. Плазморезак в капсуле, в техническом отсеке. Мощности хватит, чтобы вырезать помещение любого размера.

Муо поднялась с корточек, поправляя рюкзак и закидывая винтовку за спину.

— Километр на юг — это быстро. Минут пятнадцать ходьбы. Я по дороге запущу одного дрона, пусть летит к Вектрополю на разведку. К тому времени, как обустроим базу, у меня уже будут первые данные: планировка города, расположение крупных зданий, возможные точки для внедрения.

Она достала из рюкзака небольшого дрона — металлическую стрекозу с матовыми крыльями, которые в сложенном состоянии были почти незаметны. Дрон тихо зажужжал, оживая.

— Он тихий, с маскировкой под колибри. Ночью вообще не виден. Никто не заметит, даже если пролетит над головой.

Дрон бесшумно раскрыл крылья, взмыл в воздух и уже через секунду растворился в ночном небе — только звёзды на мгновение мигнули, словно подмигивая ему вслед. Или словно предупреждая.

Су зашагала на юг, и капсула плавно поплыла за ней, ведомая антигравитационным полем. Высокая трава расступалась перед ними.

Муо двинулась рядом, поглядывая на наручный планшет, куда уже транслировалась первая картинка с дрона-разведчика — пока только тёмный лес и серебристые поля под двумя лунами.

— Командир, а как мы вообще будем искать Геоидов в столице? Они же мимикрируют под местных. Внешне не отличишь, пока они себя не проявят. А если они уже внедрились в правительство? Как мы поймём, кто есть кто? У нас есть какой-то детектор или... полагаемся на моё зрение? — Она на мгновение замолчала, затем добавила с ноткой надежды: — Я могу видеть сквозь объекты, но кремниевую структуру под кожей вряд ли различу. Слишком мелко. Нужна... микроскопия, наверное. Или рентген. Если только Су не синтезирует какой-нибудь

реактив, который заставит их светиться. Или... ой, а может, они боятся чего-то? Как в историях про оборотней и серебро? Может, у них есть ахиллесова пята? Что-то, что их выдаёт?

Су ответила, не оборачиваясь, продолжая идти впереди. Её шаги были почти бесшумны.

— Геоиды — кремниевая форма жизни, ты же знаешь. Это значит, что их биохимия радикально отличается от углеродной. Мы засечем их легко, тепловизором. Теоретически, они могут быть уязвимы к определённым частотам звука, электромагнитным импульсам или химическим соединениям, которые разрушают кремниевые связи. Но это теория. Практика требует образца. Живого или мёртвого. К сожалению, нам пока так и не получилось добыть ни одного. — Пауза, во время которой она перешагнула через поваленное бревно. — Добудем образец — изучу. А пока наблюдение, разведка, сбор информации. Никаких необдуманных атак.

Она бросила короткий взгляд на Вика, и в её жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на предвкушение:

— Вектрополь. Там наверняка есть архивы, библиотеки, возможно, магическая академия или гильдия. Если местные маги изучали природу порталов или замечали странности, то следы могут быть там. Предлагаю начать с разведки информационной, а не силовой. Внедриться под видом учёных, торговцев или паломников. Собрать слухи. Понять, кто есть кто, прежде чем действовать. Мы здесь надолго. У нас есть время.

Впереди уже показывались очертания скал — невысокие, метров двенадцать, поросшие густым лесом. Деревья стояли плотно, их корни оплетали камни, а кроны создавали почти сплошной полог. Идеальное место для базы: скрытое, защищённое, с естественной маскировкой. Скалы были старыми, замшелыми, и в лунном свете казались спящими великанами.

Муо оживилась, и в её голосе зазвучал почти детский энтузиазм — тот самый, который появлялся у неё каждый раз, когда она видела интересную задачу:

— О! Я могу быть дочкой торговца! Или... или юной ученицей мага! У меня лицо подходящее — маленькое, невинное, с большими глазами. Никто не заподозрит шпионку в такой милой девочке! — Она улыбнулась, но в голубых глазах мелькнуло что-то серьёзное, профессиональное. — А если что, я смогу прикрыть вас с крыши. Снайпер в средневековом городе — это неожиданно и очень, очень эффективно. Они даже не поймут, откуда прилетело.

Они подошли к скалам. Су остановилась, оценивая камень: провела ладонью по шершавой, влажной поверхности, прислушалась к чему-то, ведомому только ей. Кончики пальцев задержались на выступах.

— Хороший выбор, командир. Плотная порода — гранит или что-то близкое. Минимум трещин. Пещера будет стабильной, не обвалится. Можно вырезать большие помещения без риска. — Она открыла технический отсек капсулы и достала плазморезак — массивный инструмент, который, впрочем, в её руках выглядел почти изящным. — Я начну вырезать основную полость. Муо, поможешь с планировкой: где жилая зона, где склад, где технический угол. И сразу думай о вентиляции и маскировке входа.

Муо уже активировала на планшете режим сканирования скалы. Голубые линии побежали по камню, строя трёхмерную модель.

— Сделаю 3D-модель! Командир, какие пожелания по пещере? Одна большая комната или несколько маленьких? Нужен ли запасной выход? А тайник для капсулы? А может, сделать ложную стену в медотсеке на случай, если кто-то найдёт базу?

Она посмотрела на Вика, и плазморезак в руках Су тихо загудел, готовый вгрызаться в камень. Ночь вокруг стояла всё такая же тихая, только где-то в лесу ухала какая-то ночная птица.

Вик обвёл взглядом скалу, лес, небо с двумя лунами — и начал отдавать распоряжения чётко, по-военному, но без излишней жёсткости:

— Сделаем всё по-простому. Без архитектурных излишеств. Коридор у входа — длинный, чтобы гасить свет и звук. Рядом с ним — небольшая оружейная, чтобы в случае тревоги не бежать через всю базу. Дальше комната отдыха с кухней, она же штаб. И отдельно медотсек для Су. В комнате отдыха в центре смонтируем тактический стол-голограмму и будем вводить туда базу данных местности, а затем отсылать данные для Неферит на борт «Феникса». Ей нужна будет информация. И начинайте думать о легендах для Вектрополя. Ты, Су, — учёный-алхимик или знахарка. Ты, Муо, — моя дочь, подающая надежды в магии. А я, ну, я буду вашим сопровождающим, пока что. Мрачным телохранителем с дурным характером. Типаж подходящий.

Су коротко кивнула, активируя плазморезак на полную мощность. Гул naros, перешёл в ровное, низкое гудение.

Она подошла к скале и уверенным движением направила плазменный луч на камень. Тот с тихим шипением начал плавиться, образуя ровный проём — без искр, без треска, только ровный, почти музыкальный гул. Су работала методично, без лишних движений, словно делала это тысячу раз. Вторая пара рук пока не появлялась: одной пары для управления резаком было достаточно. Камень подавался легко, как масло под горячим ножом.

Муо уселась на ближайший валун, раскладывая на коленях планшет. Пальцы быстро забегали по сенсорной панели, и на экране начала формироваться трёхмерная схема будущей базы:

— Я пока делаю разметку. Коридор: четыре метра длиной, полтора шириной. Достаточно, чтобы занести капсулу и оборудование, но достаточно узко, чтобы замедлить возможного противника. Оружейная: сразу справа от входа, небольшая ниша два на два. Медотсек — в глубине, подальше от входа, чтобы в случае прорыва было время среагировать. — Она подняла глаза на Вика. — Командир, а тактический стол в центр ставить? У нас есть компактная модель: метр на метр, разворачивается за тридцать секунд. Я могу настроить синхронизацию с моими дронами в реальном времени — будем видеть всё, что они снимают, прямо на столе. И данные на «Феникс» уйдут с задержкой в зависимости от расстояния... — она быстро прикинула в уме, — ...примерно двое суток на текущей позиции. Когда «Феникс» подойдёт ближе к Форго-3, задержка сократится до пары часов. Так что Неферит будет получать информацию почти в реальном времени к моменту прибытия.

Су, не оборачиваясь, продолжая резать камень, добавила:

— Медотсек сделаю три на четыре метра. Мне нужно место для диагностического оборудования, раскладной койки и шкафов с препаратами. И хорошая вентиляция, буду синтезировать лекарства, запахи могут быть... специфическими. Не хочу, чтобы вы задохнулись парами серной кислоты.

Она на мгновение остановилась, оценивая глубину проёма. Камень податливо плавился под плазмой, и первые очертания будущего коридора уже угадывались в скале — тёмный провал, пахнувший разогретым камнем.

— Командир, на какую глубину уводить пещеру? И нужен ли запасной выход? Я могу сделать узкий лаз на случай экстренной эвакуации. Муо пролезет точно, я — с трудом, а вот ты нет.

Муо оживилась, отрываясь от планшета:

— О, точно! Запасной выход! Я могу замаскировать его снаружи под корни дерева! Тут как раз лес рядом, никто не заметит! Можно даже сделать фальшивый ствол, у меня есть кое-какие материалы в рюкзаке. И ещё... командир, а как насчёт энергии? Капсула даёт автономность до тридцати суток. Может, развернуть солнечные панели на вершине скалы? Замаскируем их под каменные плиты. Или поискать местный источник? Я видела что-то под землёй, когда сканировала... Тёплое. Может, геотерма?

Она замолчала, ожидая решения. Су продолжала работать, и в скале уже угадывались первые контуры будущего убежища — линии, которые скоро станут стенами.

Вик посмотрел на них — на Су, методично вырезающую породу, на Муо, сидящую на валуне с планшетом и горящими глазами, — и в его зелёных глазах мелькнуло выражение, какое бывает у командира, который знает, что может положиться на своих людей.

— Делайте всё, как и сказали. Нам нужна полная автономность, безопасность и незаметность. Год — долгий срок. За это время может случиться что угодно. База должна быть крепостью. Маленькой, скрытой, но крепостью. Полагаюсь на вас.

Су коротко кивнула:

— Принято. Полная автономность, безопасность, незаметность. — Она на мгновение остановилась, поворачивая голову к Муо. — Муо, модель готова?

— Да! — Муо подняла планшет, показывая трёхмерную схему. Голограмма засветилась в воздухе, проецируя будущую базу. — Вот: входной коридор четыре метра, сразу справа — оружейная ниша два на два, дальше основная комната отдыха с кухонным модулем и местом под тактический стол. В глубине коридора справа — медотсек три на четыре. Потолки два с половиной метра, чтобы даже Кристина, если она вдруг заглянет, не билась рогами. И запасной выход из медотсека — узкий лаз на северный склон, замаскирую под корни и фальшивый мох.

Она провела пальцем по схеме, и голограмма послушно повернулась, показывая разрез скалы.

— Солнечные панели предлагаю разместить на вершине скалы, но замаскировать под каменные плиты. У меня есть плёнка с хамелеон-покрытием. Днём они будут выглядеть как обычная скальная порода, а ночью, как тени от деревьев. А для энергии в пасмурные дни... — она задумалась, прикусив губу, — ...я видела тот подземный источник. Тёплый, стабильный. Если Су поможет, можем пробурить скважину и поставить геотермальный мини-реактор. Он тихий, автономный и даёт стабильную мощность. Даже в шторм.

Су вернулась к работе. Плазморезак снова загудел, вгрызаясь в камень:

— Геотермальный реактор — хорошая идея. Сделаем после основного обустройства. Сейчас главное, это закрытый периметр. Муо, пока я режу, подготовь маскировочные сетки для входа. И датчики движения расставь по периметру, метров на двести. Если кто-то подойдёт к базе, мы должны знать об этом заранее. Я не хочу, чтобы меня застали врасплох, пока я синтезирую лекарства.

Муо спрыгнула с валуна, убирая планшет в рюкзак. Глаза горели азартом:

— Уже делаю! У меня есть микро-датчики, они как камешки выглядят. Разбросаю вокруг, никто не заметит, даже если наступит. — Она достала горсть маленьких серых дисков и принялась деловито рассовывать их по карманам комбинезона.

Муо направилась к выходу из будущей пещеры, но остановилась и обернулась к Вику. В её голубых глазах мелькнуло что-то неожиданно серьёзное, взрослое:

— Командир, я всё сделаю. Ты пока можешь осмотреться или отдохнуть. Мы с Су справимся. У нас есть чёткий план и всё необходимое. — В голосе прозвучала сталь, неожиданная для такого миниатюрного создания. — Когда закончим — доложим. И. — она запнулась на секунду, подбирая слова, — ...спасибо, что доверяешь нам. Что даёшь нам делать нашу работу. Это... важно.

Она исчезла в ночном лесу бесшумно, как тень, только ветка чуть качнулась ей вслед, и мелкие камешки тихо зашуршали под ногами.

Су продолжала работать. Камень плавился ровными слоями, формируя стены будущей комнаты отдыха. Плазморезак в её руках гудел ровно, почти убаюкивающе.

Не оборачиваясь, она тихо заговорила — её голос звучал спокойно, но в нём слышалось что-то, что редко прорывалось наружу:

— Командир. Муо — хороший солдат, хоть и маленькая. Не сомневайся в ней. Я помню её ещё с нашего мира: запуганного, трясущегося демонёнка, который боялся собственной тени. А теперь посмотри на неё. Разбрасывает датчики в незнакомом лесу, готова защищать базу. Это ты её такой сделал. — Пауза. Плазма вгрызлась в особо плотный слой, и гул на мгновение изменил тональность. — И во мне не сомневайся. Мы сделаем эту базу надёжной. Когда Неферит и Кристина придут, у них будет всё необходимое для работы. Данные, укрытие, связь, медикаменты. Мы не подведём.

Она на мгновение замолчала, и плазморезак в её руках загудел ровнее — словно сама скала отвечала ей согласием:

— Я помню, что ты сделал для меня. Для всех нас. Для каждого в этом отряде. Ты дал нам вторую жизнь. И я. — она запнулась, и в её голосе прорезалось что-то, что она обычно прятала за профессиональной маской, — ...я не трачу её впустую. Ни секунды. Мы не подведём.

Она продолжила резать камень. Пещера медленно обретала форму — сначала коридор, уходящий вглубь скалы, потом первая ниша для оружейной, потом просторная комната, которой предстояло стать сердцем базы. А где-то снаружи, в ночном лесу, Муо расставляла датчики, каждый тихо пищал, подтверждая активацию. Дрон-наблюдатель бесшумно парил над скалой, передавая на планшет картинку: лес, равнина, далёкие руины на западе, далёкий город на востоке, и две луны, медленно плывущие по небу.

Ночь над Форго-3 дышала озоном и магией. Где-то далеко на юге собирались электрические штормы — медленно, неторопливо, словно сама планета копила силы для удара. А в скале, спрятанной лесом, рождалась база — маленький островок безопасности в мире, который ещё только предстояло понять. Островок, который через год станет штабом для всего отряда.

До рассвета оставалось несколько часов. До прибытия «Феникса» — чуть менее года.

А на «Фениксе» тем временем Кристина уже гоняла Неферит по коридорам, и топот их ног эхом разносился по спящему кораблю. Десять кругов. Потом спарринг. Потом аналитика. Потом снова спарринг.

Две недели начались.

Глава 8. Вендетта

В тактическом отсеке «Феникса» царил тот особый, глубокий полумрак, какой бывает только на космических кораблях в ночную вахту. Синий свет голографического стола заливал помещение призрачным сиянием, выхватывая из темноты стеллажи с данными и ряды тёмных терминалов. Стол пока молчал — массивный, тёмный, он ждал прикосновения, чтобы ожить и развернуться в полноценную карту далёкого мира.

Дверь с мягким шипением открылась. Вошла Неферит.

Она выглядела уставшей, но собранной — той особой, хищной собранностью, которая не покидала её даже после изнурительных тренировок. Лёгкая испарина блестела на лбу, короткие розовые волосы, уложенные в тугую косичку, были переброшены через плечо и слегка растрепались — пара прядей выбилась и прилипла к вискам. Чёлка падала на глаза, придавая взгляду дополнительную остроту. Кожаная прямая юбка мягко шуршала при ходьбе. Хвост волочился следом, кончик едва заметно подрагивал, выдавая утомление — уже не в боевом ритме, а в такт тяжёлому дыханию.

За ней, шумно разминая плечо, ввалилась Кристина. Дверь едва успела закрыться.

— Ну что, хвостатая, признай — я тебя гоняла знатно! — Краснокожая демоница скалилась во все клыки, но в голосе слышалась не только гордость, а и что-то похожее на уважение. — Пять спаррингов, и ты ни разу не смогла пробить мою защиту этим своим жидким эфиром! А я ведь ещё и не разогревалась толком. Так, слегка вспотела.

Неферит даже не обернулась. Её голос прозвучал сухо, но в нём сквозила уже привычная колкость:

— Я не пробила твою защиту, потому что ты гора мяса, которая только и умеет, что прикрываться своими ручищами, как ребёнок подушкой. Но я нашла три твоих слабых места. Завтра покажу. И тогда посмотрим, кто будет просить пощады.

Она подошла к тактическому столу и коснулась сенсорной панели. Хвост замер, острые уши встали торчком — всё внимание переключилось на работу.

— А сейчас — работа. Данные с Форго-3 должны были прийти. Пока ты прохлаждалась, я получила уведомление о входящем пакете. Давай посмотрим, что эта троица успела нарыть за первые дни. — Неферит старалась работать и тренироваться как можно больше. Ей нужно было стать сильнее, умнее, знать всё. Особенно об этой команде и об этом корабле. Она больше не намерена была повторять ошибки прошлого. Умирать ей больше не хотелось.

Стол ожил.

Над поверхностью развернулась голографическая карта — пока ещё неполная, с обширными тёмными зонами, обозначавшими неизведанные территории. Но некоторые участки уже были заполнены: равнина, где высадилась группа Вика, очертания скал, трёхмерная модель пещеры — схематичная, но с подробными пометками. «Входной коридор. Оружейная. Комната отдыха. Медотсек. Запасной выход. И дальше, на запад, — первые контуры города. Вектрополь.

Неферит склонилась над столом, вглядываясь в данные. Фиолетовые глубокие глаза, как аметисты, с этими вечно настороженными голубыми вертикальными зрачками, быстро бегали по строчкам:

— Так... Высадились ночью. Обустроили базу в скале. Полная автономность, маскировка... — Она провела пальцем по голограмме, увеличивая сектор Вектрополя. — Город. Столица. Двадцать километров от базы. Муо запустила дрона-разведчика...

Кристина подошла ближе, заглядывая через плечо с тем бесцеремонным любопытством, которое было свойственно ей во всём:

— О, гляди-ка! Наша малышка уже работает! Вектрополь... название какое-то дурацкое. Звучит как болезнь. «У меня вектрополь, доктор, дайте таблеток». — Она хмыкнула. — А Су там, небось, свою медлабораторию разворачивает. Уже скучаю по ним. Особенно по выпивке с Виком. Эх. Ты не представляешь, какие он тосты толкает после третьей рюмки. Один раз даже расплакался. Правда, клянётся, что это был дым от сигары.

Неферит проигнорировала её болтовню, продолжая изучать данные. Нашла прикреплённый текстовый файл и открыла его. Над столом всплыло сообщение — короткое, рубленое, в характерном стиле командира.

«Неф, Крис. Мы на месте. Пещера готова, сидим тихо. Завтра начинаем внедрение в эту средневековую дыру. Местные, судя по первым данным, милые — зверолоды, маги, рыцари, всё как в грёбаной сказке. Жду от вас анализа. Не подкачайте. И да, Кристина, если ты её угробишь на тренировках, я тебя лично отправлю на перевоспитание к Су. А она у нас умеет перевоспитывать. Помнишь Арктур-7? Вот то-то же. Вик».

Кристина, читая через плечо, громко фыркнула:

— «Милые»! Ага, пока не начнут пулять файерболоми! И про Арктур он зря напомнил. Там вообще случай был дурацкий — я ж не специально тот склад взорвала...

— Ты взорвала склад? — Неферит приподняла бровь, и в её голосе мелькнула тень любопытства.

— Неважно! — быстро отрезала Кристина. — Работай давай, тактик. Что там по Геоидам?

Неферит вернулась к столу. Несколько касаний — и над картой возникло дополнительное голографическое окно с файлами ОРКС. Она погрузилась в них с головой, и через минуту её пальцы уже порхали над сенсорной панелью с той скоростью, которая появляется только тогда, когда мозг работает быстрее, чем тело.

— Хорошо. Теперь... нам нужно понять, что они упустили. Смотрю на схему базы... Входной коридор, оружейная, комната отдыха, медотсек, запасной выход. Всё грамотно. Но... — Она замолчала, вглядываясь в рельеф местности вокруг пещеры. Голубые зрачки сузились до тончайших щелей. — ...река. В километре к востоку. Они не отметили её как источник воды. Значит, либо не заметили, либо планируют брать из других источников. Нужно уточнить. И ещё... — она прокрутила карту, увеличивая северный сектор, — ...возвышенность на севере. Идеальная точка для ретранслятора сигнала. Если поставить там маломощный передатчик, задержка связи с «Фениксом» сократится вдвое. Сейчас пакет идёт почти двое суток, а будет меньше суток.

Кристина присвистнула, и в этом свисте слышалось искреннее изумление:

— Ого. А ты и правда тактик. Я бы просто посмотрела и сказала: «Ну, пещера, ну, норм». А ты уже реку нашла и ретранслятор придумала. — Она с размаху хлопнула Неферит по плечу, и та чуть качнулась, но устояла. — Уважаю. Реально. Будешь нашим мозгом. А то у нас тут одни кулаки, скальпели и глаза. Мозгов не хватало.

Неферит чуть поморщилась от удара, но уголки губ поползли вверх — едва заметно, на миллиметр, но Кристина уже научилась распознавать эти знаки:

— Это база, Кристина. Когда ты ведёшь клан головорезов в условиях враждебной среды, учишься видеть то, что другие упускают. Иначе долго не живёшь. — Она выпрямилась. — Ладно. Я составлю предварительный отчёт. Анализ Геоидов, рекомендации по разведке Вектрополя, замечания по базе. Завтра — тренировка. Ты обещала показать мне «настоящий прессинг». Надеюсь, это не просто громкие слова, а то я начну разочаровываться.

Кристина скалилась, разминая кулаки с явным предвкушением:

— О, покажу. Будешь ползать и молить о пощаде. В прямом смысле. Я даже полотенце возьму, вытирать слёзы. — Но вдруг она стала чуть серьёзнее, и эта перемена была почти неуловимой, но значительной. — ...Знаешь, Неф. Ты быстро учишься. Ещё неделя — и ты меня реально достанешь на спарринге. Эфир у тебя и правда стал другим. Живым, что ли. Как будто ты не управляешь им, а танцуешь с ним. Это красиво. И страшно.

Неферит молча кивнула, глядя на голограмму Вектрополя. Город на карте казался игрушечным — скопление маленьких домиков, извилистые улочки, массивные стены.

— Они там, — произнесла она тихо, почти шёпотом. Надеюсь, не придется прилетать на пепелище. Они... — она запнулась, и на мгновение маска надменности дала трещину, обнажив что-то незащищённое, — ...и они теперь что, моя команда?

Кристина ответила неожиданно мягко — без обычной бравады, без грубых шуток:

— Не парься. Ничего с ними не будет. Я с командиром семь лет, и за всё время он ни разу не дал повода в нём усомниться. Су — демон, её хрен убьёшь, она пережила то, что не каждый переживёт. А Муо видит, как радар. Она загодя учует опасность. Всё будет нормально. — Она подмигнула, и к ней вернулась привычная ухмылка. — А пока — работай, тактик. Я пойду пожару. Ты со мной или тут залипнешь?

— Иди. Я позже. Нужно закончить анализ. — Неферит уже погружалась в архивы Геоидов, и её пальцы быстро скользили по голографической панели. Хвост нервно подрагивал, выдавая напряжение.

Кристина пожала плечами и вышла, оставив после себя только эхо тяжёлых шагов и запах разогретого металла от её кибер-топа. Дверь закрылась.

Неферит осталась одна в полумраке тактического отсека. Вокруг неё парили десятки голографических окон — карта Форго-3, схема базы, данные о Вектрополе, архивные файлы ОРКС. Она посмотрела на контур города и тихо произнесла:

— Теперь я буду готова ко всему.

И, сверкнув глазами — властно, хищно, — она погрузилась в работу.

Голографический стол мерцал в полумраке, отбрасывая на её лицо синеватые блики. Час проходил за часом, а она всё листала файлы, один за другим. Хвост нервно подрагивал, острые

уши то прижимались, то вставляли торчком, реагируя на прочитанное раньше, чем сознание успевало осмыслить. Тишина в отсеке стояла почти абсолютная — только мерное гудение двигателей и шорох её собственного дыхания.

Она читала вслух, тихо, будто пробуя слова на вкус. Голос звучал в пустоте, и эхо подхватывало его:

— «Кремний-углеродная форма жизни... Родная планета — предположительно Гея: средняя температура поверхности четырёхста градусов, атмосфера из сернистого газа и паров кремния, давление в шесть раз выше земного... Выживают в вакууме...» — Хмыкнула, и в этом хмыканье смешались уважение и ненависть. — Неудивительно, что их так трудно убить. Они рождены в аду. Буквально. В мире, где камень течёт как вода, а воздух — кислота.

Пролистнула дальше: схемы строения тела, примеры мимикрии, тактические рекомендации. И вдруг её взгляд зацепился за голографический снимок.

Разрушенная деревня. Тела жителей — люди, гуманоиды, — расплётёртые на земле в неестественных, сломанных позах. А на переднем плане, вросшие в почву, — тёмно-фиолетовые и синие кристаллы, источавшие слабое, почти потустороннее свечение.

Неферит замерла. Рука, тянувшаяся к следующему файлу, зависла в воздухе. Она увеличила изображение.

Кристаллы стали чётче: острые грани, характерный блеск, едва заметные прожилки внутри — словно вены, наполненные синим светом. Этот блеск. Этот цвет она уже видела.

Сердце пропустило удар. Затем ещё один. В висках застучало.

Она резко пролистнула другие файлы — ещё снимки, ещё отчёты. Везде, где были Геоиды или следы их активности, рядом обнаруживались эти кристаллы. В документах их называли по-разному: «кремний-углеродные отложения неизвестного происхождения», «аномальные минералы», «побочный продукт терраформирования», «Геоидная поросль». Но она узнала их мгновенно. Были, конечно, и другие цветовые гаммы — жёлтые, зеленые, — но фиолетовый и синий спектр совпадал до мельчайших деталей.

Её мир. Её дом. Отравленный этой дрянью.

Пальцы сжались в кулак. Вокруг ладони запульсировало фиолетовое сияние — неконтролируемое, яростное, готовое вырваться наружу. Эфир отозвался на эмоции раньше, чем разум успел взять его под контроль. Воздух вокруг неё завибрировал, голографические окна на мгновение мигнули, а на столешнице, там, где лежала её ладонь, появилась тонкая трещина.

— Так вот откуда вы взяли... — прошептала она сквозь зубы, и её голос был похож на скрежет металла. — Вот кто вас оставил... древние, прах их побери... Вы не боги. Вы — паразиты. Твари. Вы мне за все ответите.

Она заставила себя выдохнуть. Медленно, через силу, разжала кулак. Эфир погас, оставив после себя только запах озона и лёгкое покалывание в пальцах. Трещина на столешнице осталась — тонкая, едва заметная, как шрам.

Неферит опустила в кресло, не отрывая взгляда от изображения кристаллов. Хвост обвил ножку стула с такой силой, что металл жалобно скрипнул. Её почти оборванная жизнь вновь обрела цель. На этот раз — вселенского масштаба.

— Значит, Геоиды... — Голос стал спокойнее, но в нём звенела холодная, закалённая сталь. — Это они принесли погибель на мою планету. Это из-за них я стала тем, кем стала и чуть не подохла. А теперь на Форго-3... и я могу...

Она открыла новый файл: «Геоид-грибница». Читала долго, внимательно, вглядываясь в схемы подземных структур, в изображения монстров, выращенных в кристаллической грибнице. На одном из снимков была колоссальная тварь, снятая с воздуха: чешуйчатая шкура, множество конечностей, пасть, способная проглотить дом. Чешуя отливала всё тем же фиолетовым — кристаллы прорастали сквозь неё, делая монстра похожим на ожившую гору.

Подпись под снимком гласила: «Земля, 53 года назад по бортовому времени. Высота 45 метров, вес 1157 тонн, толщина шкуры 5 метров. Уничтожен направленным ядерным выбросом... Ценой уничтожения целого города».

Она медленно провела пальцами по голограмме, и изображение монстра пошло рябью:

— Значит, вот с чем мы имеем дело. Не просто с диверсантами и рассадником кристаллов. С силой, способной порождать таких чудовищ... С силой, ради уничтожения которой пожертвовали целым городом. С силой, способной стирать целые планеты.

Листала дальше. Тактические заметки: уязвимости, способы обнаружения, примеры неудачной мимикрии. На одной из записей задержалась — и сердце снова пропустило удар:

«Зафиксирован случай: Геоид среднего типа после потери конечности в бою с командиром Викам проявил признаки страха и отступил в портал. Командир не стал добивать. Причина: предположительно, наличие у Геоидов базовых эмоций, таких как страх, самосохранение. Рекомендуется дальнейшее изучение».

— Страх... — произнесла она задумчиво, почти ласково, и в этом слове было что-то жуткое. — Значит, они не просто машины для терраформирования. Они чувствуют. И боятся...

Она откинулась в кресле, глядя в потолок, где медленно вращались голографические схемы.

— Это можно использовать. Если они способны бояться, значит, способны и ошибаться. И договариваться? Нет, вряд ли... Но страх — это рычаг.

Резко выпрямилась, открыла чистый файл и начала надиктовывать — голосом чётким, командирским, как будто отдавала приказ своим солдатам:

— «Предварительный анализ по Геоидам для операции на Форго-3. Пункт первый: связь Геоидов с кристаллами. Они являются продуктом их терраформирования или технологией, используемой для изменения среды. На планетах с активностью Геоидов всегда обнаруживаются залежи подобных кристаллов. Для меня лично это подтверждает: мой мир подвергся их воздействию в прошлом. Возможно, чем больше обилие кристаллов, тем ближе точка невозврата терраформирования».

Пауза, пометка на полях. Хвост качнулся.

— «Пункт второй: уязвимости. Геоиды прочны, но не неуязвимы. Современное вооружение эффективно против слабых и средних особей. Крупные формы требуют тяжёлого вооружения или участия Вика/Кристины. Слабое место — несовершенная мимикрия. Рекомендую Муо и Су обращать внимание на неестественные движения, странные паузы в речи, несоответствие эмоций ситуации. Даже лучшие мимикрирующие особи допускают ошибки в походке

или повадках. Использовать тепловизоры. В прямой бой без командира ни в коем случае не вступать».

Она перелистнула страницу. Глаза горели холодным огнём.

— «Пункт третий: грибница. Если на Форго-3 есть активная грибница, это меняет всё. Нужно выяснить, есть ли признаки её присутствия: необычные кристаллические образования под землёй, участвовавшие исчезновения людей или скота, появление чудовищ в легендах местных».

Остановилась, потёрла виски. За окном отсека — всё та же звёздная бесконечность, равнодушная к её усталости.

— «Пункт четвёртый: эмоции. Подтверждённый случай страха у Геоида. Рекомендую использовать психологическое давление в бою: демонстрировать подавляющую силу, наносить болезненные, но не смертельные раны, провоцировать отступление. Отступающий Геоид может привести к порталу или Грибницу. Не добивать бегущего — лучше отследить».

Сохранила файл. Посмотрела на часы: прошло несколько часов. Глубокий вечер по бортовому времени.

Неферит встала, подошла к панорамному окну. Звёзды смотрели на неё — тысячи равнодушных глаз, рассыпанных по чёрному бархату. Где-то там, за этими огнями, вращался Форго-3. Где-то там Вик, Су и Муо проживали свой год. А здесь, на «Фениксе», она только что нашла новую цель. Или, скорее, старая цель обрела новую форму. Её смерть, её самоуверенность, её падение с Олимпа власти, все это привело её сюда, на Феникс. К старому врагу. Но уже ближе. Какая ирония.

Она положила ладонь на холодное стекло и заговорила — тихо, самой себе, но так, словно обращалась ко всей галактике:

— Вы отравили мой дом. Вы почти убили меня. Вы моя личная вендетта.

Ладонь сжалась в кулак, но на этот раз эфир остался спокойным — он лёг на пальцы мягким фиолетовым свечением, послушный, как никогда раньше. Не ярость. Решимость.

— Я найду вас всех. Я узнаю, зачем вы это делаете. И я уничтожу вас. Чего бы мне это ни стоило.

Она развернулась и решительно направилась к двери. Завтра её ждала тренировка с Кристиной.

Столовая «Феникса» в поздний вечер напоминала пустой храм — мягкий янтарный свет заливал ряды столиков, уходящих в полумрак, и лишь у панорамного окна, лицом к звёздам, сидела Кристина. Перед ней стоял наполовину пустой стакан, тарелка с остатками чего-то мясного, и весь её вид выражал ту особенную, ленивую задумчивость, которая приходит только после хорошей еды и не менее хорошей выпивки. Она медленно покручивала стакан в пальцах, наблюдая за тем, как свет далёких солнц играет в гранях стекла.

Дверь открылась — резко, без обычной медлительности. Вошла Неферит. Её шаг был решительным, но плечи напряжены, а хвост хлестал воздух с такой силой, что ближайший стул едва не улетел с места. Не спрашивая разрешения, она пересекла столовую и опустилась на стул напротив Кристины, положив на стол планшет с данными.

— Не спишь. Хорошо. Нам надо поговорить.

Кристина приподняла бровь, отставляя стакан.

— Ого. Ты выглядишь так, будто увидела призрака. Или будто сейчас взорвёшься своим фиолетовым эфиром. А может, и то и другое сразу. — Она подалась вперёд, и её жёлтые глаза цепко оглядели собеседницу. — Что случилось, хвостатая? Данные с Форго-3 плохие? Вик написал, что у него плохое настроение?

Неферит резко выдохнула и активировала планшет. Над столом всплыла голограмма — снимки кристаллов. Фиолетовое свечение голограммы смешалось с янтарным светом бара, и в этом неестественном освещении лицо Неферит казалось почти inferнальным.

— Смотри. — Она ткнула пальцем в изображение, и голограмма пошла рябью. — Они везде, где были Геоиды. В каждом отчёте, в каждом снимке. Понимаешь? — Её голос сорвался на хрип, и в нём смешались ярость, боль и что-то ещё глубокое, запятанное. — Это они. Это они отравили мой мир. Мою жизнь. А теперь они на Форго-3, делают то же самое! И не только там! Теперь я знаю, как они выглядят и где их достать!

Она с силой ударила ладонью по столу. Стакан Кристины подпрыгнул, янтарная жидкость плеснула через край, заливая тарелку.

Кристина медленно кивнула, не отводя взгляда от голограммы. Обычная бравада исчезла с её лица, оставив что-то куда более редкое — понимание. Настоящее, выстраданное.

— Да. Это они. Геоиды. Я знаю. — Она взяла стакан, сделала глоток, вытерла рот тыльной стороной ладони. — Я сражалась с ними на двух планетах до того, как ты присоединилась. Видела их работу вблизи. И кристаллы эти тоже видела. Мы зовём их «кремниевой порослью». Они появляются там, где эти твари закрепляются надолго. Как сорняки.

Она отставила стакан и подалась вперёд, опираясь локтями на стол. Отблески голограммы плясали на её красной коже, делая её похожей на демона из старинных легенд.

— Слушай, Неф. Я понимаю твою злость. Правда. Когда я впервые увидела, что они делают с целыми мирами — как они выжигают всё живое и заменяют своим кремниевым дерьмом, — я хотела разорвать каждого голыми руками. И до сих пор хочу. Но... — она сделала паузу, подбирая слова, редкое для неё занятие, — ...злость — плохой советчик. Я на своей шкуре это знаю. Да и ты тоже.

Неферит смотрела исподлобья, но уже чуть спокойнее. Хвост перестал хлестать воздух и теперь лишь медленно покачивался из стороны в сторону. Теперь это было для неё личным. Ведь вся её жизнь, которая так глупо чуть не оборвалась в ту ночь, была следствием присутствия этих инопланетных тварей. Они отравили её мир. Они сделали её той, кем она стала — тираном, завоевателем, чудовищем. А теперь она может добраться до них, и она может мстить.

— Расскажи. Ты сражалась с ними. Как это было? Как вы их побеждали? Что ты чувствовала, когда убивала их? И. — она заколебалась, подбирая слова, — ...тот случай, когда Вик отпустил раненого Геоида. Это правда? Они действительно чувствуют страх?

Кристина усмехнулась — но невесело, скорее задумчиво:

— О, да. Тот случай. Я там была. Вик оторвал твари руку, просто, как ветку с дерева. Хрустнуло только. И эта штука... она остановилась. Посмотрела на него. И в этих... не знаю, глазах, сенсорах, чём-то... был чистый ужас. Я никогда не видела, чтобы камень выглядел испу-

ганным, а этот выглядел. У него была... морда. И на ней — выражение. Такое же, как у человека, который понял, что сейчас умрёт. Она развернулась и рванула в портал, как ошпаренная. Только пятки засверкали. Ну, образно. Пяток у них нет.

Она взяла стакан, сделала ещё глоток.

— Вик не стал добивать. Я тогда орала на него: «Какого чёрта, командир?! Это же враг! Она вернётся с подкреплением!». А он просто посмотрел на меня и сказал: «Она больше не вернётся. И расскажет своим о том, что видела. Страх заразителен. Пусть лучше боятся, чем ненавидят».

Кристина покачала головой и залпом допила остатки из стакана.

— Значит, они не бездушные машины... — Неферит задумчиво провела пальцем по краю стакана. — У них есть инстинкт самосохранения. Это можно использовать. — Она подняла взгляд, и в нём горел холодный, тактический огонь. — А что насчёт их силы? В отчётах сказано, что слабейший из них может перебить роту рыцарей. А крупные особи не берёт даже плазма. Как вы справлялись?

Кристина хмыкнула и с видимым удовольствием размяла плечи, хрустнув суставами.

— Ну, слабых и средних я валяю голыми руками. Буквально. Моя кожа крепче их брони, а кулаки как кувалды. Смотри: хрясь и нету. — Она изобразила удар. — Су помогает своими лезвиями и взрывчаткой. У неё есть штука: «кислотный туман», разъедает их кремниевую оболочку на раз, но только малых. Муо снимает тех, кто поменьше, с расстояния, её плазма бьёт точно в сочленения, где броня тоньше. А крупные... — она помрачнела, и веселье исчезло с её лица, — ...тут без командира никак. У него удар как у рельсотрона. Вот такими и крушим гигантов. Ну, или орбитальной бомбардировкой с «Феникса». Но это крайний случай.

Она взяла стакан, но пить не стала — просто вертела в руках, глядя на янтарные разводы на стекле.

— Самое поганое — это грибница. Если на Форго-3 есть активная грибница, у нас будут большие проблемы. Эти твари растут там, как грибы после дождя. И главный монстр — он всегда огромный. Но я никогда сама не видела грибницу.

Неферит молчала, переваривая услышанное. Затем тихо, но твёрдо произнесла:

— Значит, наша задача — найти грибницу до того, как она активируется. И уничтожить её тихо, без гигантских монстров и потери городов.

— Именно. — Кристина кивнула и стукнула кулаком по столу. — И вот тут ты со своим тактическим мозгом нам и нужна.

Она подняла пустой стакан и вопросительно взглянула на Неферит.

— Так что давай, тактик. У тебя есть план, как искать эту чёртову грибницу в средневековом мире, полном зверолодей и магии?

Неферит слабо улыбнулась холодной, но уже не колючей усмешкой. Взяла с соседнего стола чистый стакан и пододвинула к Кристине:

— План пока сырой. Но я знаю, с чего начать. Налей мне тоже. И я расскажу.

Кристина скалилась, наливая янтарной жидкости в оба стакана:

— Вот это по-нашему. Давай, хвостатая. Рассказывай. А я добавлю, если что — у меня опыт полевой, а не бумажный.

Они чокнулись. Звон стекла разнёсся по пустой столовой, и за панорамным окном, словно в ответ, мигнула далёкая звезда.

Неферит провела пальцем, и на голограмме появились первые пометки — яркие, фиолетовые, под цвет её эфира.

— Первое: искать места с повышенной концентрацией кристаллов или его аналогов. Нужно отправить дронов на детальное сканирование. Пусть ищут аномалии в геологической структуре. Кристаллические жилы, пустоты, неестественные полости. В идеале: сканирование с орбиты, когда подлетим.

Кристина кивала, подперев щеку кулаком:

— Логично. А если грибница глубже, чем видят дроны? Или маскируется?

— Тогда второе: социальные следы. — Неферит переключила голограмму на схему Вектрополя. — Геоиды внедряются в общество, чтобы разжигать войны и ослаблять население. Нужно искать регионы с неестественно затяжными конфликтами, внезапными предательствами среди знати, странными союзами, которые не имеют смысла. Всё, что пахнет манипуляцией извне. И я уже догадалась для чего нужны грибницы. Это боевой потенциал, чтобы вырезать наиболее стойкое население. А значит, этот потенциал будет направлен туда, где они не смогут разжечь горнило войны.

Над столом всплыли схемы — модель города, линии коммуникаций, отметки правительственных зданий.

— Например, если два соседних королевства веками жили мирно, а потом вдруг начали резать друг друга из-за пустяка — это подозрительно. Если король внезапно сменил советников и начал гонения на магов — подозрительно. Если в регионе участились исчезновения людей, а местные власти это игнорируют — подозрительно вдвойне.

Кристина хмыкнула, и в этом хмыканье слышалось что-то среднее между скепсисом и уважением:

— То есть ты предлагаешь читать местные новости и сплетни? Искать местную «жёлтую прессу»?

— Я предлагаю анализировать информацию, — сухо ответила Неферит. — Су сказала, что в столице должны быть архивы, библиотеки, возможно, магическая академия. Нужно внедриться и изучить историю региона за последние десятилетия. Где были войны? Где случались эпидемии? Где появлялись «проклятые земли» или «обиталища чудовищ»? Всё это — потенциальные точки.

— И третье, самое неприятное. Если грибница уже активирована и начала производить монстров, то значит у нас мало времени. Нужно искать сведения о необычных чудовищах и монстрах и готовиться к худшему.

Кристина допила стакан и поставила его на стол с глухим стуком:

— Неплохо, тактик. Очень неплохо. Три направления поиска: геолого-энергетическое, социальное и мифологическое. Если хоть одно даст зацепку, то мы сузим район. — Она скалилась. — А дальше мой выход. Найду грибницу — разнесу её в щепки. В смысле, в кристаллическую пыль. Будет красиво.

Неферит позволила себе лёгкую улыбку.

— Не спеши. Грибница — это не просто пещера с кристаллами. Это живая структура. Если её повредить неправильно, она может выпустить защитный механизм. Или самоуничтожиться, похоронив тебя. Нужно действовать аккуратно: сначала изучить, потом нейтрализовать.

Она стала серьёзнее и подалась вперёд:

— И ещё. Ты говорила, что сражалась с Геоидами. Расскажи мне о них больше. Не из отчётов. Что ты чувствовала, когда была их? Как они двигаются? Есть ли у них слабости, которые не описаны в файлах? Мне нужно понять их... душу, если она у них есть. Это поможет предсказывать их действия.

Кристина задумалась, наливая себе ещё немного. Её лицо на мгновение стало далёким — там, за гранью настоящего, лежали воспоминания о битвах, о которых она редко рассказывала.

— Душу, говоришь... Ну, слушай. Они странные. Когда дерёшься с ними, ощущение, будто бьёшь по живому камню. Твёрдые, но внутри что-то пульсирует. Как сердце, только не органическое. Двигаются... по-разному. Мелкие — быстро, дёргано, как насекомые. Не угонишься, если не привык. Крупные — медленно, но неотвратимо, как лавина. И знаешь, что я заметила? Они почти никогда не атакуют первыми, если не уверены в победе. Они наблюдатели. Оценивают. Выжидают. Как пауки в засаде.

Она нахмурилась и сделала большой глоток.

— И да, эмоции у них есть. Я видела не только страх. Однажды, когда мы с Виком бились, одна тварь, раненая, истекающая этим своим светящимся дерьмом — прикрыла собой мелкую. Как мать. Понимаешь? Как мать, защищающая детёныша. Вик тогда остановился, посмотрел... но всё же добил. Он сказал: «Это жертвы своей природы. Уничтожать их — необходимость, но не нужно получать от этого удовольствие».

Она замолчала, глядя в стакан так, будто на дне его прятались ответы на вопросы, которые она боялась задать.

— С тех пор я стараюсь не ненавидеть их. Просто делаю работу. Так проще. Ненависть выжигает изнутри.

Неферит молчала, переваривая услышанное. Её пальцы медленно вращали стакан на столе. Где-то в глубине её фиолетовых глаз шла невидимая борьба — между старой ненавистью и новым пониманием.

Наконец она заговорила — тихо, почти шёпотом:

— Я понимаю. Но мне пока трудно... не ненавидеть. Слишком много они у меня отняли. Мой мир. Мою жизнь. Может, когда я увижу их вживую, пойму. А пока... — она подняла стакан, и в этом простом жесте было что-то почти ритуальное, — ...давай выпьем за то, чтобы найти эту грибницу и за то, чтобы уничтожить всех кремниевых тварей. И за то, чтобы вернуться с этой планеты живыми.

Кристина подняла стакан, и стекло звякнуло о стекло — чистый, высокий звук, повисший в тишине пустой столовой:

— За это всегда. И за то, чтобы Вик не натворил там глупостей без нас. А то знаю я его, полезет в самое пекло, герой хренов, а нам потом отдуваться. И за ОРКС. И за новых членов. За тебя, Неф.

— За второй шанс, — тихо ответила Неферит и посмотрела на звезды в окне.

Они выпили. За окном медленно вращалась звёздная спираль — равнодушная, вечная, хранящая в себе миллионы ещё не рассказанных историй. Две женщины сидели в тишине, и между ними незримо крепла связь — не просто боевых товарищей, но тех, кто делит общую боль и общую цель.

Глава 9. Партнеры

Тренировочный отсек «Феникса» в ранний час дышал пустотой и холодным озоном. Силовые поля на стенах мерцали вполсилы, ожидая активации, дроны-регистраторы спали под потолком, свернувшись, как металлические летучие мыши. Голубоватая подсветка заливала арену ровным, стерильным светом, в котором каждое движение казалось чуть более резким, чуть более значительным, чем обычно. Воздух пах разогретыми панелями и чем-то ещё — тем самым запахом, который бывает только в местах, где часто происходят схватки. Запах пота, стали и победы.

Неферит вошла первой — свежая, собранная, как клинок, только что извлечённый из ножен. На ней был облегающий тренировочный костюм тёмно-серого цвета, подчёркивающий каждую линию её фигуры, хищную, текучую грацию, которая была свойственна только ей. Короткие розовые волосы, были убраны сзади в короткий хвостик. Чёлка падала на глаза, придавая взгляду дополнительную остроту. Ни следа вчерашней усталости. Ни тени недосыпа. Хвост плавно покачивался, описывая в воздухе широкие дуги. Острые уши стояли торчком — боевая стойка, перенесённая с полей сражений в тренировочный зал.

Она вышла в центр арены, обвела взглядом пустое помещение и демонстративно, вздохнула:

— Ну конечно. Я прихожу вовремя, как цивилизованное существо, привыкшее к дисциплине и порядку, а эта гора мышц, видимо, ещё дрыхнет после вчерашнего. — Она покачала головой, и в этом жесте было столько же осуждения, сколько и наигранной скорби. — Пунктуальность — удел избранных, не так ли? Но нет, некоторым подавай ещё часок поспать. А потом они удивляются, почему их завоевали.

Она начала разминаться. Движения были плавными, грациозными — почти танец. Наклоны, выпады, растяжка. Каждое движение отточено до автоматизма, но в нём сквозило что-то, что выходило за рамки простой практичности. Она не просто разогревала мышцы — она позировала. Для пустого зала, для дронов, для самой себя. Стойка, полуоборот, взмах хвостом. Хищница, наслаждающаяся собственной формой. Клинок, тоскующий по ножнам и одновременно презирающий их.

Дверь с грохотом открылась — без той мягкой деликатности, с какой обычно работали сенсоры «Феникса». Видимо, Кристина приложила к панели кулак вместо ладони. Ввалилась краснокожая демоница — взлохмаченная, с помятым лицом, в мятой майке, которая явно помнила лучшие времена и, кажется, была надета задом наперёд. Она зевнула, продемонстрировав полный набор острых клыков, и потянулась так, что суставы захрустели вразнобой — шея, плечи, спина, всё сразу.

— Уф-ф-ф... Ну и рань же, хвостатая. Я думала, после вчерашнего ты будешь отлёживаться. Мы ж вчера нормально так посидели. Я, между прочим, ещё час после тебя сидела. Допивала. Размышляла о жизни. Ну, как размышляла — в стакан смотрела.

Неферит не повернула головы. Она продолжала разминку, но теперь её движения стали чуть более резкими — видимо, присутствие Кристины заставило её подсознательно переключиться в режим «показательного выступления».

— Отлёживаться? Я — Великая Неферит. Бывшая разрушительница. Та, кто не боялась ничего и никого. Та, кто не спала сутками во время войны и всё равно выглядела безупречно. А не какая-то там... — она выдержала крошечную, но убийственную паузу перед последним словом, и в этой паузе уместилась целая лекция о социальном неравенстве, — ...ты. Мой организм способен переработать любой яд и восстановиться за часы. В отличие от некоторых, кто, видимо, даже не знает, что такое режим. И что такое расчёска. И что такое «лечь спать до полуночи».

Она наконец повернулась и окинула Кристину оценивающим взглядом — тем самым, которым когда-то оглядывала новобранцев, решая, кто выживет, а кто станет кормом для пустошей. Фиолетовые глаза с голубыми вертикальными зрачками медленно просканировали демоницу с головы до ног. Вердикт был вынесен мгновенно и не подлежал обжалованию.

— Боги, на кого ты похожа. Ты вообще спала или продолжала квасить в одиночестве? От тебя разит, как от винной бочки на солнцепёке. И убери эту... штуку с лица, это называется «причесаться», если ты не в курсе. Я понимаю, что в твоём лексиконе это слово, возможно, отсутствует, но поверь — оно существует. И означает оно «провести расчёской по волосам, чтобы не выглядеть как пугало».

Кристина хмыкнула, ничуть не обижаясь. Она прошла к скамье и принялась разминать плечи:

— Ого, кто-то сегодня с утра в ударе. Слушай, а ты всегда такая... колючая, или только когда нервничаешь? Потому что я заметила закономерность: чем больше ты нервничаешь, тем длиннее у тебя фразы. И тем сложнее в них слова. Сейчас ты сказала «отсутствует» и «лексикон». Для меня это показатели. Ты чего, боишься, что я тебя уделаю?

— Нервничаю? — Неферит вздёрнула подбородок, и фиолетовые глаза вспыхнули. Чёлка качнулась, открывая лоб. — Я просто не привыкла ждать. В моём клане опоздание на тренировку каралось лишением руки. Или публичной поркой. В зависимости от настроения. Моего настроения, разумеется. И, как ты могла заметить, настроение у меня сегодня... не самое благодусное.

Она сделала изящный выпад — один из тех, что Кристина уже видела вчера. Из ладони выскользнул крошечный эфирный клинок, сверкнул в воздухе фиолетовой вспышкой и тут же растворился, словно его и не было. Никакой боевой необходимости в этом жесте не было — чистая демонстрация. Показ мускулов. Только вместо мускулов — эфир.

— Но ты, так уж и быть, прощена. На первый раз. В конце концов, не всем дано чувство времени и ответственности. Кому-то приходится довольствоваться грубой силой и. — она махнула рукой в сторону Кристины, неопределённо, но крайне выразительно, — ...вот этим всем. Этой... общей атмосферой бардака, которую ты приносишь с собой в любое помещение.

Кристина скалилась, разминая кулаки. В её жёлтых глазах загорелся тот самый опасный огонёк, который Неферит уже научилась распознавать — предвестник ярости, смешанной с азартом.

— Ну-ну, продолжай. Мне даже интересно, на сколько тебя хватит. Обычно все после пары моих спаррингов забывают о гоноре: посмотрим, что ты запоешь через час. И сколько слов в твоих фразах останется. Спойлер: обычно остаётся два. «Хватит» и «больно».

Неферит снисходительно улыбнулась — одной из тех улыбок, которые должны были бы вывести из себя кого угодно. Самой кокетливой и одновременно убийственной.

— О, дорогая моя гора мускулов. Ты, кажется, путаешь гонор с врождённым превосходством. Я не «запою». Я буду комментировать каждую твою ошибку. А их будет много. Потому что ты полагаешься на грубую силу, а я. — она провела рукой по воздуху, и вокруг пальцев вспыхнуло фиолетовое сияние, обвивая их, как жидкий шёлк, как ручная молния, — ...я — искусство. Я — стратегия. Я — всё то, чего тебе не хватает, чтобы быть не просто горой мышц, а полноценным бойцом.

Она встала в боевую стойку — элегантную, почти балетную: одна нога чуть впереди, корпус развёрнут, руки подняты с той особой, текучей готовностью, которая была свойственна только тем, кто провёл в боях всю жизнь. Хвост замер, направленный точно в сторону противницы, как дополнительное оружие. Как стрела, готовая сорваться.

— Ну же, Кристина. Покажи мне этот хваленый «прессинг». Только постарайся не запыхаться в первые пять минут. Мне будет скучно. А когда мне скучно, я начинаю придумывать особенно обидные сравнения. И поверь, у меня их арсенал.

Кристина захохотала — громко, раскатисто, совершенно искренне. Смех разнёсся по пустому залу, отразился от стен, вернулся эхом:

— Вот же ж... Ладно, хвостатая. Сама напросилась! И не говори потом, что я тебя не предупреждала!

Она бросилась в атаку. Мощно, быстро, как выпущенный из катапульты камень. Её кулак рассёк воздух с низким, свистящим гулом — и рассёк бы Неферит пополам, если бы та всё ещё стояла на месте. Но Неферит ушла в сторону с грацией танцовщицы, даже не используя эфир. Просто перетекла из одной позиции в другую, позволив Кристине пролететь мимо и едва не врезаться в силовое поле на краю арены. Поле вспыхнуло предупреждающим синим, но демоница устояла на ногах — затормозила в последний момент.

Неферит даже не запыхалась. Она стояла в нескольких метрах, поправляя несуществующую складку на рукаве, всем своим видом выражая скуку высшего существа.

— Видишь? Ты предсказуема. У тебя на лице написано, куда ты будешь бить. За секунду до удара. У тебя там всё: брови, глаза, разворот плеч — кричит: «Сейчас я ударю вот сюда!». Ты когда-нибудь слышала о тактике? О финтах? О том, что противника можно обмануть? Ах да, забыла. Ты же думаешь кулаками. Двумя. О чём это я...

Кристина зарычала, но в этом рыке слышалось скорее веселье, чем злость. Она атаковала снова. На этот раз хитрее: ложный замах правой, резкий выпад левой, подсечка на уровне колен. Движения были быстрыми, отточенными — видно, что она действительно умела драться, а не просто полагалась на силу. Годы тренировок, годы боёв, годы выживания давали о себе знать.

Неферит снова ускользнула. На этот раз ей пришлось чуть больше извернуться — подсечка прошла в миллиметре от её голени, — но лицо осталось всё той же маской скучающего превосходства. Она зевнула — демонстративно, прикрывая рот ладонью.

— Ску-у-учно. Ты вообще стараешься? Или это твой способ усыпить меня, чтобы я потеряла бдительность? Если да, то поздравляю — почти получилось. Я чуть не заснула стоя. Стоя, Кристина. Это новый уровень. Обычно меня усыпляют только долгие речи неудачников, которые пытаются оправдать свои провалы. А ты умудряешься делать это кулаками. Инновационно.

Кристина остановилась. Тяжело дышала — но не от усталости, а скорее от эмоций. Ухмылялась. В жёлтых глазах плясали бесенята. Она упёрла руки в бока и наклонила голову набок.

— А знаешь, что, принцесса? Ты реально бесишь. Реально. У меня уже глаз дёргается. Но в этом что-то есть. Я таких, как ты, ещё не встречала. Обычно люди либо боятся меня и молчат, либо огрызаются и всё равно молчат, когда я на них наступаю. А ты... ты не замолкаешь. И это... — она задумалась, подбирая слово, — ...освежает. Ладно, давай серьёзно. Я включаю настоящий прессинг. Без шуток. Без поддавок. Готова?

— Я всегда готова. — Неферит лениво поправила волосы, заправляя выбившуюся прядь за острое ухо. Жест, которым она пользовалась, чтобы бесить собеседника ещё больше. — В отличие от некоторых, кто сначала машет кулаками, а потом думает. Или не думает вообще, это мы ещё не выяснили. Давай, удиви меня. Хотя бы попытайся. Я постараюсь не заснуть до того, как ты войдёшь в раж.

Кристина сорвалась с места.

Это был другой уровень. Скорость, сила, точность — всё взлетело на порядок. Краснокожая демоница больше не атаковала предсказуемо: её удары шли сериями, с разных углов, с ложными замахами и резкой сменой ритма. Прямой в корпус — ложный. Апперкот — настоящий, но медленнее, чем мог бы быть, чтобы сбить ожидание. Разворот, удар локтем, снова подсечка, на этот раз сдвоенная. Воздух гудел от скорости её движений. Силовые поля на стенах вспыхивали чаще — реагировали на близость ударов.

Неферит пришлось уклоняться всерьёз. Хвост заметался, помогая держать равновесие в самых невероятных уклонках. Острые уши прижались назад — признак предельной концентра-

ции. На лице впервые проступил настоящий азарт, сменивший скучающую маску. Фиолетовые глаза горели ярче, голубые зрачки сузились до тончайших щелей. Она всё ещё улыбалась — но теперь в этой улыбке было что-то хищное.

— О-о-о, кажется, кто-то наконец проснулся. Это уже интереснее. Почти похоже на танец. Ну, на танец медведя. Которого учат балету с переменным успехом. — Её голос всё ещё звучал надменно, но теперь в нём проскальзывало что-то похожее на уважение. — Но всё ещё недостаточно. Смотри, я покажу тебе, как надо. Внимательно. Я не повторяю дважды.

Вокруг её ладони сформировался эфирный хлыст — длинный, гибкий, пульсирующий фиолетовым светом. Она щёлкнула им в воздухе, и звук разнёсся по залу, как удар бича. Резкий, хлёсткий, почти болезненный для ушей. Кристина едва успела отскочить, хлыст рассёк воздух в том месте, где только что было её плечо. На коже остался лёгкий ожог — неопасный, но ощутимый.

— Видишь? Расстояние. Контроль. Ты не можешь достать меня своими кулачищами, а я могу достать тебя вот этим. Это называется «превосходство тактики над грубой силой». Запомни, может, пригодится. Если научишься думать. Что, признаю, маловероятно, но вдруг.

— Ты невыносима, ты в курсе? — прорычала Кристина, но в глазах её плясало веселье, а не ярость. Она даже не пыталась скрыть, что наслаждается происходящим.

Неферит ослепительно улыбнулась — той самой улыбкой, которая была оружием не хуже эфира. Кокетливой, острой, с оттенком превосходства, который должен был бы бесить, но почему-то... не бесил.

— О да. И это моё лучшее качество. По крайней мере, одно из. Ты ещё скажи мне спасибо — я делаю из тебя лучшего бойца, просто находясь рядом. Бесплатно. Цени. Обычно я беру за такие уроки дань. Или головы.

Спарринг продолжался.

Кристина наступала напористо, мощно, как горная лавина. Неферит уклонялась, контратаковала, и каждое её движение сопровождалось комментарием, полным яда, сарказма и странного, высокомерного дружелюбия. Это был не просто бой. Это был диалог — на двух языках одновременно. На языке тела и на языке язвительности.

— Неплохо для того, кто думает спинным мозгом, — бросила Неферит, когда Кристина удачно ушла от эфирного захвата, перекатившись через плечо и мгновенно вскочив на ноги. — Я видела слизней с лучшей реакцией, — прокомментировала она, когда демоница чуть замешкалась с блоком против двойного удара. — О, кажется, ты начинаешь понимать! — почти одобрительно воскликнула она, когда краснокожая провела особенно хитрый манёвр — ложный удар правой, который перетёк в реальный захват левой, едва не поймавший хвост Неферит.

Кристина отгрызалась в ответ, но без злобы, скорее по инерции, словно они уже давно вели этот словесный поединок и просто продолжали игру.

— Заткнись, принцесса, и дерись! Хватит меня гипнотизировать своей болтовнёй!

— О, прости, я думала, мы разговариваем. Ты так громко дышишь, что трудно сосредоточиться.

— Я тебе сейчас так сосредоточусь — будешь неделю эфир собирать по углам!

— Мечтай, краснокожая. Мечтай. Это единственное, что у тебя пока получается хорошо.

Их спарринг постепенно превращался в танец — яростный, стремительный, но странно слаженный. Они уже не просто дрались, они изучали друг друга. Каждая атака, каждое уклонение, каждая контратака были частью безмолвного диалога. Кристина проверяла гибкость Неферит, её способность адаптироваться к грубой силе. Неферит проверяла способность Кристины думать, а не просто бить. И где-то в середине этого диалога они обе поняли: что-то изменилось. Противник перестал быть просто противником. Теперь это был партнёр. Опасный, колючий, временами невыносимый — но партнёр.

Через час они остановились. Обе тяжело дышали — даже Неферит, хотя она ни за что бы в этом не призналась. На её лбу блестела испарина, несколько прядей выбились из хвостика и прилипли к вискам. Тренировочный костюм потемнел от пота. Хвост висел почти безвольно, но фиолетовые глаза всё ещё горели азартом. Кристина опиралась руками о колени, но она совсем не устала, хотя её красная кожа блестела в голубоватом свете арены, как отполированный камень после дождя.

— Ну что, принцесса... — выдохнула она, поднимая голову, — ...всё ещё считаешь, что я «гора мышц без тактики»? Потому что я, кажется, пару раз тебя достала. Признай. Было.

Неферит выпрямилась, откинув со лба прилипшую прядь волос. Жест, полный достоинства, которое не смогли поколебать даже час интенсивного спарринга и испарина на лбу.

— Считаю. Безусловно. Ты всё ещё гора мышц. Большая. Красная. Громкая. Но... — лёгкая заминка, во время которой она, казалось, подбирала слово с той же тщательностью, с какой подбирала оружие перед боем, — ...гора мышц, которая учится. Это уже что-то. Почти комплимент. Не привыкай.

Кристина расхохоталась. Смех разнёсся по пустому залу, отразился от стен, вернулся эхом — громкий, раскатистый, совершенно искренный:

— А ты, хвостатая, всё-таки невыносима. Серьёзно. У меня от тебя уже нервный тик. Но знаешь... — она выпрямилась, отряхнула ладони и протянула руку — не для удара, не для проверки силы, а для пожатия. Открытая ладонь, мозолистая, красная, способная крушить бетон. Сейчас она предлагала не бой, а нечто иное. — ...кажется, мы сработаемся. Ты и я. Бледная хищница и красная гора. Это будет страшно. Для врагов, в смысле.

Неферит посмотрела на протянутую ладонь. На мгновение в фиолетовых глазах мелькнуло что-то похожее на удивление — быстро подавленное, но всё же заметное. Она не привыкла к таким жестам. Но здесь, на «Фениксе», всё было иначе. Здесь протянутая рука означала... партнёрство? Союз? Дружбу? Она ещё не разобралась в терминологии. Затем она пожала руку — крепко, без снисходительности, как равная равной.

— Кажется, да. Посмотрим, что из этого выйдет. Возможно, даже что-то, что не взорвётся через пять минут.

В силовых полях зала что-то тихо щёлкнуло, переключаясь в режим ожидания. Дроны-регистраторы лениво зажужжали, сохраняя запись спарринга. А две фигуры в центре арены — красная скала и бледная хищница — стояли, всё ещё держа рукопожатие, и в этом простом жесте было что-то похожее на обещание.

Глава 10. Первые шаги

База в скалах, ещё недавно бывшая лишь грубо вырезанной пещерой, теперь обрела обжитой вид. Коридор у входа прикрывала маскировочная сетка, искусно имитировавшая выступ скалы. Даже опытный следопыт прошёл бы мимо, не заметив входа. Внутри стены были выровнены плазморезаком до гладкости, по ним тянулись полосы мягкого света — энерго-сберегающие панели. В комнате отдыха, над тактическим столом, мерцала голографическая карта Империи Скуторум и соседних государств. За два месяца она обросла множеством пометок: красные маркеры подозрительной активности, синие точки безопасных маршрутов, жёлтые знаки вопросов на местах, где требовалась дополнительная разведка. Рядом разместился небольшой кухонный модуль, пара походных кресел, ящик с припасами. Медотсек Су скрылся за плотной занавесью из местной ткани — оттуда едва уловимо пахло травами и антисептиком. Запах был сложный, многогранный: горькая полынь, сладковатый донник, что-то металлическое и что-то, чему названия не существовало ни в одном языке.

Вик стоял у тактического стола, изучая только что полученный пакет данных. Его зелёные глаза быстро пробежали по строкам аналитического отчёта, который Неферит отправила с «Феникса». На нём была простая туника из грубой ткани, кожаные сандалии на ремешках — одежда гладиатора, но уже с несколькими знаками отличия, говорившими о растущей репутации. Три серебряных полосы на плече — отметка «серебряного меча». Несколько ритуальных шрамов на предплечье, нанесённых по местному обычаю. В этой одежде, в этом теле, с этими шрамами он выглядел почти местным. Только глаза выдавали — слишком зелёные, слишком яркие, слишком древние для простого варвара с восточных земель.

Су сидела в углу на походном стуле, облачённая в скромное серое платье с капюшоном — одежду городской знахарки, не привлекающую лишнего внимания. Ткань была грубой, но чистой, а капюшон сейчас был откинут, открывая лицо с тонкой сеткой тёмных жилок. Руки держали чашку с травяным отваром, пар от которого поднимался тонкой струйкой в прохладном воздухе пещеры. Жёлтые глаза внимательно следили за Виком — она ждала, когда он закончит читать. В её взгляде читалось то особое выражение, какое бывает у врача, ожидающего результаты анализов: профессиональное любопытство, смешанное с толикой тревоги.

Дверной проём, завешенный маскировочной сеткой, колыхнулся, и внутрь вбежала Муо — запыхавшаяся, в пыльном дорожном плаще поверх красного комбинезона, с неизменным рюкзаком за плечами. На поясе позвякивал короткий меч и кошель с местными монетами. Щёки покраснелись от бега, белые волосы растрепались, а голубые глаза сияли тем особым блеском, который появлялся у неё только тогда, когда происходило что-то интересное.

— Я успела? Данные пришли? Что пишет Неф? Она уже нашла грибницу? Она нас ругает за реку? — Муо на бегу чуть не споткнулась о порожек, но выправилась, ухватившись за косяк.

Вик не оторвал взгляда от голограммы. Его губы дрогнули в усмешке, которая означала, что он доволен, но не хочет показывать этого слишком явно:

— Успела. Садись. И не части — ты сейчас пар из ушей пустишь. — Он провёл рукой, увеличивая фрагмент отчёта. Голограмма послушно развернулась, заполняя пространство над столом. — Наша хвостатая тактик времени даром не теряет. День полёта, а она уже выдала анализ, который я бы делал неделю. Смотрите: анализ Геоидов, их связь с кристаллами и геоло-

гическими отложениями, рекомендации по поиску грибницы. И главное — она подтверждает: кристаллы ей знакомы. А это значит, что у неё теперь больше мотивации.

Су поставила чашку на край стола с тихим стуком и подошла ближе. Её лицо осталось спокойным, но в жёлтых глазах мелькнула тень понимания. И одновременно что-то ещё. Что-то похожее на... узнавание? Сочувствие?

— Значит, наша миссия имеет для неё личное измерение. Это меняет дело. — Она обхватила чашку обеими ладонями, грея пальцы. — Личная мотивация — мощный двигатель, но и опасный. Я видела, как люди горели в бою, движимые мезстью, и сторали быстрее, чем враг успевал нанести удар. Нужно будет следить за её состоянием, когда она прибудет. И за уровнем эфира особенно.

Муо тем временем забралась на свободный стул с ногами, поджав их под себя, и уже листала копию отчёта на своём планшете. Её глаза быстро бегали по строчкам, а губы шевелились, беззвучно проговаривая прочитанное:

— Ой, она там ещё пишет про нашу базу! Что мы пропустили реку в километре восточнее и возвышенность для ретранслятора! — Она хихикнула, и звук этот разнёсся по пещере лёгким эхом. — Пишет: «Рекомендую установить ретранслятор на возвышенности к северу от базы, это сократит задержку связи». И ещё: «Река не отмечена как источник воды, прошу уточнить, это намеренное решение или упущение разведки». — Муо подняла взгляд от планшета и улыбнулась. — Вредная она. Но умная. И пишет красиво. Как в книгах. «Намеренное решение или упущение разведки» — так вежливо, но так обидно.

Уголок губ Вика пополз вверх, и в тусклом свете пещеры блеснули его зубы:

— Умная — да. И надменная, как патрицианка, которой подали не тот сорт вина. Я с ней всего сутки провёл, а уже понял: эта женщина считает себя умнее всех в галактике. И, что самое противное, часто оказывается права. Ладно, с этим разберёмся. Су, что у нас по реке? Действительно упустили? Или было принято осознанное решение?

Су чуть склонила голову — жест, заменявший ей пожимание плечами:

— Я заметила реку на вторые сутки после высадки, но сочла, что брать воду из неё рискованно. Местная экосистема не изучена: могут быть паразиты, магическое загрязнение. У нас пока хватает привезённых запасов и системы рециркуляции — капсула рассчитана на тридцать суток полной автономии, а мы расходует экономно. Но на будущее, если планируем оставаться здесь дольше, чем на год, — можно установить фильтрационную станцию с тройной очисткой. Я такой пользовалась уже, когда мы сидели в болотах. Работает безотказно. — Она помолчала, сделала глоток отвара. — Что касается возвышенности... Муо, сможешь скрытно установить там ретранслятор? Неферит права: задержка связи действительно сократится, если поднять передатчик метров на двести над уровнем базы.

— Легко! — Муо кивнула, и её короткие белые волосы запрыгали вокруг лица. — Сегодня же ночью сгоняю. Маскировочная плёнка у меня ещё есть, я её сэкономила как раз для такого случая. Оберну передатчик, замаскирую под старый пенёк — никто не заметит, даже маги, если они там есть. Даже днём пройдут мимо и не увидят. У меня, знаете ли, опыт. Я как-то на Арктуре-7 замаскировала целую антенну под дерево. Местные неделю ходили мимо и думали, что это просто кривая сосна. — Она уже прикидывала в уме маршрут, и её пальцы чертили в воздухе невидимые линии. — Только мне нужен час, чтобы дойти, и ещё час на установку. К утру вернусь. Су, дашь мне отвар от усталости на всякий случай?

— Добро. — Вик выпрямился и переключил голограмму на карту Империи Скуторум. — Теперь о главном. За два месяца мы многое узнали. Пора отправлять Неферит полный отчёт. Пусть анализирует и готовит план к нашему воссоединению через... — он прикинул в уме, — ...шесть или восемь месяцев по-местному. Или через полторы недели по-корабельному. Релятивистская хренотень, от которой у меня до сих пор мозги закипают. Муо, готова докладывать?

Муо выпрямилась на стуле, достала планшет и стала удивительно серьёзной — той серьёзностью, которая всегда появлялась у неё, когда дело касалось работы. Её лицо разгладилось, голубые глаза перестали сиять детским восторгом и загорелись профессиональным азартом

— Да! Записывай, командир. Или я сама надиктую для Неф?

— Давай по порядку. Я расскажу про арену и политику. Ты — про гильдию и разведку. Су — про местную медицину и слухи. Потом скомпилируем и отправим. Начинай, Муо. И постарайся уложиться — канал связи не резиновый, а Неферит, как ты заметила, любит точность.

Муо активировала запись, прокашлялась и заговорила — уже не тем щебечущим голоском, каким просила сок в баре, а по-деловому, чётко, как настоящий разведчик. В пещере стало тихо, только её голос разносился под каменными сводами:

— Значит так, Неф. Привет тебе с Форго-3. У нас тут уже два месяца прошло, а у тебя, наверное, ещё пара дней. Странно это, да? Ладно, к делу.

Она переключила изображение на планшете, и над тактическим столом развернулась подробная карта Империи.

— Я вступила в местную гильдию авантюристов в Вектрополе. Она называется «Союз Ищущих» — что-то среднее между наёмниками, охотниками на монстров и курьерами. Берут всех: зверолодей, полукровок, даже таких, как я, с подозрительной внешностью. У них система рангов: медный, бронзовый, серебряный, золотой, мифриловый. Чтобы получить следующий ранг, нужно выполнить определённое количество заданий и получить рекомендации от старших. Я пока бронзовая — выполняла простые задания, чтобы не привлекать внимания: сопровождение караванов, поиск пропавшего скота, зачистка подвалов от гигантских крыс. — Она поморщилась, и нос её забавно сморщился. — Крысы там реально гигантские. С собаку размером. И воняют. Но не монстры, просто мутировавшая фауна. Местные говорят, что это из-за магии, но я думаю, что просто экология такая.

Она увеличила фрагмент карты:

— Благодаря гильдии я получила доступ к картам и закрытым архивам. Империя Скуторум — вот она. Крупная держава, почти вся равнинная. Прерии, редкие леса, несколько горных гряд на севере, у границы с Тетоникусом. Климат тёплый, субтропический — у них тут вечное лето. Основные дороги: *Via Principalis* — главный тракт с севера на юг, соединяет столицу с портовыми городами. Ещё две дороги помельче идут от Вектрополя на восток — *Via Orientis Minor* и *Via Meridiana*. Остальное — укатанный грунт, в сезон дождей превращается в непролазную грязь. Местные используют лошадей, повозки и иногда ручных виверн для быстрой связи.

Она переключилась на детальную схему столицы и над столом поплыла огромная карта города, окружённого стенами:

— Вектрополь — огромный город. Население около полумиллиона, если верить местным записям. Есть стены высотой метров пятнадцать, акведуки, термы, форум, несколько рынков. И арена — Колоссеум Скуторис — вмещает до восьмидесяти тысяч зрителей. Там наш командир и машет мечом. — Она улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной. — Деньги тут такие: медные ассы, серебряные сестерции, золотые ауреусы. Один ауреус — это двадцать пять сестерциев, а сестерций — четыре асса. Для понимания: буханка хлеба стоит один асс, комната в дешёвой таверне на ночь — два сестерция, хороший меч — около пятидесяти ауреусов. Рабносильщик — от ста до пятисот ауреусов в зависимости от силы и навыков. Гладиаторы вроде Вика стоят тысячи, если они знамениты. Наш командир уже стоит около трёх тысяч ауреусов, если верить букмекерам. Я проверяла.

Она перешла к следующему слайду — карте сопредельных государств:

— Теперь о соседях. Сухопутная граница только на востоке. Там три страны: Королевство Тетоникус — горцы, суровые ребята, живут в крепостях на скалах, воюют с Империей каждые лет десять. Сплендорф — богатое королевство, славятся магами и алхимиками, у них там своя Академия, даже круче имперской. Моферунд — федерация вольных городов, торговая республика. С ними у Империи вооружённый нейтралитет: торгуют, но друг другу не доверяют. Между ними спорные территории, где никто не живёт, кроме монстров и разбойников.

Она сделала паузу, и голос её стал чуть тише — та часть доклада явно тревожила её больше всего:

— И самое интересное: монстры и нелюди. Местные называют их «проклятыми расами» или «детьми бездны». Есть зверолоды — их терпят, но не любят, часто обращают в рабство. Есть полукровки с демоническими чертами — этих боятся и стараются изгонять. Есть эльфы — но не такие, как в играх, а дикие, лесные, они почти не контактируют с людьми. И есть настоящие монстры: гарпии, мантикоры, виверны, гигантские пауки. Они живут в диких землях. Гильдия на них охотится за награду. Но, что важно — некоторые монстры выглядят как люди, только с неестественными глазами или движениями. Местные называют их «подменшами» и сжигают на кострах. Я пометила несколько случаев в восточных провинциях — надо будет проверить.

Она закончила запись и посмотрела на Вика, ожидая его части доклада. Её глаза снова стали огромными и немного испуганными — роль разведчика давалась ей хорошо, но каждый раз, когда она думала о том, с чем они могут столкнуться, в душе просыпался тот самый маленький запуганный демон, каким она была когда-то.

Вик поднялся, обошёл тактический стол и начал диктовать — медленно, размеренно. В этой части пещеры голос его звучал глухо, но каждое слово было весомым, как камень, уложенный в стену:

— Неф, слушай внимательно. Я внедрился в гладиаторскую школу, одну из крупнейших в Вектрополе. Моя легенда: варвар с далёких восточных земель. Мои способности позволяют не скрывать неуязвимость — здесь это принимают за благословение богов или мощную магию. Местные уже шепчутся, что я любимец бога войны. За два месяца я прошёл путь от новичка, которого все списывали со счетов, до «восходящей звезды». Сейчас мой ранг — «серебряный меч», скоро будет «золотой». Если всё пойдёт по плану, через месяц я буду уже рядом с императором.

Он остановился у голограммы арены, которая развернулась над столом — огромный овал, окружённый ярусами зрительских мест. Схема была детальной: ложи патрициев, императорская трибуна, выходы для зверей, подземные камеры для гладиаторов.

— Арена — это не просто развлечение. Это политический инструмент. Император Нерон Клавдий Скутор — да, его правда так зовут, и нет, это не смешно, особенно когда он рядом, — использует игры, чтобы контролировать плебс и демонстрировать силу знати. Патриции соревнуются, чьи гладиаторы лучше, тратят целые состояния на их подготовку. Я уже привлек внимание нескольких влиятельных домов: дом Флавиев — военная элита, дом Корнелиев — старые деньги и землевладельцы, и дом Валериев — новая знать, разбогатевшая на торговле. Через них я получаю доступ к закрытой информации. Флавии обсуждают войну с Тетоникусом. Корнелии шепчутся о странных смертях в сенате. Валерии предлагают мне контракт на следующий большой турнир. Всё это — ниточки, за которые можно потянуть.

Он переключил голограмму на схему императорского дворца — величественного здания с колоннадами, внутренними садами и лабиринтом коридоров.

— Император — фигура противоречивая. Не молод, около пятидесяти, амбициозен, но подозрителен до паранойи. Постоянно меняет советников, казнит приближённых по малейшему подозрению. В прошлом году казнил своего лучшего полководца Марка Корвина за «сговор с Тетоникусом». Все знали, что Корвин был предан Империи до мозга костей. Это похоже на паранойю... или на то, что кто-то из окружения императора нашептывает ему ложь. Возможно, Геонид. Нужно копать глубже. Я планирую попасть на приём во дворец после следующего турнира — как только выиграю, а я, конечно, выиграю, меня пригласят.

Он вернулся к карте Империи, увеличив сектор с сельскими территориями:

— Рабство здесь основа экономики. Треть населения — рабы или вольноотпущенники. Рабы работают на полях, в рудниках, в домах знати, на арене. Гладиаторы тоже рабы, но с особым статусом: мы ценный товар, нас кормят, тренируют, лечат. Успешный гладиатор может выкупить свободу и стать вольноотпущенником. Многие потом остаются в школе как тренеры или уходят в наёмники. Я планирую добиться этого через пару месяцев, чтобы иметь больше свободы передвижения. Сейчас каждый выход в город это согласование с ланистой. Свободный гладиатор может ходить куда угодно.

Он сделал паузу и переключился на бытовые зарисовки:

— Быт простого люда: крестьяне живут в деревнях из глинобитных хижин, питаются кашей из полбы, овощами, иногда рыбой или мясом. Городские плебеи ютятся в инсулах — многоэтажных доходных домах, где на первом этаже лавки, выше — квартиры. Богатые патриции живут в домусах — особняках с внутренними двориками, фонтанами, мозаиками. Термы — общественные бани, центр социальной жизни. Форум — рынок и место собраний. Религия — пантеон богов. Есть ещё культ «Нерождённого Бога», но о нём пусть Су расскажет.

Он посмотрел прямо в записывающее устройство, и его зелёные глаза вспыхнули тем самым светом, который Неферит видела в первую ночь у костра.

Су поднялась и сменила Вика у записывающего устройства. Она отставила чашку, поправила платье и встала так, чтобы её лицо было хорошо видно на записи. Её движения были

плавными, как всегда, а голос — спокойным и размеренным, словно она диктовала медицинский протокол. И в каком-то смысле так и было.

— Я обосновалась в квартале знахарей под видом травницы и алхимика. Моя легенда: целительница из Сплendorфа, путешествующая в поисках знаний. Местная медицина примитивна: кровопускания, припарки из грязи, молитвы богам, иногда ампутации без наркоза. Мои методы — травы, настойки и немного «магии», на самом деле, синтез простых лекарств из окружающей среды — быстро принесли мне репутацию искусной лекарки. Ко мне приходят и бедняки, которым нечем платить, и слуги патрициев, которым нужна деликатность. Через них я собираю слухи. Очень много слухов.

Она вывела на голограмму несколько изображений — травы, схемы магических кругов, анатомические зарисовки местных жителей.

— Местная магия существует, и она действительно связана с эфиром, хоть и называют её иначе — «поток», «искра», «дар богов». Маги здесь не редки, их обучают в Академии Арканум в Вектрополе, под строгим контролем Империи. Неконтролируемых магов называют «дикими» и либо уничтожают, либо принуждают к службе в имперских легионах. Маги здесь специализируются: огонь, вода, земля, воздух, ментальная магия, иногда — исцеление. Но их понимание эфира фрагментарно, они действуют через ритуалы и заклинания, а не через прямую волю, как ты. Я заметила, что у некоторых одарённых есть аномалии, похожие на эфирное истощение: дрожь в пальцах, неконтролируемые выбросы, быстрая утомляемость. Возможно, кристаллы уже где-то прорастают, отравляя магический фон.

Она показала карту города с красными отметками.

— Слухи о «подменышах» участились в последние полгода. В основном в бедных кварталах и пригородах. Люди пропадают на несколько дней, а потом возвращаются «другими» — так говорят соседи. Изменяется походка, голос, привычки. Я проверила два случая. В одном, вероятно, просто психическое расстройство: женщина пережила смерть мужа и потеряла рассудок. Но во втором... — она сделала паузу, и её голос стал жёстче, — ...во втором случае женщина двигалась странно: слишком плавно, слишком механически. Её кожа была неестественно гладкой и холодной на ощупь, как полированный камень. Я не успела взять образцы — её сожгли до моего прихода. Толпа. Суеверия. Соседи сказали, что она «смотрела сквозь них».

Она сделала глоток остывшего отвара и продолжила — теперь с тенью тревоги в голосе:

— Ещё один важный момент: в Империи существует культ «Нерождённого Бога». Подпольная секта, верящая, что истинные хозяева мира придут из-за звёзд и изменят реальность. Их пророчества говорят о «каменных ангелах», которые спустятся с небес и очистят мир от скверны. Они поклоняются кристаллам, которые называют «слезами богов» или «искрами творения». Думаю, это прямое влияние Геоидов или их агентура, работающая с местным населением. Секта запрещена официально, но имеет последователей даже среди знати. Я пытаюсь внедриться через пациентов, но осторожно — они параноидальные и проверяют новичков. Одна женщина рассказала мне, что на собраниях они пьют какой-то раствор и «видят истину». Скорее всего пыль, вызывающая галлюцинации и привыкание. Возможно какая то новая технология контроля.

Она закончила запись, и в пещере повисла тишина — густая, наполненная тревожными мыслями. Отвар в чашке совсем остыл, но Су не замечала этого. Её жёлтые глаза смотрели куда-то в темноту.

Вик объединил все три доклада, добавил карты, схемы, пометки. Его пальцы быстро скользили по голографической панели, компилируя итоговый пакет. Красные маркеры — подозрительная активность. Синие — безопасные маршруты. Жёлтые — требуется проверка. Зелёные — подтверждённые данные. Карта пестрела, как лоскутное одеяло.

— Итоговый пакет для Неферит. Пусть анализирует: связи между домами, слухи о подмёншах, активность секты, географию возможных точек прорастания грибницы. Возможно, она увидит закономерности, которые мы упускаем. У неё свежий взгляд и мозги, не замыленные местной рутинной. — Он на мгновение замолчал, глядя на мигающий значок передачи. — Пусть не торопится. У нас есть время еще. Но когда она придёт, мы должны быть готовы действовать быстро.

Муо активировала передатчик. Данные ушли через ретранслятор — пока ещё старый, тот, что стоял у входа в пещеру, — за пределы орбиты, где через несколько часов их перехватит «Феникс» в подпространстве. На планшете Муо загорелся зелёный индикатор успешной отправки.

— Отправлено! — Она сладко потянулась, хрустнув суставами. — Теперь ждать ответа. — Зевок, широкий и искренний. — Я спать. Завтра в гильдии новый квест — надо разобраться с виверной, что повадилась таскать овец у одной деревни. Скукота. Овцы, виверна, крестьяне с вилами... Хочу уже нормальных Геоидов искать! Настоящих!

Су встала, забирая пустую чашку:

— Всему своё время, Муо. Мы закладываем фундамент. Разведка, сбор данных, налаживание контактов — это девяносто процентов успеха. Остальные десять, собственно — бой. Неферит и Крис оценят нашу работу. А если нет, Кристина всё равно будет слишком занята, чтобы ворчать. Ей бы только кулаками махать.

Вик кивнул, глядя на гаснущую голограмму. Тактический стол медленно сворачивал карты, схемы, доклады — всё, что они собирали два месяца, теперь сжималось в крошечный пакет данных, летящий через пустоту космоса к их хвостатому тактику. Где-то далеко, на борту «Феникса», Неферит через день получит эти данные. А для них здесь, в мире магии и средневековья, пройдёт ещё месяц. Месяц, за который нужно сделать ещё больше. Месяц, за который нужно подобраться к императору, внедриться в секту, проверить подозрительные случаи. Месяц, который может стать решающим.

Муо уже нырнула за занавесь, отделявшую её крошечную спальную нишу. Оттуда донеслось шуршание — она заворачивалась в одеяло. Су заваривала себе новую порцию травяного отвара, и пар медленно поднимался к каменному потолку, смешиваясь с прохладным воздухом пещеры. А Вик стоял у входа, глядя в темноту за маскировочной сеткой, туда, где над скалами загорались две луны. Голубая, большая, низко висящая над горизонтом. И жёлтая, маленькая, робко выглядывающая из-за спины старшей сестры.

Су, не оборачиваясь, тихо произнесла:

— Ты думаешь о ней.

Это был не вопрос.

Вик не ответил. Но его пальцы перестали тянуться к пустому нагрудному карману. И в зелёных глазах, отражавших свет двух лун, мелькнуло что-то, чему не было названия.

Глава 11. Среди звезд

Голографический стол в центре тактического отсека мерцал, разворачивая над своей поверхностью целую вселенную: карту Империи Скуторум, трёхмерную модель Вектрополя, схемы гладиаторской арены, портреты ключевых фигур и длинные столбцы текстовых отчётов. Рядом висели отдельные окна — геологическое сканирование равнины, пометки Су о «подмёнышах», краткая история войн за последние десять лет, собранная Муо. Синий свет голограмм заливал отсек, и в этом свете лицо Неферит казалось вырезанным из алебаstra — бледным, хищным, прекрасным.

За столом, поджав под себя ноги, сидела Неферит. Чёрный матовый костюм обтягивал тело как вторая кожа, шипы на плечах тускло поблёскивали в холодном свете голограмм. Фиолетовые глаза с голубыми вертикальными зрачками быстро бегали по строкам отчёта, выхватывая ключевые слова. Она сидела так уже третий час, и за это время не проронила ни слова — только иногда тихо фыркала, натываясь на особенно нелепые строки.

Кристина развалилась в кресле напротив, закинув ноги на край стола. В руке был неизменный стакан с чем-то янтарным, на этот раз, кажется, разбавленным водой. То ли похмелье давало о себе знать, то ли Су перед уходом успела провести воспитательную беседу о вреде алкоголя. Скорее второе. Кристина наблюдала за Неферит с тем ленивым любопытством, с каким сытый лев наблюдает за мышью. Наконец ей надоело ждать.

— Ну что, хвостатая, изучила? — Она сделала глоток и поморщилась. — Что скажешь про нашего командира-гладиатора? По-моему, гениальный план. Я бы сама так сделала, если бы могла притворяться человеком.

Неферит оторвалась от голограммы. Медленно, очень медленно, словно само движение требовало невероятных усилий, она подняла голову и посмотрела на Кристину. На её лице появилось выражение такого глубочайшего скепсиса, что, будь оно оружием, пробило бы броню линкора. Она пару раз моргнула, затем издала короткий смешок — холодный, резкий, словно звон разбитого стекла о каменный пол.

— Гладиатор. — Она произнесла это слово так, будто оно было ругательством на мёртвом языке. — Он. Решил. Стать. Гладиатором. — Каждое слово было отделено паузой, как удары молотка по гвоздю. — Я, конечно, всё понимаю. Он — бессмертная машина разрушения. Он способен голыми руками разорвать всё, что попадётся под руку, включая, я подозреваю, небольшие луны. Но это? Это его великий план? Махать деревянным мечом на потеху толпе, как какой-то... как... — она не нашла подходящего оскорбления и просто взмахнула рукой, словно отметая саму идею как нечто недостойное обсуждения.

Она поднялась и начала расхаживать вокруг стола. Хвост хлестал воздух.

— Это настолько нелепо, что могло прийти в голову только, я подозреваю, ему. Или тебе, Кристина. Вы с ним мыслите одинаково... как бы это помягче выразить... прямолинейно. Как два тарана, которые видят стену и думают: «О, стена! Надо бить!». И бьют. И стена рано или поздно ломается. Но знаешь, что? Есть другие способы. Можно обойти стену. Можно сделать подкоп. Можно убедить того, кто за стеной, что ему выгоднее открыть ворота. А можно... — она остановилась и посмотрела на Кристину с выражением учителя, уставшего от непонятливого

ученика, — ...можно вообще не связываться со стеной, а найти того, кто её построил, и, ладно, это слишком сложная метафора для тебя. Забудь.

Кристина хмыкнула, ничуть не задеваясь:

— Именно благодаря это нелепости, мы все выжили и все в ОРКС, включая тебя, уголек. И, вообще-то это классика. Внедрение через арену — древний как мир способ. Становишься знаменитым, на тебя обращают внимание знатные вельможи, получаешь доступ в высшее общество. Что тут нелепого? Вик уже «серебряный меч», скоро будет «золотой». К нему уже подкатывают три влиятельных дома. Через пару месяцев он получит аудиенцию у императора. По-моему, план работает.

— Нелепо то, — процедила Неферит, — что он существо, способное, вероятно, в одиночку уничтожить армию, — притворяется рабом с деревянным мечом. Это всё равно что... — она задумалась, подбирая сравнение, — ...что дракону притворяться ящерицей. Унизительно. Для дракона. И для ящерицы. И для всех, кто на это смотрит.

Она фыркнула и снова уселась за стол, поджав ноги. На лице застыло всё то же выражение превосходства, но теперь к нему примешивалось что-то ещё — что-то похожее на неохотное признание.

— Хотя... — голос стал чуть менее язвительным, словно она делала одолжение, произнося эти слова, — ...надо признать, в этом что-то есть. Местная аристократия помешана на гладиаторах. Это видно из отчётов. Для них гладиатор — не просто раб, а что-то вроде... рок-звезды, только в сандалиях. Если он станет чемпионом, перед ним откроются двери любого дома. Он сможет наблюдать за элитой изнутри, выявлять Геоидов среди них, влиять на решения. Грубо, топорно, без малейшего изящества, но... возможно, сработает. Не то чтобы я ожидала от него утончённой интриги, это было с нашей встречи ещё понятно. Он, в конце концов, мужлан с сигарой, который называет меня «дорогушей». Какая уж тут утончённость.

Она вернулась к изучению данных, и её пальцы быстро забегали по сенсорной панели. Над столом возникли новые голографические окна — отчёты о «подменышах», собранные Су.

— Что действительно важно и на чём вам всем стоит сосредоточиться, вместо того чтобы восторгаться гладиаторскими подвигами, — это так называемые «подменыши». Местные сжигают их на кострах, считая чудовищами в человеческом обличье. Су зафиксировала несколько случаев, в основном в бедных кварталах и пригородах. Люди пропадают, потом возвращаются «другими». Изменяется походка, голос, привычки. И ты, и Муо, и даже сам Вик, кажется, подозреваете, что это могут быть Геоиды с неудачной мимикрией. Я права?

— Ну да. А что, не похоже? — Кристина отставила стакан и подалась вперёд. — Двигаются странно, кожа холодная, эмоции не соответствуют... По всем признакам — неудачная мимикрия.

— Нет. Не похоже. Совершенно. — Неферит резко перебила её и увеличила фрагмент отчёта. Голограмма развернулась, показывая сравнительную таблицу характеристик. — Смотри сюда, гора мышц. Я прочитала архивы ОРКС вдоль и поперёк. Даже самый слабый Геоид, категория «минимальная угроза», способен в одиночку перебить роту рыцарей или отряд любой другой вооруженный отряд. Роту, Кристина. Это десятки подготовленных бойцов в полном вооружении. А этих «подменшей» ловит и сжигает толпа крестьян с вилами и факелами. Ты правда веришь, что существо, способное разорвать человека голыми руками, позволит себя схватить? Что оно будет кричать, молить о пощаде и гореть на костре, даже не попытавшись прорваться?

Она откинулась на спинку, скрестив руки на груди, и в этом жесте было столько же торжества, сколько и презрения:

— Это не Геоиды. Это просто люди. С психическими расстройствами, неврологическими заболеваниями или, возможно, жертвы магических аномалий. А местные, в своём дремучем невежестве, приписывают им демоническую природу и тащат на костёр. Что, кстати, вполне может быть следствием воздействия кристаллов — они способны вызывать мутации и повреждения нервной системы. Это не Геоиды. Это побочный ущерб.

Она перевела взгляд на другой блок данных, и её голос снова стал деловым:

— А вот что действительно заслуживает внимания — это «секта Нерождённого Бога», о которой упомянула Су. Подпольный культ, поклоняющийся кристаллам — тем самым фиолетовым, — которые они называют «слезами богов» или «искрами творения». То же мне, искры. Секретные собрания, странные ритуалы, последователи среди знати... Вот это уже похоже на классическую схему внедрения. Я читала об этом в архивах. Они часто создают культы, чтобы манипулировать населением изнутри. Обещают просветление, силу, бессмертие. Раздают кристаллы, вызывающие привыкание. А потом, когда секта разрастается, начинают разжигать войны, устраивать диверсии, ослаблять государство. Если Су сможет внедриться в секту или хотя бы выйти на её след — это даст нам куда больше, чем охота на несчастных больных, которых местные называют «подменышами». Вот только это все не похоже на только что открывшийся портал

Кристина кивнула, делая глоток:

— Логично. Значит, подменыши ложный след, а секта — настоящий. Запишем. Или ты уже записала?

— Не «запишем», а уже записала. Ещё час назад. Я веду аналитический журнал, в отличие от некоторых, которые ведут только счёт выпитым стаканам. — Неферит переключила голограмму на новый блок данных. — Теперь история войн за последние десять лет. Муо прислала выжимку из архивов Империи. Весьма... познавательно. Приготовься, сейчас я буду читать вслух. Это займёт некоторое время, но я хочу, чтобы ты тоже услышала. Вдруг в твоей голове, забитой мышцами и рецептами коктейлей, найдётся место для одной-единственной полезной мысли.

Она пробежала глазами по строкам и начала зачитывать с выражением глубокого сарказма. Её голос звучал как голос диктора, читающего сводку новостей о конце света.

— Итак. Десять лет назад. Империя Скуторум под предводительством тогдашнего императора — некоего Тиберия Клавдия Скутора, отца нынешнего правителя, — начинает «Великий Восточный Поход» против Королевства Тетоникус. Официальная причина: пограничный конфликт из-за спорных серебряных рудников в предгорьях. Война длится три года. Империя теряет два легиона в горах — два легиона, Кристина, это около десяти тысяч солдат, но в итоге захватывает рудники. Тетоникус отступает, но не сдаётся. — Она пролистнула дальше. — Два года назад. Внезапное предательство. Полководец Марк Валерий, герой войны с Тетоникусом, тот самый, что захватил рудники, поднимает мятеж против нового императора Нерона, который только взшёл на трон после загадочной смерти отца. Причина мятежа: «восстановление справедливости и очищение трона от скверны». Интересный выбор слов, не находишь? «Скверна». Мятеж длится год, опустошая центральные провинции. Войска Валерия доходят

почти до стен Вектрополя, но в решающий момент его предаёт собственный союзник — герцог Северных Пределов. Валерий казнён, его семья уничтожена, его имя вычеркнуто из хроник. — Она хмыкнула. — Год назад. «Война Торговых Путей» с Моферундом. Якобы из-за пиратства и пошлин. На самом деле — попытка Империи установить контроль над ключевыми портами восточного побережья. Война длится полгода, заканчивается ничьей и мирным договором. Но за это время обе стороны теряют десятки кораблей и тысячи людей.

Она оторвалась от текста и посмотрела на Кристину долгим, многозначительным взглядом:

— И наконец, самое интересное. Год назад. В Сплendorфе, богатом королевстве магов и алхимиков, происходит дворцовый переворот. Королевская семья свергнута — причём не просто свергнута, а полностью уничтожена, включая дальних родственников и детей, — и к власти приходит Совет Архимагов, который немедленно разрывает все договоры с Империей и объявляет о «новой эре изоляции». Официальная версия: король был тираном, угнетавшим магическое сословие. Неофициальная — и её придерживается Су, а я склонна ей верить — переворот организован извне с целью дестабилизировать регион. Кому выгодна изоляция сильнейшего магического королевства? Только тем, кто хочет, чтобы никто не вмешался в их дела.

Она откинулась на спинку, скрестив руки на груди, и на её лице появилось выражение глубокого удовлетворения — словно у кошки, которая не только обнаружила мышиную нору, но и составила подробную карту мышинных маршрутов:

— За короткий срок — три полномасштабные войны, один кровавый мятеж и один дворцовый переворот. И это только то, что зафиксировано в хрониках. А сколько мелких конфликтов, пограничных стычек, убийств аристократов, исчезновений целых деревень? Это не просто «нестабильный регион». Твари стравливают государства, разжигают внутренние конфликты, ослабляют всех, чтобы потом, когда сопротивление будет минимальным, начать терраформирование.

Она встала и подошла к голограмме, увеличивая карту. Хвост замер, острые уши встали торчком:

— Смотри. Я сопоставила географию конфликтов с возможными зонами кремниевой активности. Война с Тетоникусом началась из-за рудников в горах. Рудники — это подземные выработки, шахты, туннели. Неплохое место для скрытого размещения грибницы. Мятеж Валерия: герой войны внезапно предаёт императора. Что, если он столкнулся с чем-то в тех самых горах? Увидел то, что не должен был? Или, наоборот, сам был завербован Геоидами — вспомни, его семья уничтожена, а это классический приём: заставить человека делать то, что нужно, угрожая близким. Или наоборот — он пытался остановить Геоидов, а они использовали герцога, чтобы предать его. Война с Моферундом: контроль над портами. Порты — это возможность перемещать ресурсы и образцы. Переворот в Сплendorфе: магическое королевство изолируется. Что, если Совет Архимагов обнаружил угрозу и пытается защититься? Или, наоборот, Совет уже под контролем тварей, и изоляция — способ скрыть их деятельность?

Она начала расхаживать вокруг стола, и каждое её слово звучало как удар хлыста:

— Это не случайные совпадения. Это система. Кто-то планомерно ослабляет регион. Кто-то стравливает Империю с соседями, провоцирует внутренние конфликты, устраняет потен-

циальных союзников. И я готова поставить свой хвост на то, что этот «кто-то» — наши кремниевые друзья.

Она остановилась и посмотрела на Кристину с выражением мрачного торжества:

— Нам нужно больше данных. Нужно понять, кто из ключевых фигур в каждой из этих стран может быть противником. Нужно сопоставить хронологию событий с активностью «секты Нерождённого Бога». Нужно найти рудники, о которых говорится в хрониках, и проверить их. Нужно узнать, что именно случилось в Сплendorфе год назад. Нужно...

Она остановилась, взглянула на Кристину и вздохнула с выражением глубочайшей усталости:

— Впрочем, зачем я тебе это рассказываю? Ты всё равно не запомнишь. Твоя специализация бить, а моя — думать. За нас обеих.

Она вернулась к столу и начала быстро набрасывать заметки. Её пальцы летали над сенсорной панелью, и строчки текста возникали на голограмме одна за другой.

— Я подготовлю запрос для Муо, пусть соберёт максимум информации о тех самых серебряных рудниках в Тетоникусе: история разработки, текущий статус, любые странные происшествия. И о мятеже Валерия: кто были его союзники, кто предал, что он говорил перед казнью. И о Совете Архимагов Сплendorфа: их биографии, связи, политические позиции. Особое внимание к тем, кто внезапно возвысился за последние два года. А для Су — осторожно прощупать членов секты, выяснить, кто из знати может быть с ними связан. И главное, пусть ищет любые упоминания о подземных аномалиях, странных кристаллах, «проклятых землях».

Она подняла взгляд на Кристину и снисходительно улыбнулась — той самой улыбкой, которая была острее ножа:

— Ну? Есть что добавить, горилла? Или мне самой всё делать? Может, у тебя найдётся хоть одна мысль, которая не связана с едой, выпивкой или нанесением телесных повреждений?

Кристина допила стакан, поставила его на стол с глухим стуком и широко зевнула, продемонстрировав клыки:

— Добавить? А что тут добавишь? Ты уже всё разложила по полочкам, переставила карточки, подписала их и составила каталог. Я только скажу: отправляй запрос. А я пока подготовлю для тебя кое-что в тренировочном зале. Раз ты у нас теперь главный мозг — а ты, судя по этому монологу, именно так себя и позиционируешь, — то должна уметь защищать этот мозг, когда меня не будет рядом. Так что жду тебя через час. И без опозданий, «принцесса». — Она скалилась, и в этой ухмылке читался вызов. — А то знаю я тебя, увлечёшься анализом и забудешь, что у тебя есть тело, которое нужно тренировать. А тело у тебя, кстати, неплохое. Жалко будет, если оно разучится уклоняться.

Неферит вздёрнула подбородок, и чёлка качнулась, открывая глаза.

— Я никогда не забываю о своём теле. Оно — совершенный инструмент, отточенный годами тренировок и боёв. В отличие от некоторых, у кого инструмент — кувалда. Но так и быть. Через час. Постарайся не заснуть в ожидании. И не пить. От тебя всё ещё пахнет, как от бочки.

Кристина, посмеиваясь, вышла из отсека. Её шаги гулко отдавались в коридоре. Неферит осталась одна, возвращаясь к голограммам. Её пальцы порхали над сенсорной панелью,

составляя запрос для Форго-3. В свете голограмм её лицо выглядело почти красивым — если бы не выражение вечного превосходства, застывшее на нём как будто навечно. Но если бы кто-то заглянул в этот момент в тактический отсек, он заметил бы кое-что ещё. Лёгкую тень тревоги, промелькнувшую в фиолетовых глазах. Едва заметную дрожь хвоста. Признаки того, что за маской надменности скрывалось нечто более сложное. Ответственность. Груз, который она взвалила на себя добровольно. Груз мести. Груз обиды.

Ровно через час — ни минутой раньше, ни минутой позже — Неферит вошла в тренировочный зал. Короткие розовые волосы были уложены в тугую косичку, переброшенную через плечо. Чёлка падала на глаза, два коротких локона у скул обрамляли лицо. Сапоги с усиленным коленом мягко стучали по полу. Хвост плавно покачивался за спиной — расслабленно, почти лениво.

Кристина уже ждала в центре арены, разминая плечи. Вокруг неё были расставлены тренировочные манекены — безликие голографические фигуры, замершие в ожидании. Сама демоница выглядела на удивление бодро для того, кто ещё час назад сидел с помятым лицом и стаканом воды. То ли она умела быстро восстанавливаться, то ли просто делала вид.

— Ого. Пунктуальность. — Кристина подняла бровь. — Я думала, опоздаешь, увлѣкшись своими картами. Или вообще не придѣшь, решив, что тренировки ниже твоего достоинства.

— Пунктуальность — вежливость королей, — лениво бросила Неферит, проходя мимо. Она даже не посмотрела на Кристину, всем своим видом выражая, что делает величайшее одолжение, просто находясь здесь. — И тех, кто выше королей по статусу. То есть моя. Ты должна быть польщена, что я вообще пришла, а не отправила тебе голографическую запись с инструкциями. Так что цени момент.

Она остановилась в центре арены, оглядывая манекены. Хвост замер. Острые уши чуть дрогнули.

— Ну? И что за испытание ты приготовила на этот раз? Снова будешь безуспешно пытаться ударить меня, изображая «прессинг»? Или на этот раз что-то более... изобретательное? Я, знаешь ли, начинаю уставать от однообразия. Твои кулаки, мои уклонения, твои ругательства, мои комментарии. Может, внесѣм разнообразие?

Кристина скалилась. В её жѣлтых глазах загорелся тот самый опасный огонѣк:

— На этот раз — кое-что другое. Твой эфир стал пластичным, ты научилась создавать разное оружие. Клинки, хлысты, щиты, иглы. Но в реальном бою тебе придѣтся не только атаковать, но и защищать. Причѣм не только себя.

Она нажала кнопку на пульте. Из пола, повинувшись неслышной команде, поднялись три дополнительных манекена — более хрупких, чем стандартные боевые. Они были меньше размером, с округлыми очертаниями, почти безобидные на вид.

— Представь, что это гражданские. Или члены команды. Твоя задача — защитить их от моих атак. Используй эфир как щит, барьер, что угодно. Но если я задену хотя бы один манекен — ты проиграла. И мы начнѣм заново. И так до тех пор, пока ты не научишься защищать других, а не только себя. Потому что на Форго-3, когда мы встретимся с Геоидами, рядом с тобой могут быть те, кто не умеет уклоняться так, как ты.

Неферит прищурилась. Фиолетовые глаза сузились до тонких щелей, голубые зрачки сжались в точки.

— Защищать, а не атаковать... — Она попробовала эти слова на вкус, как незнакомое блюдо. — Интересно. И. непривычно. Обычно я предпочитаю уничтожать угрозу до того, как она приблизится. Профилактика, знаешь ли. Лучшая защита — это нападение. Но... — она пожала плечами, и шипы на плечах блеснули в свете арены, — ...хорошо. Покажу тебе, что такое истинная защита. Только не плачь, когда у тебя ничего не выйдет. Я предупредила.

Она встала перед манекенами, принимая грациозную стойку — одну ногу чуть вперёд, корпус развёрнут, руки подняты. Вокруг ладоней замерцало фиолетовое сияние — сперва слабое, едва заметное, но с каждой секундой становившееся ярче. Эфир отзывался на её волю, готовый принять любую форму.

— Посмотрим, посмотрим... Начали!

Кристина сорвалась с места — быстрая, мощная, как всегда. Её кулак полетел в сторону одного из «гражданских» манекенов. Воздух загудел. Неферит резко выбросила руку — и между кулаком Кристины и манекеном возник полупрозрачный фиолетовый щит, мерцающий и вибрирующий. Удар пришёлся точно в центр, и щит загудел, пошёл рябью, но удержал. Кристина отскочила.

— Слишком медленно, — скучающим тоном произнесла Неферит, даже не повернув головы. — И слишком предсказуемо. Я же говорила — у тебя на лице написано, куда ты будешь бить. У тебя там целая карта: «Удар через две секунды, цель — левый манекен, сила — восемьдесят процентов». Может, попробуешь хотя бы притвориться, что думаешь, прежде чем атаковать? Ну, знаешь, как в театре. Актёрская игра. Я слышала, это помогает.

Кристина рыкнула, но в этом рыке слышалось скорее веселье, чем злость. Она отскочила и атаковала снова, на этот раз с финтом. Ложный замах в сторону одного манекена, резкий разворот, удар в сторону другого. Движения были быстрыми, отточенными — видно, что уроки Неферит не прошли даром.

Неферит даже не повернула головы. Эфирный щит просто расширился, охватывая все три манекена полукруглым барьером. Удар Кристины снова не достиг цели. Кулак врезался в фиолетовую поверхность, и по барьеру пошли круги, как по воде.

— О-о-о, финт. Как мило. Ты учишься. — В голосе Неферит звучало почти одобрение, разбавленное изрядной долей сарказма. — Жаль, что недостаточно быстро. Моя прабабушка двигалась резвее, а она была в почтенном возрасте. С артритом. И с больной спиной. И, кажется, с одной ногой.

Кристина удвоила темп. Её удары сыпались градом: она пыталась пробить барьер с разных сторон, искала слабые места, наносила серии ударов по одной точке, потом резко переносила атаку на другую. Неферит, внешне сохраняя полное спокойствие, корректировала щит, усиливая его в точках удара. Её пальцы двигались почти незаметно, а эфир послушно перетекал, утолщаясь там, где это было нужно. Но на лбу уже выступила лёгкая испарина, а дыхание стало чуть более частым.

— А ты... неплоха... в защите... принцесса... — выдохнула Кристина с азартом. — Но долго... не продержишься... Я вижу... твой эфир... начинает... истончаться...

— Я продержусь ровно столько, сколько потребуется, — процедила Неферит сквозь зубы, уже без прежней лени. — В отличие от тебя, я не трачу энергию на бессмысленное махание кулаками. Каждое моё движение выверено и эффективно. Учись, пока я жива. Бесплатный урок.

И тогда Кристина сделала то, чего Неферит не ожидала.

Вместо того чтобы продолжить атаковать манекены, она резко сменила направление и бросилась прямо на Неферит. Её кулак полетел в лицо — не тренировочный, не замедленный, а настоящий. Неферит, не ожидая такого, на мгновение потеряла концентрацию. Барьер замерцал, истончился, пошёл трещинами. А Кристина, уже почти достав до Неферит, резко свернула — и ударила по ближайшему манекену. Её кулак прошёл сквозь ослабленный щит и задел плечо голографической фигуры.

Тренировочная система издала короткий, безжалостный сигнал: манекен поражён. Гражданский убит.

Кристина остановилась, с победной ухмылкой на лице. Жёлтые глаза сияли:

— Вот так. Отвлеклась на себя — потеряла цель. В реальном бою так нельзя. Ты должна защищать их, даже когда тебе самой угрожает опасность. Даже когда кажется, что враг идёт на тебя. Потому что враг может блефовать. Как я сейчас. Это была тактика, Неф. Не сила — тактика.

Неферит замерла. Её лицо сначала побледнело — даже губы потеряли цвет, — потом на высоких скулах вспыхнул румянец. Яркий, заметный даже в голубоватом свете арены. Фиолетовые глаза сузились в щёлочки, и в них загорелся такой синий огонь, что, казалось, воздух вокруг неё завибрировал. Хвост хлестнул по полу с такой силой, что одна из плиток тренировочного покрытия треснула. Эфир вокруг ладоней вспыхнул с новой силой — уже не защитный, а яростный, готовый атаковать.

— Ты... — ледяным голосом произнесла она, и каждое слово падало, как кусок льда в тишину, — ...ты меня обманула. Отвлекла разговором. Заставила защищаться. Притупила бдительность. А потом... — она резко выдохнула, и пар вырвался из её ноздрей, хотя в зале было не холодно, — ...это. Было. Подло.

Кристина пожала плечами, ничуть не смущаясь:

— Это была тактика. В реальном бою никто не будет играть честно. Геоиды уж точно. Ты думаешь, они будут стоять и ждать, пока ты создашь свой идеальный щит? Они будут атаковать тебя, твоих союзников, гражданских — всех одновременно. И ты должна быть готова. Ты умная, Неф. Очень умная. Но ты слишком самоуверенная. Слишком привыкла, что ты — самая опасная в комнате. И это тебя и погубило в твоём родном мире, и здесь может погубить. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Неферит молчала несколько долгих секунд. Переваривала. Её хвост перестал хлестать воздух и медленно опустился. Эфир вокруг ладоней погас. На лицо медленно, словно нехотя,

вернулось привычное надменное выражение. Но в глазах ещё тлел огонь. Кристина была права, она снова наступает на те же грабли.

— Хорошо, — произнесла она наконец, и её голос прозвучал почти спокойно. Почти. — Я запомню этот урок. Запомню, что ты обманула меня, использовала моё доверие, нанесла удар в спину. — Она поправила волосы, заправив выбившуюся прядь за острое ухо. — Но знай: в следующий раз я буду готова. И ты пожалеешь, что научила меня этой уловке. Потому что я применю её против тебя. И ты проиграешь. Унизительно. При всех. Я запишу это на видео и отправлю Муо. Пусть порадуются.

Она развернулась и направилась к выходу — спина прямая, плечи расправлены, хвост гордо поднят.

— Эй, ты куда? Мы ещё не закончили! — крикнула Кристина в спину. — У нас ещё два захода!

— Я закончила, — бросила Неферит через плечо, не оборачиваясь. — Мне нужно обдумать новую тактику. И переварить тот факт, что меня только что переиграла гора мышц. Это требует уединения. И, возможно, небольшого количества выпивки. А ты... можешь дальше бить манекены. У тебя это хорошо получается. Почти как у начинающего новобранца. Тренируйся. Может, однажды ты станешь так же хороша, как я.

Дверь за ней закрылась с мягким шипением. Кристина осталась одна на арене, в окружении манекенов. Она покачала головой, усмехаясь:

— Вредная. Нереально вредная. Но толковая. — Она хрустнула кулаками. — Через месяц меня уделает. И ведь даже не извинится.

Поздним вечером — настолько поздним, что звёзды за панорамным окном, казалось, светили ярче обычного, — Неферит снова сидела в тактическом отсеке, поджав ноги. Она успела принять душ и теперь выглядела свежей и собранной, словно и не было нескольких изнурительных тренировок. Вокруг неё парили голограммы: карты, схемы, портреты. Она быстро набирала текст запроса для команды на Форго-3. Лицо было сосредоточенным, хвост нервно подрагивал — признак того, что мысли бежали быстрее, чем пальцы могли их записать.

Она отправила сообщение и откинулась на спинку, потирая виски. Тишина в отсеке была почти абсолютной — только мерное гудение двигателей и шорох её собственного дыхания. Она закрыла глаза и позволила себе минуту слабости — минуту, за которую никто не увидит и не осудит.

— Гладиатор... Надо же было до такого додуматься. Хотя... — она открыла глаза и посмотрела на голограмму арены, всё ещё парящую над столом, — ...если он действительно неуязвим, то на арене ему ничего не грозит. Разве что скука. Или излишнее внимание. Или удар по голове, который он даже не заметит. Ладно. Посмотрим, что они пришлют в ответ.

Она встала, подошла к панорамному окну. За ним — всё та же звёздная бесконечность. Равнодушная, холодная, вечная. Где-то там, за сотни световых лет, её новая команда. Люди — и не совсем люди, — которые почему-то приняли её. Надменную, колючую, невыносимую, высокомерную тварь. Которые не испугались её хвоста, её эфира, её прошлого. Которые смотрели на неё и видели не тирана, не чудовище, не монстра — а кого?

Она коснулась стекла кончиками когтей. Стекло было холодным — как звёзды, как космос, как её собственное сердце когда-то.

— Я не проиграю, — едва слышно произнесла она. — Не в этот раз. Даже если вы ведёте себя как идиоты. Даже если Вик машет мечом на арене как баран. И я. — она запнулась, подбирая слово, которое давалось ей труднее всего, — ...я все переиграю. Я достану этих каменных тварей! Они мне за все ответят.

Она фыркнула, качнула головой и вышла из отсека. Хвост плавно покачивался за её спиной — уже не напряжённо, а почти расслабленно. Завтра новый день. Новые тренировки. Новые данные.

Она будет готова. Теперь она всегда готова.

Глава 12. Ламия

Арена была огромна.

Овальное пространство, залитое палящим солнцем, напоминало чашу, вырезанную в теле города и заполненную утоптаным песком. Местами песок был тёмным — старые пятна крови, вьёвшиеся намертво, не поддавались ни метле, ни дождю. Они лежали слоями, как годовые кольца дерева, и каждый слой был чьей-то смертью. Вокруг, ярус за ярусом, громоздились зрительские скамьи, и сейчас все они были забиты до отказа. Десятки тысяч глоток ревели, свистели, топали ногами в едином, почти ритуальном ритме. Этот звук — низкий, утробный — был похож на дыхание исполинского зверя, который требовал пищи и был уверен, что скоро её получит. В воздухе стояла вонь пота, дешёвого вина, жареного мяса и крови. Аромат римских каникул, подумал бы кто-то с Земли. Аромат смерти, подумала бы она, если бы могла думать в такой ситуации.

В центре арены стояла Ламия.

Верхняя половина её тела была человеческой — стройной, с бледной кожей, покрытой испариной и грязью. Лицо, искажённое болью и усталостью, всё ещё хранило следы какой-то дикой, нездешней красоты — той, что бывает у существ, выросших вдали от городов. Острые уши подрагивали, улавливая рёв толпы. На скулах и висках поблёскивали несколько зелёных чешуек — они казались драгоценными камнями, вросшими прямо в плоть. Волосы, зелёные, спутанные, слипшиеся от крови, прилипли к вискам и щекам. Одежды не было никакой, только её собственная кожа, покрытая ссадинами и синяками, да редкие чешуйки, мерцающие в солнечном свете. Влажный блеск на лице — не то пот, не то слёзы, не то и то и другое сразу.

Но нижняя половина...

От талии тянулся длинный, мощный змеиный хвост. Когда-то он был прекрасен: тёмно-зелёная чешуя переливалась в лунном свете северных лесов, светлое брюхо мягко скользило по траве, послушное каждому движению. Она помнила, как плавала в горных реках, как обвивала стволы деревьев, как её хвост был её гордостью, её силой, её способом чувствовать мир. Теперь он был изрублен в нескольких местах. Удары мечей — тренировочных, тупых, потому что острые убили бы её слишком быстро, а толпа хотела зрелища, — рассекли чешую, обнажив бледную, кровоточащую плоть. Хвост, её главное оружие и опора, подрагивал от слабости, едва способный удержать её в вертикальном положении. Она тяжело опиралась на него, как на подгибающуюся колонну, и каждое движение отдавалось болью, пробегавшей по позвоночнику до самого затылка.

В дрожащих руках она сжимала ржавый, зазубренный меч, жалкое подобие оружия. Ей бросили его, чтобы продлить «зрелище», чтобы толпа насладились её бессильными попытками защититься. Меч был тупым, как ложка, и таким же бесполезным. Напротив, тяжело дыша, но всё ещё полные сил, стояли трое гладиаторов в лёгкой броне. Они ухмылялись, поигрывая оружием, наслаждаясь затянувшейся «охотой». Один из них, самый высокий, время от времени делал ложные выпады, заставляя её вздрагивать, и смеялся — громко, лающе, и смех этот эхом отдавался от каменных стен. Двое других лениво переговаривались, обсуждая, кто нанесёт последний удар.

Толпа скандировала: «До-бей! До-бей! До-бей!»

Она не понимала, за что. Она просто ползла через лес. Просто собирала травы для бабушки. Просто была не такой, как они.

Главные ворота арены с грохотом открылись. Тяжёлые створки, окованные железом, разошлись в стороны, и в проёме, залитом солнечным светом, возникла высокая фигура. На мгновение толпа затихла — и взорвалась новым, ещё более оглушительным рёвом.

Вик.

Он стоял, шурясь от солнца, и его зелёные глаза — горящие даже при свете дня, как два изумрудных прожектора — были устремлены прямо на неё. Туника из грубой ткани, кожаные сандалии, никакого оружия. Он не нуждался в нём, и те, кто видел его бои, знали это. За спиной у него было уже двадцать пять побед, и ни одного поражения. Букмекеры принимали ставки не на то, выиграет ли он, а на то, сколько секунд продержится противник.

Ламия услышала новый, более громкий рёв. С трудом, преодолевая боль, она подняла голову. Её взгляд, затуманенный болью и отчаянием, наткнулся на фигуру в воротах. В глазах — зелёных, как и её волосы, как мох на северных камнях, но сейчас полных ужаса — мелькнуло обречённое понимание. Это конец. Свежий боец, чтобы добить её, обессиленную. Серебряный Меч. Тот, о ком шептались даже в камерах для смертников. Тот, кто голыми руками разрывал хищников. Тот, кто не проигрывает.

Она попыталась поднять ржавый меч. Рука дрожала так, что остриё чертило в воздухе бессмысленную дугу. С губ сорвался тихий, полный отчаяния стон:

— П-пожалуйста...

Она сама не знала, к кому обращается. К нему? К богам? К толпе, которая хотела её крови? К бабушке, которая осталась там, в деревне Змеинового Камня, и никогда не узнает, что случилось с её внучкой?

Вик медленно подошёл. Толпа затихала, чувствуя, что происходит что-то необычное. Знаменитый «Серебряный Меч», восходящая звезда арены, не спешил убивать. Обычно он расправлялся с противниками быстро, почти милосердно, как для гладиатора. А тут... он просто шёл. Медленно. И смотрел. Он остановился прямо перед ней, заслоня собой палящее солнце, и посмотрел в глаза — прямо в эти зелёные, полные ужаса и слёз глаза. Она не знала, что он мог слышать её жалобный стон сквозь рёв восьмидесяти тысяч глоток. Но он слышал. Он слышал всё.

— Что ты сейчас сказала? — Его голос прозвучал низко, но без угрозы. Так спрашивают не палачи, а следователи? Врачи? — Ты можешь говорить как люди?

Вику говорили, что такие, как она, — монстры. Звери в получеловеческом облике, лишённые речи, движимые лишь инстинктами. Именно поэтому их бросали на арену: убивать чудовище — это не преступление, а развлечение. Ламии, гарпии, виверны — всех их приравнивали к животным. Так было удобно. Так было весело. Но вот она, израненная, дрожащая, смотрит на него и говорит. И в глазах её не звериная ярость, а человеческий ужас.

Ламия вздрогнула от звука его голоса — низкого, рокочущего, но странно спокойного. Он спрашивал, а не бил. Она судорожно слотнула, пытаясь заговорить, но из пересохшего горла вырвался только хрип. Песок скрипел на зубах. Облизнула потрескавшиеся губы и попыталась снова:

— Я. я говорю... как вы... — Голос был тихим, надломленным, с непривычными интонациями, её родной язык был другим, лесным, певучим, но совершенно разборчивым. — Я не... не монстр... Пожалуйста...

Она попыталась отползти назад, но израненный хвост подвёл — она осела, едва не рухнув лицом в песок. Ржавый меч окончательно выпал из пальцев. По телу пробежала судорога.

— Меня... поймали... в лесу... Я просто... я из деревни... с севера... У нас там... озеро... и горы...

По щекам текли слёзы, оставляя светлые дорожки на грязной коже. Она смотрела на Вика снизу вверх — с ужасом, но и с крошечной, почти угасшей искрой надежды. Искрой, которая не гасла даже сейчас, после всего, что с ней сделали. Толпа вокруг продолжала реветь, требуя крови, но в её глазах был только этот странный гладиатор с горящими зелёными глазами, который почему-то не бил.

— Вы... вы ведь убьёте меня?.. — Голос сорвался на шёпот. — Я не хочу умирать... не так... не на потеху им...

Плечи сотрясались от беззвучных рыданий. Она ждала удара, и всё в ней — каждая мышца, каждая чешуйка на хвосте — сжалось в ожидании боли. Она уже чувствовала эту боль, представляла её, прощалась с жизнью, которая только-только началась.

Вик выпрямился. Обвёл взглядом ревушие ярусы — эти тысячи лиц, искажённых жаждой крови, эти рты, разверстые в крике, — и в его зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на отвращение. Не к ней. К ним. К этому городу. К этой арене. К этой планете, вселенной, которая упорно превращала живое в мёртвое. Трёх гладиаторов, застывших в недоумении. Небо над ареной — равнодушное, голубое, бесконечно далёкое. И, казалось, принял какое-то решение. Он заговорил негромко, словно в воздух, но так, что она услышала каждое слово:

— Так всё, с меня хватит этих потех. Два месяца я махал мечом, кланялся, улыбался и притворялся, что мне есть дело до этих крошечных существ, до их дурацкой политики. Информации я так и не нашёл толком, зато посмотрелся на то, как люди радуются чужой смерти. С меня хватит.

Затем он перевёл взгляд на неё и в зелёных глазах мелькнуло что-то, чего она не ожидала. Не жажда крови. Не презрение. Скорее... усталое сочувствие. Узнавание. Словно он смотрел на неё и видел не ламию, не зверя, не монстра — а кого-то, кого давно потерял.

— Жить хочешь?

Она замерла, не веря ушам. Глаза, всё ещё влажные от слёз, расширились. Губы задрожали.

— Жить?.. Я. да... да, хочу! — Она судорожно закивала, и в этом движении была вся её суть: отчаянная, животная, неистребимая жажда жизни. — Пожалуйста... я сделаю всё... только не убивайте... я отработаю... я помогу... я умею плавать... и травы знаю... и...

Она попыталась приподняться, опираясь на дрожащие руки. Израненный хвост снова подвёл — она вскрикнула от боли и осела обратно на песок. Из глубокого пореза на хвосте

сочилась тёмная кровь, смешиваясь с песком в грязную кашу. Кровь была гуще человеческой, медленнее сворачивалась, и это пугало её ещё больше.

Толпа загудела недоумённо — они ждали зрелища, а не разговоров. Послышались первые недовольные выкрики, свист. «Чего он ждёт?!», «Бей тварь!», «Серебряный Меч, ты что, струсил?!». Один из троих гладиаторов, тот самый высокий, нетерпеливо переступил с ноги на ногу, и его меч описал в воздухе короткую дугу.

— Они... они говорили, что я чудовище... что такие, как я, не заслуживают... — Она замолчала, захлёбываясь рыданиями. Грудь вздымалась и опускалась, каждое слово давалось с трудом. — Но я не чудовище... я из деревни Змеиног Камня... это на севере, у подножия гор... там ещё озеро с голубой водой... я просто... я не хотела никому зла... — слова путались, мешались со слезами.

Она подняла на Вика взгляд — и в этом взгляде была такая обнажённая, такая незащищённая мольба, что любой, кто ещё оставался человеком, дрогнул бы.

— Вы... вы другой? Вы не такой, как они?..

По лицу Вика медленно расплзлась ухмылка — злобная, пугающая, но адресованная почему-то не ей, а кому-то невидимому, словно он смеялся над самим мирозданием, приведшим его на эту арену. Это была та самая ухмылка, которую так боялись его враги и так любила Кристина. Ухмылка существа, которое знает, что сейчас произойдёт что-то очень, очень плохое. А затем он наклонился чуть ближе и заговорил — тихо, так, чтобы никто, кроме неё, не услышал:

— О, детка, я вообще не такой. А теперь слушай внимательно, потому что второй раз я повторять не буду. Ты должна встать. Я сделаю вид, что нападаю на тебя, а ты в этот момент из последних сил ползи к главному выходу. Быстро, как только можешь. Не оборачивайся и не думай о том, что должно произойти позади тебя. Делай всё, как я скажу, и, возможно, к вечеру ты ещё будешь жива.

Ламия смотрела на него огромными глазами. Ужас мешался в них с проблеском понимания. Она судорожно сглотнула.

— Ползти... к выходу... не оборачиваться... — Она повторяла его слова как молитву, как заклинание, которое могло спасти её.

Медленно кивнула, всё ещё не веря, что это происходит на самом деле. Пальцы впились в окровавленный песок, собирая остатки сил. Хвост болезненно пульсировал в местах порезов, но она заставила себя приподняться, опираясь на руки. Мышцы дрожали от напряжения, по лицу градом катился пот, смешанный со слезами.

— Я. я попробую... Я сделаю, как ты скажешь...

Быстрый взгляд в сторону главных ворот арены — далеко, очень далеко для её израненного тела. Метров пятьдесят, а может, и все сто. Для здоровой ламии — мгновение. Для неё сейчас — вечность. Но в глазах теперь горела не только боль, там зажглась отчаянная, упрямая решимость. Она уже не думала, шоу это или он говорит правду. Ей просто хотелось верить, что это её шанс. Единственный. Последний. Она перевела взгляд обратно на Вика и едва заметно, одними губами, прошептала:

— Спасибо... кто бы ты ни был...

Толпа ревела. Гладиаторы начинали проявлять нетерпение. Высокий сделал шаг вперёд, поигрывая мечом, и его тень упала на песок рядом с ней.

— Эй, Серебряный! Чего застыл? Добивай тварь, народ ждёт! Или мне самому это сделать? У меня, знаешь ли, тоже график!

Ламия вздрогнула от его голоса, но не отвела взгляда от Вика. Она ждала его сигнала. Единственного шанса. Её сердце билось где-то в горле, заглушая рёв толпы.

— Давай!

И Вик прыгнул — высоко, невысимо высоко для человека, взмывая над ареной, как снаряд, выпущенный из катапульты. На долю секунды он завис в воздухе, чёрный силуэт на фоне ослепительного солнца, и затем с невероятной силой ударил в землю.

Импульс — невидимая, сокрушительная волна — ушёл в песок. Земля вздрогнула так, что зрители на нижних ярусах попадали со скамей. Каменные плиты под трибунами треснули, выпустив облака пыли. Взметнулась гигантская туча песка и пыли, заволакивая арену серым облаком. На мгновение наступила тишина — а потом толпа взорвалась криками ужаса и восторга.

Ламия рванулась вперёд.

Израженный хвост оттолкнулся от песка с силой отчаяния, посылая её тело вперёд. Каждое движение отдавалось острой болью в изрубленной плоти, но она стискивала зубы и ползла, быстро, как только могла. Позади гремело: удары, звон оружия, чьи-то проклятия, крики боли и хруст костей. Кажется, кто-то из гладиаторов попытался её догнать и наткнулся на кулак Вика. Толпа взрывалась то восторженным рёвом, то испуганными воплями. Но она не оборачивалась.

Пыль оседала на голой спине, на спутанных зелёных волосах, забивалась в раны. Она не чувствовала этого. Только животный страх и странное, почти невероятное чувство: надежду. Надежду, которая была страшнее страха, потому что, если она не оправдается — это будет конец.

Впереди уже маячили очертания главных ворот, массивных, окованных железом. Ещё несколько мучительных метров. Руки дрожали, хвост почти не слушался. Она стиснула зубы, волоча непослушное тело вперёд, оставляя на песке кровавый след. След, который, возможно, будет последним, что от неё останется.

«Не оборачивайся... не думай... делай, как он сказал...»

Внезапно мимо неё что-то пронеслось — огромное, быстрое, как разъярённый бык. Лязг металла. Крики. Ворота содрогнулись от удара, и снова взметнулась пыль, заволакивая всё вокруг. Она услышала, как кто-то из стражников завопил, и голос оборвался.

Она закашлялась, прижимаясь к песку, прикрывая голову руками. В ушах звенело. Ничего не было видно. Только серое облако, крики и этот ужасный, непрекращающийся звон.

И вдруг — прикосновение. Кто-то схватил её за руку.

Она едва не закричала, но голос пропал.

— Это я. Ты должна обнять меня как можно крепче и обвить своим хвостом. Быстро. У нас нет времени.

Голос Вика пробился сквозь шум, как луч света сквозь пыль. Она дёрнулась — и замерла, узнав. Сердце пропустило удар.

Не раздумывая больше ни секунды, она бросилась вперёд. Руки обхватили его за шею, пальцы — ослабевшие, дрожащие — сцепились в замок. Израненный хвост, повинувшись скорее инстинкту, чем воле, обвился вокруг его торса. Не слишком сильно, чтобы не мешать, но достаточно крепко, чтобы удержаться. Чешуя скользнула по грубой ткани туники, оставляя кровавый след.

Она прижалась к нему всем телом, чувствуя, как бешено колотится её сердце — так быстро, что, казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. От него пахло песком, потом и чем-то ещё — странным, незнакомым, металлическим. Запах чего-то невысказанного. Запах силы. Её лицо уткнулось в изгиб его шеи.

— Я. я держусь... — прошептала она едва слышно. — Держусь...

А потом мир сорвался с места.

Первый прыжок вынес их из пылевого облака прямо в тёмный зев прохода, ведущего с арены. Ламия почувствовала, как её тело прижало к его груди силой ускорения. Ветер ударил в лицо, заставляя зажмуриться. Где-то сзади мелькали фигуры стражников — они что-то кричали, размахивали оружием, но их голоса тонули в свисте воздуха, оставались позади, исчезали. Один из них метнул копье, но оно пролетело мимо, даже не задев.

Второй прыжок — и они взмыли вверх.

У Ламии перехватило дыхание. Она распахнула глаза и увидела то, чего не ожидала увидеть никогда в жизни: арена оставалась внизу, уменьшаясь, превращаясь в игрушечную чашу, заполненную муравьиной толпой. А вокруг расстилался Вектрополь — бесконечное море красных черепичных крыш, золотящихся в лучах заходящего солнца. Акведуки тянулись через весь город, форум блестел мрамором, Колоссеум возвышался над всем этим, как гигантская корона. Она никогда не видела города с такой высоты. Она вообще не думала, что можно увидеть город с такой высоты и остаться в живых.

Приземление. Мягкое, пружинистое — Вик погасил удар ногами, и они уже неслись по крышам, перепрыгивая с одной на другую. Черепица крошилась под его ступнями, осыпаясь в переулки, но он не останавливался ни на секунду. Прыжок. Полёт. Снова приземление. Ритм его движений был как удары огромного сердца — мощный, ровный, неумолимый. Переулки, площади, рынки — всё мелькало внизу, сливаясь в пёструю ленту.

Ламия обнимала его изо всех сил, вцепившись пальцами в ткань его туники. Хвост, израненный и слабый, всё ещё обвивал его торс — она боялась разжать объятия даже на секунду. Голая кожа, покрытая ссадинами и кровоподтёками, прижималась к грубой ткани. Она чувствовала жар его тела, и этот жар странно успокаивал — посреди всего этого безумия, полёта, криков позади.

Ветер охлаждал обнажённое тело. Она никогда не была так уязвима — без одежды, без защиты, без всего, что могло бы скрыть её наготу и её природу. Но в этой бешеной скачке не осталось места для стыда. Только он, его руки — стальные, но держащие её крепко и бережно,

— и бесконечное небо над головой. Небо, которое из голубого превращалось в оранжевое, а потом — в пурпурное.

Она рискнула поднять взгляд. Его лицо: сосредоточенное, жёсткое. Зелёные глаза смотрели вперёд, высматривая путь. Челюсти сжаты. Он не смотрел на неё, и она была благодарна за это — благодарна, что он не видит её слёз, её грязи, её жалкой, беспомощной наготы. Он просто делал своё дело. Спасал её.

Город проносился внизу. Мелькали улицы, площади, акведуки. Где-то кричали люди, показывали пальцами, но Вик был слишком быстр. Они уже на окраине, где крыши становились ниже, а улицы — уже. Последний прыжок с последнего дома и они полетели над городской стеной. Ламия увидела внизу ров, заполненный мутной водой, стражников на башнях, которые даже не успели поднять головы. Один из них всё-таки заметил тень и выстрелил из лука, но стрела осталась где-то далеко позади.

А потом — простор.

Прерия раскинулась под ними — бесконечное море высокой травы, колышущейся под вечерним ветром. Солнце садилось, окрашивая небо в пурпур и оранжевый. Золотистые стебли отливали розовым. Где-то далеко темнела полоска леса, а ещё дальше — скалы, знакомые Вику так же хорошо, как собственное дыхание. Скалы, где ждали двое тех, кто станет её новыми... кем? Она ещё не знала.

Он снова оттолкнулся от земли, и они полетели над этим золотисто-зелёным простором. Боль в израненном хвосте пульсировала в такт его прыжкам. Ламия стискивала зубы, но не произносила ни звука. Она боялась, что если заговорит, если напомним о себе, это странное спасение оборвётся, и она снова окажется на песке, под рёв толпы. Что это всё окажется сном, прекрасным и жестоким, и она проснётся в камере, в цепях, в ожидании смерти.

Она закрыла глаза и просто слушала. Ветер. Ритм прыжков. Его дыхание — ровное, спокойное, словно он не нёс на себе взрослую ламию с тяжёлым змеиным хвостом, а просто совершал вечернюю пробежку. Словно это было для него обычным делом — вырывать кого-то из лап смерти и уносить через прерию. Может, так и было. Может, он делал это раньше. Может, он делал это всегда.

И где-то глубоко внутри, под слоями ужаса, боли и неверия, зарождалось крошечное, робкое чувство.

Она не знала, кто он и зачем это делает. Не знала, что ждёт её. Не знала, будет ли она снова в цепях или на свободе. Но сейчас, в сгущающихся сумерках, уносясь прочь от города, который чуть не стал её могилой, она позволила себе поверить: возможно, это ещё не конец. Возможно, это только начало.

Слёзы снова потекли по щекам — беззвучно, без рыданий. Просто влага, смешанная с пылью, оставляющая дорожки на грязной коже. Она уткнулась лицом в его плечо и прошептала одними губами, сама не зная кому — ему, богам, судьбе, бабушке, которая осталась там, на севере, и никогда не узнает:

— Спасибо... спасибо...

Ночь опускалась на прерию. Первые звёзды загорались на востоке — те самые, чужие и холодные, которые она видела над своей деревней на севере. Там, у Змеиного Камня, она

лежала на траве и считала их, загадывая желания. Теперь она летела под ними, и желание у неё было только одно.

Глава 13. Операция в ночи

Последний прыжок вышел особенно мощным — Вик приземлился у подножия скалы, и сухая земля под его ногами пошла трещинами, взметнув облако пыли. Мелкие камешки брызнули в стороны, застучали по камням, и эхо от удара прокатилось по окрестностям, вспугнув стайку каких-то ночных птиц. На его руках, без сознания, обмякла ламия. Голова безвольно покоилась на его плече, спутанные зелёные волосы рассыпались по руке, закрывая лицо. Израненный хвост свисал вниз, едва заметно подрагивая даже в беспамятстве — тело боролось за жизнь на каком-то древнем, глубинном уровне, не подвластном сознанию. Дыхание было слабым, но ровным: грудь мерно вздымалась, прижимаясь к его тунике.

Маскировочная сетка у входа в пещеру отдёргнулась резко, словно её сорвали нетерпеливой рукой. Наружу вышла Су — в сером платье знахарки, накинутом поверх привычного чёрного топа. Увидев Вика, она замерла на месте. Её жёлтые глаза расширились, вертикальные зрачки сузились в тонкие щёлочки — признак крайнего удивления, если не потрясения. Она быстро окинула взглядом картину: командир, весь в пыли и песке, чья туника была порвана в нескольких местах, держал на руках совершенно голую женщину-змею, покрытую ранами и кровоподтёками. Хвост незнакомки безжизненно волочился по земле, оставляя в пыли тёмный след.

— Командир! Какого... что произошло?! — Су всплеснула руками, и в голосе её звенела смесь возмущения и тревоги. — Ты сорвал план? Весь план?! Из-за... из-за неё?!

Она подошла ближе, и её взгляд — цепкий, профессиональный — заскользил по телу ламии, отмечая многочисленные порезы, ссадины, глубокие раны на хвосте, из которых всё ещё сочилась кровь. Губы Су сжались в тонкую линию. За два месяца работы в Вектрополе она научилась распознавать следы гладиаторских мечей — эти раны были именно такими. Тупое тренировочное оружие, которым били не чтобы убить быстро, а чтобы мучить долго.

Вик ответил спокойно, но в его голосе слышалась та особая, с трудом сдерживаемая ярость, которая возникала у него только тогда, когда он становился свидетелем откровенной несправедливости:

— План пошёл не так, как я рассчитывал. Вернее, план пошёл туда же, куда и всё на этой планете — в задницу. Они выставили её на арену — раненую, безоружную, голую — против троих гладиаторов, а потом я должен был её добить на потеху толпе. Понимаешь, Су? Добить. Как собаку. Как вещь. А она заговорила. Человеческой речью. Сказала «пожалуйста». И я понял, что ещё немного — и я снесу этот Колоссеум к чёртовой матери вместе со всеми, кто там сидел.

Су резко выдохнула, качая головой. Тёмные жилки на её серой коже проступили отчётливее, как признак сильного волнения:

— Не смог... Вик, у нас миссия! Мы должны были внедриться, собрать информацию, на кону планета и целый сектор! А ты... — Она замолчала, глядя на бледное лицо Ламии, на её дрожащий даже в беспамятстве хвост, на дорожки слёз, ещё не высохшие на грязных щеках. Гнев уступал место чему-то другому, профессиональной озабоченности, смешанной с невольным сочувствием. Она вздохнула и махнула рукой. — Ладно. Разбор полётов позже. Сейчас она нуждается в помощи. Заноси внутрь, быстро. И... — её взгляд снова упал на наготу Ламии, и она поджала губы, вспоминая прошлое, — ...найди что-нибудь, чем её прикрыть. Хотя бы простыню. Неприлично. И ей, наверное, холодно. И мне неловко. В общем, заноси.

— В медотсеке есть ткань. Сделаем, — бросил Вик, уже шагая в пещеру.

Он прошёл по короткому коридору вглубь базы. Су шла следом, и на ходу из её боков плавно выросли ещё две руки — верхние начали быстро перебирать инструменты на поясе,

нижние поддерживали подол платья, чтобы не путался под ногами. Зрелище это, для неподготовленного взгляда способное вызвать ужас, сейчас было просто частью работы.

Медотсек встретил их стерильной прохладой. Небольшое, но хорошо оборудованное помещение: диагностический стол в центре, шкафы с препаратами вдоль стен, в углу — медицинская капсула, сейчас закрытая и молчаливая. Вик аккуратно, почти нежно уложил Ламию на диагностический стол. Су немедленно склонилась над ней, и четыре руки пришли в движение: две ощупывали пульс на шее и запястье, две другие быстро смачивали ткань в обеззараживающем растворе.

— Пульс слабый, нитевидный, — бормотала Су, обращаясь скорее к себе, чем к Вику. — Множественные резаные раны, признаки серьёзной кровопотери. Хвост... серьёзные повреждения мышечной ткани, возможно, задеты крупные сосуды. Удивительно, что она вообще дотянула. С такой кровопотерей обычно не живут. — Она подняла взгляд на Вика. В жёлтых глазах читался суровый вердикт. — Нужна капсула. Срочно. Полное сканирование, восстановление жидкостей, регенерация тканей. Открой её.

Вик подошёл к капсуле, нажал сенсор. Крышка с тихим шипением поднялась, открывая внутреннюю полость — рассчитанную на гуманоидное тело стандартных пропорций. Су перевела взгляд с капсулы на длинный змеиный хвост ламии, свисающий со стола почти до коридора.

— Проклятье... Она туда не поместится. Хвост слишком длинный и толстый. Кто бы мог подумать, что нам понадобится капсула для ламии... — На мгновение Су задумалась, постукивая пальцами по краю стола, затем решительно кивнула. — Ладно. Поместим верхнюю часть тела в капсулу, зафиксируем голову, торс, руки. Капсула проведёт диагностику, восстановит кровопотерю, запустит регенерацию внутренних органов, если они задеты. А хвост... придётся обрабатывать вручную. Вик, будешь ассистировать. Мне нужны обе пары рук. И понадобится ещё одна, если бы она у меня была, но уж как есть.

— Говори, что делать. Я сегодня уже и так натворил дел, так что хотя бы в этом не подведу.

Су уже разворачивала набор хирургических инструментов, подсоединяла капельницу с физраствором к руке пациентки, настраивала монитор жизненных показателей. Движения её были быстрыми, точными, лишёнными какой-либо суеты.

— Сначала — аккуратно подними её. Я подведу капсулу вплотную к столу, положим верхнюю часть внутрь, а хвост оставим снаружи. Капсула всё равно будет работать, я отключу герметизацию и настрою локальное поле. Будет не так эффективно, как при полном погружении, но лучше, чем ничего.

Вдвоём они осторожно переместили Ламию. Вик придерживал её голову и плечи, стараясь не задеть многочисленные ссадины. Су направляла безвольное тело в капсулу. Длинный змеиный хвост, изрубленный и окровавленный, остался лежать на столе, бессильно свешиваясь на пол — сейчас он казался не частью живого существа, а скорее диковинным предметом, нуждающимся в починке.

Су опустила крышку капсулы, но не до конца, оставила щель, достаточную для выхода хвоста. Активировала сенсор. Внутри загорелся мягкий голубой свет, зажужжали сканеры — звук был похож на пение невидимых насекомых. На мониторе появились первые данные: пульс, давление, сатурация, уровень гемоглобина. Всё — критически низкое.

— Капсула работает. — Су облегчённо выдохнула, и её плечи чуть опустились. — Теперь хвост. Вик, свет сюда. И приготовь регенерационный гель — в третьем шкафу, синяя маркировка. И да, надень перчатки.

Она склонилась над израненным хвостом. Четыре руки начали работу: две очищали раны от грязи и песка, забившихся глубоко в порезы, две другие накладывали зажимы на кровото-

чащие сосуды. Жёлтые глаза были сосредоточены, движения точны и быстры, словно она всю жизнь только и делала, что оперировала змеиные хвосты.

— Командир, — заговорила она, не поднимая головы, — я всё ещё зла на тебя за сорванный план. Очень зла. Местами просто в ярости. Но... как медик, я понимаю. Ты не мог поступить иначе. Она не монстр. Она жертва. И я сделаю всё, чтобы она выжила. — Су на мгновение подняла взгляд, и в жёлтых глазах мелькнуло что-то тёплое — редкое выражение для обычно сдержанной демоницы. — Но с тебя полный отчёт для Неферит. Она будет в ярости. Её аналитический план, возможно, летит к чертям из-за твоего... благородства. Помнишь её лицо, когда она говорила про реку? Вот. Будет такое же, только в десять раз выразительнее.

Вик молча кивнул, подавая ей запрошенный гель. Его зелёные глаза смотрели на бледное лицо Ламии, на её закрытые веки, на мерно вздымающуюся под крышкой капсулы грудь. Где-то внутри гудели сканеры, и на мониторе медленно, но верно ползли вверх показатели.

— Отчитаюсь. Но сначала она должна выжить. Остальное — потом. Неферит потерпит. Или не потерпит — тогда пусть прилетает и высказывает мне лично. У неё, кажется, скоро как раз такая возможность появится.

Су хмыкнула — что-то среднее между скепсисом и согласием — и вернулась к работе. В медотсеке воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом капсулы и металлическим звоном инструментов.

Часы текли незаметно. В пещере, лишённой естественного освещения, время измерялось не солнцем, а усталостью.

Су работала безостановочно, и четыре руки её двигались как части единого, идеально отлаженного механизма. Верхняя пара держала хирургические зажимы и иглодержатель, нижняя — пинцет и скальпель. Она была сосредоточена с той особой, почти жуткой поглощённостью, на которую способны только те, кто видел смерть вблизи и не раз вырывал у неё добычу.

— Глубокий разрез вот здесь... задето сухожилие. Вик, отсоси. И дай мне шовный материал, четвёртый размер, рассасывающийся. И салфетку. И, пожалуй, ещё света, эта лампа начинает мигать, как будто у неё тоже кончаются силы.

Вик подавал нужное без лишних слов. Он стоял рядом, выполнял команды: то инструмент поднесёт, то свет поправит, то вытрет пот со лба Су, чтобы не капал в рану. Его лицо оставалось непроницаемым, но в зелёных глазах, неотрывно следивших за работой, читалось то особое уважение, какое испытываешь к настоящему мастеру.

Су сшивала сосуды — тончайшие нити соединяли разорванные стенки, восстанавливая ток крови. Накладывала швы на мышечную ткань, слой за слоем. Очищала и обрабатывала бесчисленные порезы, оставленные гладиаторскими мечами. Каждое движение было выверено, каждый стежок ложился точно на место. Она не позволяла себе дрогнуть, хотя спина уже ныла от напряжения, а глаза слезились от яркого света операционной лампы.

Монитор капсулы показывал медленное, но уверенное улучшение показателей Ламии. Пульс становился ровнее, давление поднималось. Регенерационный раствор, поступающий через капельницу, и мягкое излучение капсулы делали своё дело — её верхняя часть тела постепенно обретала более здоровый оттенок, раны на руках и торсе начинали затягиваться, оставляя тонкие розовые шрамы.

Но хвост... хвост требовал ручной работы.

Где-то после полуночи Су наткнулась на особенно глубокий разрез — почти до кости. Лицо её ожесточилось.

— Проклятье. Здесь осколок металла. Застрял в тканях. Видимо, один из тех мечей был не таким уж тупым. Или это обломок от предыдущего боя, ей ведь кинули ржавый хлам вместо оружия. Вик, пинцет с тонкими губками. И приготовься, когда я его вытащу, может пойти кровь. Прижмёшь, как скажу.

Она осторожно, миллиметр за миллиметром, извлекла крошечный обломок ржавого меча. Металл тускло блеснул в свете лампы, и Су с отвращением бросила его в лоток. Ламия, даже в беспамятстве, слабо застонала — тело реагировало на боль, хвост дёрнулся. Су на мгновение замерла, свободной рукой погладила хвост успокаивающим движением и что-то тихо зашептала — слов было не разобрать, но интонация звучала мягко, убаюкивающе. Когда хвост перестал дрожать, она продолжила.

Ближе к рассвету Вик заметил, что движения Су стали чуть медленнее, а вдохи — глубже и тяжелее. Она устала. Смертельно устала. Но не останавливалась.

— Су. Сделай перерыв. Хотя бы на десять минут. Ты уже целую ночь не разгибаешься. У тебя руки дрожат. Я вижу.

— Нельзя. — Она даже не подняла головы. — Если я остановлюсь сейчас, потеряю концентрацию. И тогда... нет. Ещё немного. Осталось обработать последний участок и наложить повязки. Я спала в более экстремальных условиях, поверь. Однажды я оперировала трое суток подряд, пока вокруг рушился город. Это... это просто ещё одна ночь.

Она сдержала слово. Когда первые лучи солнца, пробившись сквозь маскировочную сетку у входа в пещеру, окрасили стены медотсека в серый предрассветный цвет, Су завязала последний узел на бинте.

Всё. Хвост ламии, от основания до самого кончика, был покрыт ровными рядами швов и аккуратными повязками. Выглядел он всё ещё ужасно — опухший, в кровоподтёках, исчерченный белыми полосами бинтов, — но это были уже не зияющие раны. Это было начало исцеления.

Су выпрямилась, и в этот момент её дополнительная пара рук медленно втянулась обратно — мышцы слишком устали, чтобы поддерживать их. Она посмотрела на монитор капсулы: показатели стабильны. Ламия спала, но теперь это был целительный сон, а не предсмертное забытье.

— Она... будет жить, — голос Су прозвучал хрипло, едва слышно. — Хвост восстановится. Через пару недель сможет двигаться. Через месяц — полноценно. У неё отличная регенерация, кстати. Намного лучше человеческой. Если бы не это, она бы не дотянула даже до того момента, как ты её подхватил.

Она сделала шаг назад, нащупала стул у стены, опустилась на него. И, кажется, сама не заметила, как её голова склонилась набок, а глаза закрылись. Она заснула прямо так — сидя, в испачканном кровью платье, с руками, всё ещё сжимавшими пустой зажим.

Вик посмотрел на неё, потом на Ламию в капсуле. Снял с крючка белый медицинский халат и осторожно накинул на плечи Су. Она не проснулась, только вздохнула чуть глубже, и морщины на её лице немного разгладились.

Он отошёл к стене, скрестил руки на груди и остался стоять на страже. Его зелёные глаза переходили с лица Су на монитор капсулы, с монитора — на израненный, но уже перевязанный хвост. В них не было сожаления о сорванном плане. Только усталость и странное, почти отеческое удовлетворение.

Тишину нарушил шорох у входа. Маскировочная сетка отдёрнулась, и в пещеру проскользнула маленькая фигурка в пыльном дорожном плаще. Муо. Её голубые глаза сияли в полумраке — даже после ночного задания она была полна энергии.

— Командир! Я вернулась! Виверну прогнала, очередные овцы спасены, награду дали — целых три сестерция! Я теперь богатая! — Она осеклась, увидев картину в медотсеке.

Её взгляд заметался: спящая на стуле Су, укрытая своим белым халатом. Сам Вик, стоящий у стены с усталым, но напряжённым лицом. Медицинская капсула, внутри которой лежал... кто-то. И свисающий наружу длинный зелёный хвост, весь в бинтах и повязках.

— Что... что здесь произошло?! — Муо забыла шептать. — Кто это?! Почему хвост?! Су спит?! Командир?! Почему у нас тут огромная змея?! Вы что, решили завести домашнего питомца, пока меня не было?!

Она подбежала ближе, заглянула в капсулу. Увидела бледное, но уже не такое измученное лицо ламии, её зелёные волосы, разметавшиеся по подушке, острые уши и несколько чешуек на скулах. Голубые глаза Муо стали совершенно круглыми.

— Это же... ламия... Настоящая ламия... — выдохнула она с благоговейным ужасом. — Я думала, они только в легендах бывают... Ну, или в RPG. Я в одной игре за ламию играла, у них плюс к ловкости и ночному зрению. Откуда она? Что с ней случилось? Почему она голая?! Вик!!! Почему она голая?! Это что, новый стиль внедрения?!

Она повернулась к командиру, и в её огромных глазах читался миллион вопросов. Рюкзак сполз с плеча и с глухим стуком упал на пол, но она даже не заметила.

— Командир. Рассказывай. Всё. С самого начала. Почему Су спит на стуле? Почему ты выглядишь так, будто всю ночь таскал камни? И почему... почему у нас в медотсеке лежит голая ламия, похожая на персонажа из моей любимой RPG?!

Вик отлепился от стены и коротко, без прикрас, рассказал. Арена. Трое гладиаторов против безоружной. Её голос — человеческий, молящий. Его решение. Прыжки через город. Су, оперировавшая всю ночь. Муо слушала молча, и её лицо менялось — от ужаса к гневу, от гнева к жалости.

— Значит... ты просто взял и сорвал весь план? Из-за неё? — прошептала она, переводя взгляд на капсулу. — Она и правда говорила? Как человек?

Вик кивнул.

В голосе Муо прорезались тёплые, ласковые нотки — что всегда появлялись, когда она говорила о чём-то по-настоящему важном:

— Тогда... ты всё правильно сделал, командир. Если бы ты её добил... это было бы... неправильно. Неправильно и мерзко. Она же не монстр. Она просто... другая. Как я. Как Су. Как все мы тут. — Она на мгновение замолчала, теребя лямку рюкзака. — Неферит, конечно, будет в бешенстве. Когда она узнает, что план сорван из-за спасения ламии, она, наверное, эфиром весь корабль разнесёт. Но я с тобой. И Су, судя по всему, тоже. Большинством голосов мы победим.

В этот момент из капсулы донёлся слабый стон.

Ламия медленно, с видимым усилием, приоткрыла веки. Мир перед ней расплывался — мутные очертания, незнакомый холодный свет, странное гудение вокруг. Она почувствовала, как что-то сжимает её тело — стенки капсулы, — и паника захлестнула прежде, чем разум успел осознать происходящее.

Она дёрнулась, пытаясь сесть, но слабость прижала её обратно. Хвост за пределами капсулы судорожно сжался, и острая боль от свежих швов пронзила всё тело. С губ сорвался хриплый вскрик.

— Где... где я?! Что это?! Я... я умерла? Это загробный мир? Почему так больно... разве мёртвые чувствуют боль?!

Её глаза, расширенные от ужаса, заметались по незнакомому помещению. Каменные стены, странные приборы, светящиеся панели. Всё чужое, непонятное, пугающее. Взгляд наткнулся на Муо — маленькую фигурку с белыми волосами и рожками, — и она вздрогнула всем телом, насколько позволяли стенки капсулы.

— Кто... кто вы?! Вы духи?! Хранители мёртвых?! Я... я не хотела умирать... я не...

Она попыталась отползти глубже в капсулу, забыв, что её хвост снаружи. Движение причинило новую боль, и она застонала, зажмуриваясь.

Су, разбуженная шумом, резко выпрямилась на стуле. Халат соскользнул с её плеч и упал на пол. Она моргнула, прогоняя остатки сна, и её взгляд мгновенно стал профессионально-острым — ни следа недавней дрёмы.

— Тише. Тише, девочка, — произнесла она спокойно, но твёрдо, тем самым голосом, которым разговаривала с самыми тяжёлыми пациентами. — Ты не умерла. Ты жива. Ты в безопасности. Никто тебя здесь не тронет. А если кто-то попробует — ему придётся иметь дело со мной, а я, поверь, очень неприятный противник. Даже когда уставшая.

Ламия распахнула глаза и увидела Су — серокожую, с жёлтыми глазами и вертикальными зрачками, с проступившими на лице тёмными жилками. Лицо Ламии искажилось новым приступом страха.

— Демон... Ты демон... Вы пришли забрать мою душу... Я знала, что после смерти придут демоны... нам в деревне старейшина говорил...

Она снова попыталась отодвинуться, дрожа всем телом, и её хвост снаружи забился в конвульсиях, угрожая разорвать свежие швы. Су мгновенно положила руку на хвост — твёрдо, но не грубо, — фиксируя его на месте.

И тут взгляд Ламии упал на Вика.

На того самого гладиатора. С зелёными глазами. Стоящего у стены со скрещенными руками и смотрящего на неё — без угрозы, без жалости, просто... ожидая.

Она замерла. Узнавание медленно проступало на её лице, вытесняя ужас. Словно сквозь туман пробивался свет.

— Ты... ты тот... с арены... Ты не убил меня? Ты прыгнул, и земля задрожала, и все упали... а потом ты схватил меня... я помню... смутно, но помню...

Она переводила взгляд с него на Су, на Муо, на странную обстановку вокруг. Губы дрожали. Голос срывался:

— Где я? Что это за место? Почему... почему вы мне помогаете? Я же... я же монстр...

По щекам снова текли слёзы — она, кажется, сама не замечала, что плачет. Слишком много всего обрушилось на неё разом: боль, страх, непонимание, и где-то глубоко робкая, почти невероятная надежда, что кошмар наконец закончился.

Вик отошёл от стены и сделал шаг к капсуле. Его голос — низкий, спокойный, тот самый, что звучал на арене перед тем, как он вырвал её из лап смерти, — разнёсся по медотсеку:

— Ты не монстр. Ты живая. Ты в безопасности. А теперь лежи спокойно. Су всю ночь тебя собирала заново. Она, между прочим, даже не обедала. И не ужинала. И не завтракала. Не заставляй её работу пропасть даром.

Су поднялась со стула и подошла к монитору. Цифры на экране медленно, но верно ползли вверх. Ламия всё ещё дрожала, но уже не пыталась паниковать — она смотрела на Вика с тем выражением, с каким смотрит на спасителя тот, кто уже не надеялся на спасение. В зелёных глазах стояли слёзы, но теперь к ним примешивалось что-то ещё. Проблеск доверия. Крошечный, хрупкий, живой.

Медотсек заливал холодный голубоватый свет, что не знает ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера, а просто горит, пока работают приборы, пока бьётся сердце пациента, пока медик не скажет: «Всё». Запах антисептика мешался с запахом трав, которые Су развесила под потолком медотсека ещё в первые дни, — говорила, что они успокаивают нервы. Сейчас это было как нельзя кстати.

Су медленно наклонилась, стараясь не делать резких движений. Мышцы ныли после долгой неподвижности, но она не обращала на это внимания. Её лицо, обычно спокойное и отстранённое, смягчилось — те, кто знал её давно, назвали бы это выражение почти материнским.

— Ты... — её голос прозвучал тихо, ровно, с интонациями, которыми говорят с ранеными животными. — Ты живое существо, которое едва не убили на потеху толпе. Меня зовут Су. Я медик. Я всю ночь штопала твой хвост, и, поверь, я бы не стала тратить столько времени

на монстра. Ты — девочка, которой досталось. Просто девочка. Которая оказалась не в том месте, не в то время и не в том теле по мнению жестоких идиотов.

Она сделала ещё один осторожный шаг и положила ладонь на край капсулы — открытую, беззащитную. Жёлтые глаза с вертикальными зрачками смотрели прямо в зелёные глаза ламии, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни брезгливости, ни страха, — только профессиональное участие и что-то глубже, что-то, что сама Су редко позволяла себе показывать.

— Ты в безопасности. Это наша база. Она скрыта от чужих глаз. Сюда не придут ни гладиаторы, ни стража, ни те, кто хочет твоей смерти. Ты можешь перестать бояться. По крайней мере, здесь. По крайней мере, сейчас.

Муо, всё это время стоявшая с открытым ртом, наконец отмерла. Она подскочила ближе, и в её голубых глазах — огромных, сияющих — не было ни капли отвращения. Только чистое, искреннее любопытство и сочувствие, смешанные в той особой пропорции, которая была свойственна только ей одной.

— Ой, ты такая красивая! — выпалила она, и слова посыпались из неё как горох, быстро и неудержимо. — У тебя чешуйки на лице блестят, как маленькие изумруды! Я таких никогда не видела! И хвост... он, конечно, сейчас весь в бинтах, но когда заживёт, наверное, будет просто потрясающий! Ты можешь им двигать? А плавать? А по деревьям лазить? У меня в одной игре была раса ламий, но ты настоящая, это же в тысячу раз круче! Там у них были бонусы к ловкости и ядам, а у тебя какие бонусы?

Она осеклась, заметив, что Ламия всё ещё дрожит, и её тон мгновенно стал мягче:

— Прости, я слишком громкая, да? Я всегда слишком громкая, когда волнуюсь. Кристина говорит, что я похожа на пищашую игрушку. Но я просто... я сама не совсем человек. У меня рожки, видишь? — Она показала пальцем на свои крошечные рожки, торчащие из белых волос. — И я тоже долго думала, что я какая-то неправильная. Что я трусливая, слабая, что меня все бросят. Но Вик и Су приняли меня. И тебя примут. Мы здесь все немножко... другие. Вернее, много другие. Мы — коллекция неправильных существ.

Она улыбнулась — открыто, тепло, без тени фальши. Такая улыбка не оставляла места для сомнений.

Ламия перевела взгляд с Су на Муо, потом на Вика, застывшего у стены. Её дыхание постепенно выравнивалось, хотя пальцы всё ещё судорожно сжимали край капсулы — побелевшие, с обломанными ногтями. Она облизнула пересохшие губы и заговорила — тихо, хрипло, словно каждое слово давалось ей с трудом:

— Вы... вы правда не считаете меня чудовищем? Там, на арене... они кричали... «убей тварь», «прикончи змею»... Я думала, все люди такие... Все, кроме бабушки и тех, кто в деревне... Я думала, что за пределами наших гор все хотят нас убить... И оказалась права...

Она опустила взгляд на свои руки — бледные, в ссадинах, но уже чистые, без грязи и запёкшейся крови. Кто-то обмыл их, пока она спала. Су, наверное. Или Вик. Или они вместе. Её пальцы дрогнули.

— Меня зовут Сиана. Из деревни Змеинового Камня. Это на севере, в горах... У нас там озеро с голубой водой и старый храм на скале... Я не знаю, жива ли ещё моя деревня. Меня схватили, когда я ушла в лес за травами для бабушки. Она болела, ей нужен был мох с восточных склонов... Авантюристы. Они выследили меня. Продали в рабство. А потом... арена...

Голос сорвался. Она замолчала, пытаясь справиться с подступающими рыданиями. Плечи задрожали, хвост за пределами капсулы судорожно сжался и тут же расслабился, повинаясь усталости, сковавшей каждую мышцу.

Вик сделал ещё шаг к капсуле.

— Твоя деревня подождёт. Сначала ты восстановишься. Су сказала — две недели, и сможешь двигаться. Через месяц полноценно. А потом мы решим, что делать дальше. Пока ты здесь — ты под моей защитой. И под защитой это команды.

Он посмотрел ей прямо в глаза — зелёное встретилось с зелёным, и в этом взгляде было что-то, чего ламия не видела никогда прежде. Не жалость. Не презрение. Что-то другое. Что-то, похожее на обещание.

— Никто тебя не тронет. Никто не назовёт монстром. А если назовёт — будет иметь дело со мной. Ты поняла?

Сиана смотрела на него долгим взглядом. Слезы всё ещё текли по щекам, оставляя влажные дорожки на коже, но в глазах уже не было ужаса. Только растерянность, смешанная с благодарностью — огромной, невыразимой, заполняющей всё внутри. Она медленно кивнула.

— Я... поняла. Спасибо. Всем вам. — Её взгляд скользнул по каждому: по Су, стоящей у капсулы с усталым, но тёплым лицом; по Муо, улыбающейся так, словно она только что получила подарок на день рождения; по Вику, молчаливому и надёжному, как скала, в которой они вырезали эту базу. — Я не знаю, как отблагодарить... Я ничего не умею, только травы собирать и... и прятаться...

Муо фыркнула — громко, совершенно не соответствуя моменту, но именно это и разрядило напряжение:

— Прятаться — это полезный навык! Я вот сначала тоже только пряталась. Серьёзно. Я была лучшим «прятальщиком» в своём мире. Меня никто не мог найти. А потом меня Вик нашёл и сказал: «Хочешь быть глазами отряда?». И теперь я снайпер! И в игры играю. Хочешь, научу? У меня есть портативная консоль! Правда, пока ты лежишь, руки у тебя свободны... — Она осеклась и бросила быстрый взгляд на Су. — Ой, Су, ей можно играть? Это не повредит восстановлению?

Су слабо улыбнулась. Уголки губ дрогнули, и что-то похожее на умиротворение мелькнуло в жёлтых глазах.

— Можно. В разумных пределах. Сон и покой сейчас важнее. — Она повернулась к ламии, и её голос снова стал серьёзным, профессиональным: — Сиана. Ты потеряла много крови. Твой хвост серьёзно повреждён. Я наложила швы и повязки, но тебе нужно лежать и как можно меньше двигаться. Капсула будет поддерживать твоё тело, ускорять заживление. Если почувствуешь сильную боль или что-то необычное — сразу зови. Я буду рядом.

Она на мгновение замолчала, потом добавила — тише, теплее, почти интимно:

— И да. Здесь тебя никто не осудит за то, что ты змея. У нас у всех свои особенности. У меня четыре руки, у Муо рожки. А у Вика... у Вика много всего. Ты привыкнешь. А теперь — отдыхай. Ты заслужила.

Ламия посмотрела на неё, потом снова на Вика, на Муо. В глазах — усталость, боль, но уже не страх. Она медленно опустила голову на подушку внутри капсулы. Подушка была мягкой, пахла чем-то чистым, незнакомым, и это было так непохоже на песок арены, пропитанный старой кровью, что слёзы снова навернулись на глаза.

— Отдыхать... Хорошо. Я постараюсь. Спасибо... Су. И... Вик. И... — она повернула голову к Муо, — ...как тебя зовут?

— Муо! — та просияла. — Просто Муо. Или «эй, мелкая», как Кристина зовёт. Она, кстати, тоже тут будет через... э-э-э... через несколько месяцев по местному времени. Она громкая и красная, но добрая. Очень громкая и огромная. И очень красная. Как закат над прерией. Ты её полюбишь. Наверное. Если она не напугает тебя сначала. Но ты не бойся — она только с виду страшная, а внутри... тоже страшная, но в хорошем смысле.

Ламия слабо улыбнулась — впервые с момента пробуждения. Улыбка вышла бледной, едва заметной, но всё же улыбкой.

— Муо... Красивое имя. Я запомню. И... Кристина. Красная и громкая. Я запомню и её. Даже не видя.

Веки тяжелели. Усталость брала своё — глубокая, всепоглощающая, как океан, в который она погружалась, сама того не замечая. Она ещё раз обвела взглядом странную компанию, спасшую её от смерти и закрыла глаза. Просто заснула.

Су выпрямилась, потирая поясницу. Бросила взгляд на монитор капсулы — показатели ровные, стабильные, — и повернулась к Вику:

— Ей нужен покой. И одежда. И нормальная еда, когда очнётся. Я займусь. А ты... иди поспи. Ты выглядишь хуже, чем она. — Голос её смягчился, и она добавила вполголоса: — И да, Вик... ты поступил правильно. Неферит поймёт. А если нет — я с ней поговорю. Как медик. Или как демон. Что-нибудь придумаем.

— Ты же знаешь, я не нуждаюсь в сне.

— Неважно.

Муо подобрала с пола свой рюкзак и плюхнулась на стул рядом с капсулой. Стул скрипнул.

— Я посижу с ней. Если что — позову. Идите оба отдыхать. У меня после задания всё равно энергии на десятерых. — Она помолчала, глядя на спящую ламию, и голос её стал тише, теплее. — И. командир? Спасибо, что спас её. У нас в отряде теперь будет ламия... Как в настоящей RPG! С бонусами к ловкости!

Она достала консоль и, тихонько напевая какую-то мелодию — кажется, заглавную тему из её игры, — принялась тыкать в кнопки, одним глазом поглядывая на спящую Сиану.

Су, бросив последний взгляд на монитор капсулы, вышла из медотсека. Её шаги — мягкие, почти неслышные — растворились в коридоре. Вик задержался на мгновение. Его зелёные глаза смотрели на пациента: на её бледное лицо, на зелёные волосы, разметавшиеся по подушке, на израненный, перевязанный хвост, неподвижно лежащий на столе. В этом взгляде не было сожаления. Только усталость и странное, глубокое удовлетворение.

Он молча кивнул Муо и вышел следом за Су.

В медотсеке остались только тихое гудение приборов, пиликанье консоли Муо и ровное, спокойное дыхание той, кто сегодня выжила. А снаружи, за стенами пещеры, над прерией занимался рассвет — первый рассвет Сианы в новой жизни. Жизни которая, возможно, имела новый смысл.

Глава 14. Стая

Десять дней пролетели быстро — так быстро, как это бывает только тогда, когда каждый день похож на предыдущий, но каждый приносит что-то новое. Тишина в пещере стала привычной: гудение капсулы, размеренный писк мониторов, осторожные шаги тех, кто стал для Сианы новой, странной семьёй. Семьёй, которую она не выбирала, но которую ей подарила судьба — или тот зеленоглазый гладиатор, что вырвал её из лап смерти.

Первые три дня прошли в полузабытьи. Су настояла на постельном режиме, и капсула стала для Ламии одновременно тюрьмой и спасением. Она просыпалась, ела жидкую кашу, которую Су готовила из местных злаков и питательных концентратов, смотрела на каменный потолок, слушала пиликанье консоли Муо и снова проваливалась в сон. Иногда ей казалось, что всё это — предсмертный бред, и она вот-вот очнётся на окровавленном песке арены под рёв толпы. Что эти стены, этот свет, эти голоса — просто иллюзия, подаренная умирающему мозгу. Но каждый раз, открывая глаза, она видела ровно одно и то же: серые каменные стены, мягкий свет, склонившееся над ней лицо Су с неизменными жёлтыми глазами, копошащуюся рядом Муо или Вика, стоящего у стены со скрещенными руками и смотрящего на монитор. И это повторяющееся чудо — то, что мир оставался прежним, — было лучшим доказательством того, что она жива.

На третий день Су, осматривая швы на хвосте, удовлетворённо хмыкнула:

— Удивительно. Регенерация у тебя быстрее, чем я предполагала. Даже с учётом поддержки капсулы — это впечатляет. У людей такой скорости не бывает. Раны затягиваются, отёк спадает, новые чешуйки уже начинают формироваться по краям швов. Думаю, ещё пара дней — и можно будет вынуть тебя из капсулы, переселить в комнату отдыха. Там тебе будет удобнее. И места больше. А то лежишь, как сардина в банке.

Сиана тогда впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на радость — то чувство, которое она уже почти забыла за время плена и арены. Она попыталась пошевелить хвостом: боль отозвалась, но уже не такая острая, как раньше, скорее тупая, терпимая, как напоминание о том, что она ещё жива. Губы дрогнули в робкой, неуверенной улыбке:

— Я. я правда скоро смогу двигаться? Сама? Без того, чтобы меня несли?

— Правда. — Су скупно улыбнулась в ответ, и эта скупость была не от холода, а от врачебной привычки не давать пустых надежд. — Но не торопись. Всеми своё время. Ты потеряла много крови, и мышцы хвоста ещё не восстановились. Через неделю сможешь ползать по пещере. Через две — выходить наружу. Через месяц — бегать. Если, конечно, не будешь нарушать мои предписания.

На четвёртый день Муо, видя, что Сиана уже не спит круглые сутки, а подолгу лежит, глядя в потолок с выражением тихой меланхолии, решительно придвинула стул вплотную к капсуле и водрузила на край свою портативную консоль. Глаза её горели энтузиазмом, с каким она бралась за всё новое.

— Всё, хватит скучать. Скука вредна для здоровья, мне Су сказала. Ну, она про меня говорила, но к тебе это тоже относится. Я научу тебя играть. Вот, смотри, это «Звёздный Десант: Истребление». Тут надо отстреливать жуков. Управление простое: левый стик — двигаться, правый — целиться. Твои руки свободны, так что справишься. К тому же, это развивает мелкую моторику. Су, наверное, одобрит. Наверное.

Сиана неуверенно взяла в руки контроллер — незнакомый, странный предмет из другого мира, гладкий и тёплый от рук Муо. Её пальцы, привыкшие к травмам и корням, к грубой ткани и деревянным мискам, неуклюже легли на кнопки. Она смотрела на экран, где бегали какие-то существа, и не понимала, что с ними делать. Первые попытки закончились провалом: её персонаж на экране беспомощно крутился на месте, а жуки радостно его пожирали.

Муо хохотала, но не зло, а по-доброму, подбадривая:

— Да не расстраивайся! У меня тоже сначала не получалось. Вот, смотри, я покажу фокус: если зажать эту кнопку и дёрнуть стик вбок, персонаж делает перекат. Попробуй!

К концу дня Сиана, высунув от усердия кончик языка — привычка, оставшаяся с детства, когда она училась плести корзины, — уже вполне сносно отстреливала виртуальных жуков. А когда ей удалось завалить первого «элитного» монстра — громадного, покрытого хитиновой бронёй, с тремя хвостами и горящими глазами, — она издала такой радостный писк, что Су, дремавшая в углу, вздрогнула и чуть не уронила чашку с отваром.

— Простите... — Сиана смутилась, но глаза её горели, как два изумруда. — Я просто... я победила! Оно такое большое было, а я его!..

— Я же говорила, талант! — Муо подбоченилась с видом победительницы. — Будешь моим кооперативным напарником. Вот поправишься окончательно, сядем вдвоём и пройдем кампанию на максимальной сложности. Там такие боссы, что даже я иногда проигрываю. Почти. Редко. Но бывает.

С этого дня консоль стала неотъемлемой частью их общения. Муо, возвращаясь с задания гильдии — то волков прогнать, то овец найти, то в подвале крыс перебить, — первым делом бежала в медотсек, и они с Сианой часами резались в игры, перекрикиваясь и подбадривая друг друга. Су только качала головой, но не запрещала — видела, что это помогает Сиане отвлечься от боли и страха, а смех, пусть и над пиксельными жуками, был лучшим лекарством. Однажды она даже сама взяла контроллер и, пробормотав что-то про «изучение мелкой моторики у нестандартных пациентов», прошла один уровень.

На шестой день Су объявила, что Сиану можно перевести в комнату отдыха. Капсула сделала своё дело: внутренние органы восстановились, раны на торсе и руках затянулись, оставив лишь бледные шрамы, которые со временем должны были побледнеть ещё больше. Хвост всё ещё был в повязках, но уже не причинял постоянной боли, и Сиана могла осторожно им шевелить. Она даже попробовала пошевелить кончиком — и получилось.

Вик собственноручно смастерил для неё кушетку — широкую, длинную, с мягким настилом из найденных в пещере материалов и запасных одеял. Кушетка стояла в углу комнаты отдыха, рядом с тактическим столом, и была достаточно просторной, чтобы Сиана могла вытянуть на ней свой длинный хвост. На спинку кто-то — скорее всего, Муо — повесил засушенный букетик полевых цветов. «Для уюта», — сказала она, когда Сиана спросила.

Когда Сиану впервые вынесли из медотсека — она ещё не могла ползти сама, и Вик нёс её на руках, а Су поддерживала хвост, — она зажмурилась от яркого света в комнате отдыха. А открыв глаза, увидела: голографический стол, мерцающий картами и схемами, кухонный модуль, несколько походных кресел, и — свою кушетку. На ней уже лежала стопка чистой одежды: простая серая туника и что-то вроде длинной юбки, перешитой Су специально под змеиный хвост. Юбка была с разрезами по бокам и завязками, чтобы не сползала при движении.

— Это... мне? — голос Сианы дрожал, и она сама чувствовала, как к горлу подступает ком. — Вы всё это для меня сделали?

— Это твоё место. — Вик опустил её на кушетку, и его руки были удивительно бережными для того, кто мог крушить стены. — Пока ты здесь, ты часть команды. Привыкай. И да, если будет жёстко, скажи, я добавлю ещё одеял. У нас их много. Су зачем-то набрала целый тюк.

— Это на случай гипотермии у раненых, — отозвалась Су из угла, не поднимая головы от планшета. — И вообще, тёплые одеяла — это основа полевой медицины. Не слушай его, Сиана.

Следующие четыре дня стали временем осторожного привыкания. Сиана училась жить заново: есть не из капсулы, а сидя за столом: для неё поставили высокий табурет, на который она могла опираться, обвивая хвостом ножки. носить одежду, которая не сковывала движений,

разговаривать с остальными не как с «духами» или «спасителями», а как с живыми, настоящими существами. Она всё ещё иногда вздрагивала от резких звуков и замирала, когда кто-то подходил слишком быстро, — но с каждым днём этих замираний становилось меньше.

Она много расспрашивала. О базе — как они её вырезали, как прячут от чужих глаз. О том, кто они такие на самом деле, — и ответы были настолько невероятными, что она поначалу думала, что над ней шутят. Звёзды? Другие миры? Война с каменными чудовищами? Но потом Муо показала ей запись из архива — вид на планету из космоса, — и Сиана замерла, глядя на голубой шар, окутанный белыми облаками. Это был чей-то мир. И он был... прекрасен. И мал. И беззащитен.

Она расспрашивала о тех, кто ещё не прибыл. О «Фениксе», о Кристине и Неферит, которые «скоро прилетят и будут ворчать, но они классные». Муо взахлёб рассказывала, и её рассказы были полны таких подробностей, что Сиана иногда не понимала, где правда, а где игровые аналогии.

— Вот увидишь, Неф сначала будет фыркать и говорить, что ты не вписываешься в план, — говорила Муо, лёжа на животе на полу и болтая ногами. — Она вообще всегда фыркает, как я поняла. Это у неё такой способ общения. Типа «фыр» значит «я тебя уважаю, но никогда в этом не признаюсь». А Кристина — она громкая, как медведь. Нет, громче. Как два медведя. Она орёт, смеётся, хлопает по плечу так, что кости трещат. Но она добрая. И обнимается тоже как медведь. Тебе понравится. Наверное. Если она не напугает тебя сначала.

— Я. я постараюсь быть полезной, — робко отвечала Сиана. — Я умею собирать травы, разводить огонь, немного лечить... Су сказала, у меня талант к регенерации, может, я смогу помогать в медотсеке? Или... или просто не мешать...

— Не прибедняйся. — Су, подошедшая с чашкой травяного отвара, мягко, но твёрдо прервала её. — Твои знания местной флоры уже пригодились — я занесла в базу три новых вида растений, которые ты описала. Между прочим, одно из них обладает противовоспалительным действием, и я уже синтезировала из него мазь. Так что ты уже помогла. А когда ты сможешь двигаться полноценно, мы проверим твои физические возможности. Ламия с такой мускулатурой хвоста может быть очень полезна в разведке или ближнем бою. Всему своё время. Но не прибедняйся. Ты не обуза. Ты — ценное приобретение.

Десятый день. Вечер.

В комнате отдыха собрались все. Вик стоял у тактического стола, над которым мерцала голографическая карта континента — та самая, что они составляли последние несколько месяцев, с пометками, маршрутами и зонами неопределённости. Су сидела в кресле с чашкой отвара, пар от которого поднимался тонкой струйкой к каменному потолку. Муо устроилась на полу, скрестив ноги, и возилась с планшетом, время от времени что-то быстро набирая. Сиана — на своей кушетке, обвив хвостом мягкий настил и подобрав под себя самый кончик. На ней была простая серая туника, волосы заплетены в небрежную косу — Муо постаралась, хотя коса получилась немного кривой. Она всё ещё чувствовала себя немного чужой среди тех, кто обсуждал дела, но уже не такой испуганной, как в первый день. Она даже осмелилась взять с кухонного модуля чашку с отваром и теперь грела о неё ладони — совсем как Су.

Вик провёл рукой, и на карте подсветились несколько красных точек:

— Итак. Почти четыре месяца мы здесь. Вектрополь не дал ничего, кроме сорванного плана и одного ценного приобретения. — Короткий взгляд в сторону Сианы, от которого та чуть покраснела и уткнулась в чашку. — Подземный источник, который засекала Муо, оказался тектоническим выбросом — магматическая активность, ничего общего с кристаллическими отложениями или чудесами местного значения. Геоидов в столице я не обнаружил, хотя просмотрел, кажется, каждого аристократа. Секта «Нерождённого Бога» затаилась после моего побега с арены — Су потеряла все контакты, а новых они не заводят. Мы топчемся на месте. Четыре месяца, а мы знаем не больше, чем в первый день.

Он увеличил восточную часть карты, и на ней проступили очертания нескольких городов, соединённых извилистыми дорогами. Реки текли с гор на юг, впадая в море, и на побережье россыпью лежали торговые порты:

— Предлагаю двигаться в Моферунд. Торговая республика, вольные города, перекрёсток слухов и товаров. Там легче затеряться и собирать информацию. К тому же, это нейтральная территория между Империей, Тетоникусом и Сплendorфом. Если Геоиды где-то и плетут интриги, то следы приведут туда. Столица Моферунда, Меркатус, — самый крупный порт на восточном побережье. Там есть отделения всех гильдий, представительства всех королевств и, что важно, свободный доступ к архивам торговых домов. Но самое главное: недалеко от границы есть крупный порт Фергюс. Он совсем рядом с имперским городком Асти.

Муо подняла руку, как в школе — привычка, от которой она, кажется, никогда не избавится.

— Мне нравится! Я в гильдии авантюристов уже заработала репутацию — я теперь «серебряный ранг» между прочим! Если мы двинемся в Моферунд как отряд авантюристов, это будет логично. По пути можно брать задания, прикрывать нашу настоящую цель. Никто не заподозрит. Только... — она задумалась, и брови её сдвинулись к переносице, — ...как мы потащим с собой медкапсулу? И остальное оборудование? Оно тяжёлое и заметное. Антигравитационная платформа, конечно, есть, но она жужжит, и если нас остановят...

Су отозвалась спокойно, без тени сомнения — видно было, что она уже продумала этот вопрос до мелочей:

— Медкапсулу можно демонтировать и перевезти на повозке в разобранном виде. Замаскируем под торговый груз — накроем тканью, обложим мешками с зерном. Большую часть оборудования оставим здесь, в пещере, как резервную базу. Законсервируем вход, настроим датчики движения — если кто-то сунется, мы узнаем. Если понадобится — вернёмся. Запасная база никогда не мешает.

— Разумно. — Вик кивнул, увеличивая на карте точку на границе Империи и Моферунда. — Идти будем через пограничный город Асти. Это последний имперский форпост перед вольными землями. Оттуда — в Моферунд. Путь неблизкий. Пешком, с караванами, может занять несколько месяцев. Как раз к тому времени, как доберёмся, «Феникс» возможно подойдёт на орбиту, и у нас будет полноценная связь и поддержка. Неферит и Кристина смогут спуститься в любую точку.

В комнате повисла короткая пауза, когда каждый обдумывает услышанное. Сиана, слушавшая молча, опустила глаза. Её пальцы нервно теребили край туники, сминая грубую ткань. Хвост, до этого расслабленно лежавший на кушетке, свернулся в тугий клубок. Она чувствовала, как внутри что-то сжимается — то чувство, которое она испытала на арене, когда поняла, что осталась одна против троих.

— Значит... вы уходите. На восток. — Её голос был тихим, почти шёпотом. — А я, я, наверное, должна буду вернуться в свою деревню? Или... или вы отвезёте меня куда-то, где я не буду мешать? Там, на востоке, наверное, есть другие деревни ламий... или я могу просто... уйти...

— Что?! Нет! — Муо вскочила на ноги, едва не выронив планшет. — Сиана, ты чего?! Ты с нами! Правда, Вик? Су?! Скажите ей!

Су поставила чашку на стол — медленно, аккуратно, словно подчёркивая весомость момента. Её жёлтые глаза устремились на Сиану с той особой, изучающей цепкостью, которая была свойственна ей как медику и как человеку, пережившему слишком многое, чтобы судить по внешности.

— Сиана. За эти десять дней я наблюдала за тобой, не только как за пациенткой, но и как за потенциальным членом команды. У тебя быстрая регенерация, высокая физическая выносливость, острый слух и, как выяснилось, способность к терморцепции — ты чувствуешь

тепло на расстоянии. Твои знания местной флоры уже пополнили нашу базу данных. Если ты захочешь остаться с нами — я лично буду рада видеть тебя в медотсеке в качестве ассистента. Нам нужны те, кто знает этот мир изнутри. Не из легенд и архивов, а из жизни.

Она сделала паузу — ровно такую, чтобы слова осели в тишине, — и добавила мягче, тем самым голосом, каким говорила с самыми тяжёлыми пациентами:

— Ты не обуза, Сиана. Ты — потенциал. И если ты выберешь остаться, мы примем тебя. Но выбор за тобой. Ты можешь вернуться в свою деревню, если хочешь. Мы не держим. Мы проводим тебя, дадим припасов, убедимся, что ты в безопасности. Но если ты хочешь остаться, мы будем рады.

Сиана подняла глаза — влажные, блестящие в голубоватом свете тактического стола.

— Вернуться?.. Я даже не знаю, жива ли моя деревня. Те авантюристы, что схватили меня... они говорили, что в горах беспокойно. Что какие-то твари нападают на селения. Что имперские отряды прочёсывают леса в поисках беглых рабов. Я боюсь... боюсь узнать, что там никого не осталось. Что Змеиного Камня больше нет. Что моя бабушка... — она замолчала, не в силах закончить.

Она обвела взглядом комнату — Вика, стоящего у тактического стола с выражением спокойной силы на лице, Су, сидящую с чашкой в руках и смотрящую на неё с тёплым вниманием, Муо, застывшую с планшетом в руках и огромными, полными тревоги глазами. Голос Сианы окреп — в нём зазвучало что-то новое, твёрдое, чего не было раньше:

— А здесь... здесь вы. Вы спасли меня. Вы не назвали меня чудовищем. Вы дали мне одежду, еду, научили играть в эту странную игру с жуками... Вы стали мне... — она запнулась, подбирая слово, и нашла то самое, которое использовала про себя Неферит, на другом конце вселенной, — ...как стая. Я не хочу уходить. Если вы позволите... я останусь. Я буду учиться. Я буду полезной. Обещаю.

— Значит, решено. — Вик кивнул, и в его зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. — Сиана, ты с нами. До Моферунда, а там посмотрим. Добро пожаловать, новобранец. — И на его лице замерла ухмылка — широкая, почти волчья, но при этом странно тёплая. — Будешь нашим проводником по местной флоре, фауне и дурацким обычаям.

Муо радостно взвизгнула и бросилась обнимать Сиану. Та, не ожидав, вздрогнула всем телом — инстинкт заставлял сжиматься, ожидая удара, — но через мгновение обмякла и неуклюже обняла её в ответ. Пальцы, всё ещё помнившие холод ржавого меча, вцепились в ткань её комбинезона.

— Ура-ура! Теперь у нас в отряде есть ламия! Кристина обзавидуется! Неферит, конечно, поворчит для виду — это у неё святое, но потом привыкнет. Вот увидишь! Она прочитает твою историю и фыркнет так, что на «Фениксе» переборки задрожат, но потом начнёт придумывать, как тебя использовать в тактике. Это у неё вместо комплиментов. Я в этом уверена.

Вик поднял руку, призывая к тишине. Жест был спокойным, но таким, что даже Муо мгновенно затихла.

— Хорошо. Теперь детали. Выдвигаемся через три дня. Су, подготовь медоборудование к транспортировке — демонтаж капсулы, упаковка инструментов, консервация того, что оставляем. Муо — разведай караваны, идущие на восток, пристрой нас как попутчиков или охранников. У тебя репутация в гильдии, используй её. Или купи повозку. Я займусь маскировкой базы и упаковкой оружия. Сиана... — он посмотрел на неё, и взгляд его был серьёзным, но без суровости, — ...твоя задача — отдыхать и восстанавливаться. Через три дня ты должна быть готова к долгому пути. Су, её хвост выдержит?

— Если не перенапрягать — да. Регенерация у неё отличная, через три дня сможет передвигаться самостоятельно на короткие дистанции. В пути будем чередовать: часть пути — пешком, часть — на повозке. К моменту прибытия в Асти будет в полном порядке. Может, даже лучше, чем до арены. Нанитов у нас для неё нет, но её собственная регенерация впечатляет.

— Отлично. — Вик развернулся к тактическому столу. — А теперь — нужно передать всё это на «Феникс». Неферит должна знать, что план изменился. И что у нас пополнение. Она, конечно, будет в бешенстве, но лучше она узнает сейчас, чем когда прилетит и увидит Сиану без предупреждения. Тогда у неё точно пар из ушей пойдёт.

Он активировал запись. Над столом загорелся маленький голографический индикатор, и Вик заговорил командирским голосом, каким отдавал приказы на арене и в бою:

— Неферит, слушай внимательно. Прошло четыре месяца по местному времени. План меняется. Вектрополь оказался пустышкой — да, ты была права, не надо так ухмыляться. Геоидов нет, подземный источник — тектоника, секта затаилась. Мы выступаем на восток, в Моферунд. Маршрут: через пограничный Асти, затем в вольные города. Идём под прикрытием авантюристов. Расчётное время в пути — несколько месяцев. Когда доберёмся, «Феникс» уже будет близко, если вы подкорректируете курс. Жду от тебя обновлённого анализа по Моферунду: политическая обстановка, ключевые фигуры, возможные точки появления геоидов. Я знаю, что ты скажешь, так что просто прими как факт.

Он сделал паузу — и по его лицу скользнула тень усмешки:

— И ещё... у нас пополнение. Ламия по имени Сиана. Спасена с арены, говорит, мыслит, чувствует. Су видит в ней потенциал. Она с нами. Подробности в прикрепленном файле. И да, прежде чем ты начнёшь кричать — она не монстр, она жертва. Примерно, как ты, когда я тебя вытащил. Так что будь добра, прояви понимание. Жду подтверждения приёма данных. Конец связи.

Запись остановилась. Муо нажала кнопку отправки, и пакет данных ушёл через ретранслятор к звёздам — туда, где его перехватит «Феникс».

— Ушло! Скоро Неферит получит. — Муо хихикнула, прикрывая рот ладошкой. — Представляю её лицо, когда она прочитает про Сиану... Особенно про «примерно, как ты». Ох командир, ты смелый.

— А эта Неферит... — Сиана неуверенно перевела взгляд с Муо на Су. — Она правда не будет злиться? Что вы спасли меня и взяли с собой? Я не хочу, чтобы из-за меня были проблемы...

Су слабо улыбнулась, и в этой улыбке было что-то от старшей сестры, которая знает о младших больше, чем они сами

— Будет. Обязательно будет. Она надменная, язвительная и считает себя умнее всех. И, надо признать, ум у нее и вправду острый — что бесит ещё больше. Когда она узнает твою историю, она поймёт. Может, не сразу. Может, сначала поворчит. Но поймёт. Ведь у неё история похожая. У нас у всех похожая. Мы все здесь — те, кого вытащили из ада.

— А другая... Кристина? — Сиана вспомнила рассказы Муо. — Она не будет... ну... не раздавит меня? Муо сказала, она как медведь.

— Она и есть медведь, — раздался голос Вика от стола. — Только красный и с рогами. Но не бойся, она обнимает аккуратно. Ну, почти.

Сиана слабо улыбнулась — впервые за этот вечер. Ей всё ещё было страшно: перед дальней дорогой, перед неизвестностью, перед встречей с теми, о ком она только слышала. Но теперь у неё была стая. И она больше не одна.

Су поднялась, поставила пустую чашку на кухонный модуль и направилась в медотсек — готовить оборудование к демонтажу. Вик склонился над тактическим столом, прокладывая маршрут. Муо, всё ещё сияя, уткнулась в планшет. А Сиана осталась на своей кушетке, обвив хвостом подушку и глядя на голограмму, мерцающую над столом.

Моферунд. Торговая республика. Вольные города. Где-то там, возможно, скрываются враги — те самые каменные твари, о которых говорил Вик. Где-то там, возможно, решится судьба этого мира. И где-то там, через несколько месяцев, она встретит надменную женщину

с фиолетовыми глазами и красную демоницу, которые завершат их странную, невозможную стаю.

Она провела ладонью по шраму на хвосте — самому длинному, тому, что оставил высокий гладиатор. Шрам был всё ещё розовым, но уже гладким. Су сказала, что потом он станет почти незаметным. Почти.

«Как и всё остальное», — подумала Сиана.

Где-то далеко, на борту «Феникса», терминал в тактическом отсеке оживёт, оповещая о входящем сообщении. Неферит, склонившаяся над картами, поднимет голову, и её фиолетовые глаза сузятся, читая первые строки. План сорван. Новый маршрут. Пополнение — ламия.

Она фыркнет, откинется в кресле и пробормочет что-то о «непредсказуемых идиотах, которые не могут следовать простому плану», и том как она, великая Неферит, вообще оказалась в таком положении. Но потом перечитает файл о Сиане — о деревне Змеинового Камня, об арене, о том, как Вик вырвал её из лап смерти, — и на её лице мелькнёт тень сочувствия. Возможно. Только тень. Потому что она — Неферит, и она никому не сочувствует.

А потом она начнёт работать. Анализировать Моферунд. Готовить новый план.

— Кристина! — крикнет она в коридор. — Иди сюда. У нас новый план. И у Вика новое пополнение. Ламия. Да, ламия. Нет, я не шучу. Иди, говорю. Будем думать.

И красная демоница, грохоча ботинками, войдёт в тактический отсек, и они вдвоём склонятся над картами, потому что до встречи осталось не так уж много времени. А где-то впереди — Моферунд.